Август-Вильям Васильевич Похлёбкин

ВЕЛИКИЙ ПСЕВДОНИМ

Аннотация

Почему Джугашвили взял псевдоним «Сталин»? Кто был живым прототипом этого псевдонима? Мистика сталинских чисел. Об этом, а также о других малоизвестных фактах сталинской биографии рассказывает книга историка Вильяма Васильевича Похлёбкина.

Оглавление

1. Постановка вопроса

Как случилось, что И.В.Джугашвили избрал себе псевдоним «Сталин»? Каждому должно быть понятно, что ответить на этот вопрос одной-двумя фразами невозможно. Но не каждый поймёт, что вопрос этот долгие годы представлял собой загадку. И раскрыть её тайну никому ещё не удавалось. Вот почему рассказ о том, как удалось наконец это сделать, когда уже невозможно было спросить об этом самого Сталина, т.е. как было проведено это серьёзное, долгое и упорное исследование, может уложиться только в целую книжку.

Итак, для читателя теперь должно быть ясно, что ему предлагают не агитку, не политический памфлет, не досужие и безответственные рассуждения о «тиране», а тщательное, объективное историческое исследование, посвящённое ограниченному, локальному, вопросу: о происхождении псевдонима видного политического и государственного деятеля. Псевдонима, ставшего известным всему миру, многим поколениям людей, и сыгравшего, несомненно, выдающуюся роль в самом росте, продвижении и утверждении, в самом стабильном политическом существовании данной исторической личности.

Без сомнения, — это был очень удачный и очень редкий псевдоним. И то, что он был выбран именно этим человеком, — как теперь уже доказано — не случайность. И то, что этот псевдоним не пришёл на ум никому другому из современников — тоже закономерно, и симптоматично. И именно поэтому чрезвычайно интересно и важно выяснить, — как же это произошло?

С этой точки зрения — историческая необходимость и ценность данного исследования не вызывает сомнения. Теоретически — оно необходимо для лучшего и правильного понимания психологии данной исторической личности. Иными словами — наше исследование служит чисто теоретическим целям исторической науки, поскольку позволяет выявить объективные критерии для оценки психологии определённой исторической личности, что крайне важно, учитывая, что чаще всего исторических персонажей оценивают только с эмоционально-политических позиций, которые чрезвычайно колеблются в разные периоды от преувеличенно-восторженных до огульно-хулительных. Всё зависит от исторической конъюнктуры, политических пристрастий историка и в

немалой степени от той аудитории, которой он адресует своё произведение. Ясно, что преодолеть эту почти неизбежную однобокость исторической науки — важная задача теоретической историографии. И эта однобокость, а тем более — всякие вольные и невольные обвинения в ней со стороны оппонентов, — преодолеваются весьма убедительно, поскольку мы стремимся определить психологию и характер исторического лица не через посредство принятых им политических решений, не на основе оценки совершённых им исторических деяний, носящих явно политическую окраску, а потому оцениваемых любым историком пристрастно, в зависимости от его классовой позиции, а через посредство «химически чистых» психологических задач, решаемых данным лицом лишь сугубо «для себя», в глубине своей души и целиком «от себя», — а не в зависимости от воли партии или государства, — исключительно на основе особенностей своего «я».

Ясно, что теоретическое значение и чистота эксперимента от этого только возрастают и выигрывают.

Следовательно, возражений против выбора объекта исследования, в принципе, не может быть выдвинуто. Вот только сама бросающаяся в глаза узость темы — о выборе одного псевдонима — как бы противоречит самой возможности её теоретического использования. Мы привыкли, что «теоретизировать» можно над очень широкими, глобальными, отвлечёнными «историческими» проблемами. И в этом — огромная ошибка и прошлой, и нынешней русской исторической науки. С одной стороны, — русские историки как дореволюционные буржуазные, так и «советские», так называемые «марксистские», — не привыкли делать подлинно серьёзных исторических обобщений, либо просто опасаясь их, и потому избегая, уходя от них, либо понимая пол «историческими обобщениями» псевдофилософские, социологические общие рассуждения, не связанные с раскрытием и использованием конкретного исторического материала, а целиком основанные на «общих местах» в духе той идеологии, которая господствует в данное время.

Отсюда, — либо насквозь националистические, пропитанные «православием», «славянофильством», «особностью» русской нации и её «души» — объяснения исторического процесса, либо псевдомарксистские социологические рассуждения, оторванные от конкретного материала и буквально «приклеенные» к нему в виде неубедительных аппликаций.

Так не только было, но по этому же исхоженному (т.е. хорошо «проторённому») пути идёт историческая наука и в наше время. Под видом критики «советской» науки те же самые лица, те же бывшие историки «марксисты», теперь уже как «демократы» и «господа» возвращаются просто-напросто на позиции столетней давности, или хуже того, невзирая на накопленный за прошедшее столетие исторический материал и открывшиеся возможности использования архивов, вместо комплексного анализа исторических событий — просто поворачивают стрелку своих прежних оценок в прямо противоположном направлении. Это не требует никакого труда. И это — политически надёжно и экономически прибыльно. Но это — не история, и это, разумеется, не имеет ни малейшего отношения к науке: Вот почему именно при создавшейся ныне обстановке в исторической науке и в общественном отношении к ней, как к насквозь проституированной и псевдо-»политизированной», необходимо выбрать для объекта теоретического исторического исследования — не общий, широкий, политический вопрос, а абсолютно нейтральный и локальный по своему характеру, но в то же время относящийся ко всем знакомому, конкретному, историческому времени и объекту.

Вопрос о псевдониме — явно нейтральный, и даже слишком локальный, кажущийся мелким. Однако это только на первый взгляд, для тех, кто не имеет представления о том, какое место занимали псевдонимы и пользование ими со стороны исторических лиц в России. Именно широкая возможность сопоставления, сравнений в этом узком по теме, но широком по историческому пространству и времени вопросе, делает его удобным объектом для сравнительного теоретического и конкретного исследования. Это — своего рода лабораторная «мышь» или подопытный «кролик» с точки зрения теоретической историографии.

2. Роль и значение псевдонимов в истории общественно-политической жизни России

Итак, что такое псевдоним? Буквально — это ложное имя. Прозвище, имя или фамилия, которое то или иное лицо сознательно и легально выбирает для прикрытия или сокрытия своего настоящего, подлинного, официального паспортного имени. Для большинства людей — это что-то неважное, мелкое, им ненужное. Рабочий или крестьянин, банкир или мелкий клерк, — никогда в жизни не слышали о псевдонимах и им они не нужны. Лишь узкая часть интеллигенции, — писатели, поэты, артисты, отчасти — учёные, знают, пользуются и понимают толк в псевдонимах. Для них — это понятно, для них — это близко, для них — это бывает просто нужно. Но таких людей ничтожно мало в народе — 0, 0001%, если не меньше. Однако именно о них всегда говорят средства массовой информации — ТВ, радио, пресса, именно они всегда на виду, и как теперь стали выражаться: «на слуху!». И это противоречие между количественной ничтожностью элиты и её непомерным общественным значением ныне уже никого не тревожит и не волнует, а тем более не возмущает, вследствие чего представители этой элитарной прослойки перестали пользоваться псевдонимами или превратили свои прежние псевдонимы в стабильные паспортные фамилии. И это характерно только для нашего времени, для конца XX века. Псевдонимы умирают в России.

Но было время, когда они получили сильнейшее распространение — сто лет назад — в конце XIX — начале XX века.

Само появление и существование псевдонимов в России было тесно связано с особыми историческими, политическими русскими условиями, с русской общественной спецификой. Вот почему псевдонимы и их история, немаловажный компонент в развитии русской общественной жизни и мысли, а потому, и довольно симптоматичный показатель в русской истории.

Псевдонимы в России возникли с появлением общественно-политической и художественной литературы, практически с 40-60-х годов XVIII века. Основной причиной их возникновения были, разумеется, тяжёлые цензурные условия царского времени, а также стремление высокопоставленных авторов, занимающих привилегированное общественное положение, проводить свои

идеи, высказывать свои взгляды, скрыв своё подлинное имя, звание, служебное положение в силу целого ряда причин. Были тут и политические и чисто личные мотивы, но самым общим, самым определяющим был принцип «не высовываться». В его формировании принимали активное участие и монархия, и церковь.

Дело в том, что публичные выступления «в открытую» вообще не были свойственны русскому обществу, особенно после петровского времени, с 30-х годов XVIII века. К этому русского человека вначале «исподволь» приучали несколько веков, пока, наконец, к 30-40-х гг. XVIII века не сформировался тот самый «русский менталитет», который просуществовал с тех пор непрерывно почти 250 лет. Активно отучивать русских людей от вредной привычки открыто выражать своё мнение, начал первый царь — Иван III, решивший учиться всему у Запада и сжёгший по примеру инквизиции в 1504 г. на Красной площади в Москве первого русского диссидента Ивана-Волка Курицина, а в 1478 г. выселивший 20000 семей новгородцев за тысячи километров от родного города, чтобы физически уничтожить, развеять сам дух новгородской вольности, новогородского веча, которое именно от этого царя получило приставшее к нему и его подобиям — всем прочим парламентам — уничижительное имя «говорильни». С этой поры на протяжении двух-трёх веков шла упорная борьба разных монархов с «разговорчиками» в России, борьба, в которой последние точки были поставлены Петром I и особенно Анной Иоанновной, использовавшей не только метод насилия, но и методы утончённого и гнусного издевательства над слишком «разговорчивыми» подданными (превращение в шута князя Михаила Алексеевича Голицина и доведение его до умопомешательства). И именно этот последний метод дал «блестящие» результаты. После трёх-четырёх переворотов разговорчики наверху, в верхних этажах русского общества, вообще практически прекратились, и екатерининское время раболепные историографы уже могли называть «золотым веком»: воцарилась тишь и гладь, поскольку последние «разговорчивые» люди в России — Радищев и Новиков были удалены с общественной арены.

Именно в это время пышно начинают расцветать псевдонимы. Пример, как и положено в верноподданической стране, подают сами монархи. При этом все они не отличались оригинальностью в выборе псевдонимов.

Так, Екатерина II обычно подписывала свои литературные произведения — пьесы, притчи — И.Е.В, что должно было означать: Императрица Екатерина Великая, а скучные, резонёрские рассуждения о правах, законах и нравственности, соответственно снабжала псевдонимами «Любомудров», «Правдомыслов», «Угадаев», такими же вымученными и навевающими скуку, как и её опусы.

Павел I никаких претензий на литературную славу не предъявлял, а потому псевдонимов не употреблял, а подписывался всюду по-военному чётко и ясно: Павел. Зато его сын, внук Екатерины II, Александр I, довольно часто употреблял псевдоним «R. de P.» или «comte R. de P.», что расшифровывалось как «граф Романов Петербургский».

Александр II в бытность цесаревичем подписывался псевдонимом А.Н., т.е. Александр Николаевич, а став царём и продолжая пописывать в прессе, — сменил псевдоним на А.Р., т.е. Александр Романов.

Видный поэт из царской семьи в XIX веке Константин Константинович Романов подписывал свои стихи и поэтические сборники только скромным псевдонимом К.Р.

Таким образом, все августейшие писатели, поэты, драматурги и журналисты использовали простейшие виды псевдонимов — собственные инициалы, причём в самом ограниченном размере — в две буквы, обозначавшие имя и фамилию. Такие псевдонимы прямо-таки граничили с анонимами. И именно это — считалось идеалом и показателем приличия и скромности в дореволюционной России. Прибегать к самым невзрачным, самым незаметным псевдонимам было чуть ли не обязательным условием для выступления любого общественно значимого, высокопоставленного или иного чиновного, официального лица в открытой публичной печати вплоть до середины 90-х годов XIX века. Выступать же в прессе под своим собственным именем считалось неудобным, неприличным и даже неэтичным, т.е. фактически вплоть до революции 1905-1907 гг. было просто не принято.

Это неписаное правило распространялось и на учёных, если они принадлежали к известным, аристократическим, титулованным дворянским фамилиям.

Так князь Борис Борисович Голицын, являвшийся выдающимся метеорологом и сейсмологом XIX в., избранный в 1911 г. президентом

Международной сейсмологической ассоциации, издавал в России свои труды по математике и метеорологии обычно под псевдонимами Б.Г. или Б.Б.Г.

Что же говорить после этого о тех учёных и литераторах, которые наряду со своей творческой работой вынуждены были служить в различных государственных учреждениях чиновниками и, естественно, не отваживались, имея перед собой примеры К.Р. и Б.Г., публиковать свои научные или литературные опусы под своей «живой» фамилией. Все они прибегали к разного рода псевдонимам. И если учёные скромно подписывались под серьёзными статьями — одной-двумя буквами, то щелкопёры литераторы и газетчики использовали с 80-х годов XIX века псевдонимы, которые были тем вычурнее и цветистее, чем ничтожнее был сам автор.

Вот несколько примеров таких псевдонимов: «Варахасий Неключимый», «Чудак провинциальных воспоминаний», «Фик-фок», «В долгунеостаюшинский», «Аввакум Худоподошвенский», «Капуцин Ворьбьевых гор», и т.п. Все они были рассчитаны на дешёвый внешний эффект, и тем не менее не запоминались, поскольку принадлежали авторам, за плечами которых была пара бездарных, худосочных, журнальных статеек. Но даже тогда, когда тот или иной журналист, печатался почти ежедневно, на протяжении двадцати-тридцати лет в нескольких крупных газетах, и выступал под несколькими псевдонимами, но бездарно, ни его настоящее имя, ни один из его многочисленных псевдонимов так и не запоминался читательской массе. Так, например, в период 1890-1916 гг. во всех юмористических отделах всех русских крупных газет и журналов подвизался некий К.А.Михайлов, который имел 325 псевдонимов! и выступал не менее, чем с 250-300 статьями и заметками ежегодно на протяжении почти четверти века. Тем не менее ни одно из его семи тысяч «произведений» в отдельности и все они в совокупности совершенно не оставили никакого следа в памяти современников, как и не запомнился ни один из его более, чем трёхсот псевдонимов. Они лишь зафиксированы в журнальных ведомостях на оплату гонорара.

В то же время значительное число псевдонимов разных авторов дореволюционной России так и остаётся до сих пор не раскрытыми. Особенно это касается авторов, писавших не в области художественной литературы.

Писатели и поэты, в основном, учтены в словаре псевдонимов И.Ф.Масанова, включающего свыше 20 тыс. лиц.

Что же касается политиков, экономистов, военных, врачей, учёных разных других специальностей, — выступавших в своей профессиональной и общественной печати не в качестве беллетристов, то их псевдонимы остаются совершенно нераскрытыми вплоть до нашего времени за очень небольшим исключением.

Приведём только два примера таких не поддающихся раскрытию псевдонимов, причём не из глубин XIX в., а относящихся к самому началу XX века, т.е. к авторам, которые должны были бы жить по крайней мере всю первую половину XX века, или хотя бы четверть его. Один пример — из области военной и внешней политики, где, судя по характеру книги, выступает весьма компетентный, опытный, а, следовательно, и известный современникам автор, скрывшийся, однако, весьма надёжно под следующим псевдонимом:

Арктуръ. Основные вопросы внешней политики России. Т.1. Одесса, 1910 г.

Второй пример — из области кулинарии, где скрываться, казалось бы, не было никаких оснований, тем более, что книга, принадлежавшая автору, взявшему псевдоним, была хорошо написанной, интересной и новой по постановке вопроса и содержанию. Тем не менее и этот (скорее всего — высокопоставленный) автор, являвшийся видным специалистом, — также до сих пор не раскрыт:

И.Ф.Б-ий. Гигиенический стол. Питательные и вкусные обеды на каждый день. СПБ, 1902 г.

Обе книжки не какие-нибудь однодневки или тривиальные, серые произведения, а своего рода — новые веяния в соответствующих областях. Они, эти книги, должны были обратить на себя внимание специалистов, как в области внешней политики России, так и в области поваренного искусства. Однако их авторы до сих пор остаются для нас неизвестны, хотя знать, кто они, существенно важно для понимания того, кто представлял новые веяния, новые направления, как в области русской внешней политики, так и в области организации русского стола.

Но выяснить, кто скрывался за инициалами И.Ф.Б-ий или за псевдонимом «Арктуръ» — до сих пор никому не удалось, да и вряд ли когда-либо удастся, ибо оба автора, хотя и принадлежали к разным, очень далёким друг от друга специальностям, и, несомненно, не могли «договориться», поступили одинаково осторожно: они печатали свои работы не через посредство

издательств, а частным образом, слав рукопись прямо в типографию. Поэтому в выходных данных, вместо издательства, обозначено: у первой — «С.-Петербургская электролитня», а у другой книги — «Типография «Русской речи».

При печатании через издательство, в его делах обязательно остаётся подлинное имя любого автора, сдававшего рукопись, ибо ему платят гонорар по паспортному документу, где указана его настоящая фамилия. А издательские документы, как правило, хранятся в архивах.

При издании же книг лично автором, когда он сам расплачивается с типографией наличными, никаких платёжных документов не остаётся, тем более, что типографские финансовые документы, не хранятся в архивах, как издательские, а ликвидируются спустя три-пять лет.

В лучшем положении находится проблема исследования псевдонимов, относящихся к политическим деятелям, ибо все данные на этот счёт учитываются в партийных документах, протоколах съездов и конференций и в конечном счёте попадают в партийные или государственные архивы. Даже в тех случаях, когда ту или иную политическую партию преследуют или ликвидируют, документы её деятельности и её активных членов не пропадают, а собираются и сохраняются в архивах полиции, спецслужб, министерства юстиции и других правоохранительных учреждений. Вот почему исследование псевдонимов политических деятелей, хотя и представляет собой сложную задачу, однако такая работа и возможна, и обладает конкретными источниками и в конце концов выполнима.

Отсюда проблема исследования псевдонимов Сталина и в том числе история происхождения его главного псевдонима, — была поставлена автором с самого начала как реальная и разрешимая. Никаких сомнений в возможности раскрытия этой «тайны» автор не допускал с самого начала работы, т.е. с 1978 г. Всё дело упиралось лишь в то, разрешат ли вести и печатать такое исследование. Однако автор считал, что к 100-летию со дня рождения Сталина, просто необходимо хоть чем-то новым нетривиальным и подлинно исследовательски выявленным и добытым пополнить наши сведения, наши знания об этой крупнейшей исторической фигуре уходящего XX века, ибо кто лучше, чем современники, могут разбираться в специфике нашей эпохи, без знания которой просто нельзя и браться за историческое исследование. Но в

1978 г. работать над этой темой в ИМЭЛ и ЦПА мне не разрешили (отказ подписан зам. директора ИМЭЛ Ростиславом Лавровым) и её пришлось вести по опубликованным источникам, т.е. по прессе в России с 1870 по 1950 гг. и по стенограммам съездов и конференций РСДРП(б)-ВКП(б).

Итак, главный вывод — псевдонимы были в России делом обычным и распространённым, а в среде интеллигенции, и в революционном движении — особенно.

Но прежде, чем начать говорить о псевдонимах Сталина, необходимо хотя бы кратко напомнить как вообще обстояло дело с партийными псевдонимами в российском социал-демократическом и во всём остальном революционном движении в то время, когда в него вступил и в нём действовал Сталин, т.е. нарисовать тот фон, на котором он действовал, чтобы потом яснее увидеть, выделялся ли он на этом фоне или нет.

3. Псевдонимы в революционном движении России

Революционное движение в России было, как известно, «многослойным». Это отметил ещё В. И. Ленин, хотя мельком, и без детализации всех возможных выводов из этого факта. Теперь, зная во всех подробностях историю революционного движения в России, от декабристов до партии большевиков, мы можем совершенно определённо сказать, что каждый отряд, каждый исторический «слой» этого движения был теснейшим образом связан со своим временем, с проблемами, возникавшими, в том обществе, в котором этот «слой» революционеров существовал, и, несмотря на все свои мечты о будущем, вопреки своей обращенности к будущему — никогда не мог перебросить «мост» в следующий исторический период, в следующую историческую эпоху, так как жил и умирал всегда вместе со своей исторической эпохой.

Этот факт весьма многое объясняет в истории развитая России, и особенно, в ошибках и просчётах разных «слоёв», «отрядов» русских революционеров, фактически так и не создавших какой-либо сквозной — проходящей сквозь века — прочной революционной традиции и своего социального революционного традиционного «электората». И эта «изолированность» каждого нового исторического «слоя» революционеров подтверждается неизменно самыми разнообразными «мелкими» фактами, на которые обычно историки и не обращают внимания, в том числе и фактом различного отношения революционеров разных эпох к использованию псевдонимов.

Декабристы, составлявшие не политическую партию, а несколько полуавтономных заговорческих кружков, и принадлежавшие к дворянству (титулованному и не титулованному), а также преимущественно к военной касте, — хотя и понимали необходимость соблюдения элементарной конспирации, т.е. неразглашения своих тайн — окружающим, но, веря в свою сословную и военную солидарность, и в такие понятия, как «честное слово», презирали скрытность, как норму поведения и в силу этого — принципиально не пользовались ни псевдонимами, ни кличками в качестве средств конспиративного или политического прикрытия.

Народовольцы, не представлявшие собой сословно замкнутую группу, но

составлявшие почти профессионально заговорческую организацию, были дисциплинированными, стойкими революционерами, и признавали необходимость строжайшей конспирации своей деятельности, полной изолированности её, ограждения от внешнего мира.

Это были люди, открыто и честно порвавшие со всем, что могло их связывать с существующим обществом. Люди, представлявшие собой элиту российской интеллигенции, куда входили представители буквально всех тогдашних сословий, (от дворян до крестьян) многих национальностей (около десятка!) и к тому же высокообразованных, в том числе и те, кто являлся автодидактом. Всё это давало им огромную идейную и организационную силу, сплачивало их в единый социальный и интернациональный союз, в самом факте создания которого, они черпали силы и уверенность в правоте своего дела. Наконец, это были люди лично чистые, честные, открытые, искренние, происходившие из крепких, патриархальных семей, с налаженным бытом в детстве, не испорченные никакими тлетворными воздействиями общества.

Они были, может быть, даже слишком идеальными, возвышенными, но каждый из них ощущал себя простым солдатом общей революционной семьи и обшей борьбы. О высоких нравственных качествах народовольцев и землевольцев очень хорошо и, главное — исторически верно сказал один молодой поэт, прошедший фронты Отечественной и … погибший в атмосфере затронутой разложением московской литературной среды в начале 60-х гг.

Народовольцы — простые солдаты,
Их подвиг — солдатский, их жизнь — простота
Самые их заблуждения — святы,
Недосягаема их чистота!

Именно такие психологические качества революционеров этого поколения не давали им никаких оснований пользоваться псевдонимами или партийными кличками.

Они были отличными конспираторами, понимали необходимость конспирации от противника, но в среде своих они не могли кому-то не доверять и им не приходило даже в голову избирать для прикрытия своей персоны какой-то псевдоним или кличку. Как молодые люди, они знали друг друга и

общались друг с другом по именам, а при аресте скрывали свою настоящую фамилию, отказываясь её называть, но псевдонимы в своей партийной работе они не употребляли.

Лишь в том случае, когда кому-либо из них приходилось выступать в печати, в газетах или журналах, они, как и все интеллигенты XIX века прибегали к псевдонимам, обычно, случайным, и не постоянным, а для определённой статьи. Интересно, что они избирали в качестве псевдонима — нечто прозрачно намекающее на истинную фамилию — или на характер владельца псевдонима.

Так, например, землеволец А.П.Буланов взял псевдоним П.Соловов для легальных статей о состоянии образования в Сибири, публикуемых в «Юридическом вестнике». Дело в том, что здесь обыгрывались термины конских мастей, в то время всем — от крестьянина до царя — хорошо известные и понятные: буланой называли лошадь рудожелтой масти, имевшей чёрный или чернобурый «ремень» (полосу) по хребту от гривы до хвоста и такие же чёрные гриву и хвост. Такие лошади выглядели всегда бойкими, красивыми, благодаря цветовому контрасту. Поэтому лошадей буланой масти использовали в кавалерии. Соловых же лошадей в армию не брали. Ибо они казались — унылыми, так были такого же желтовато-серого цвета, как буланые, но без чёрных гривы, «ремня», и хвоста. Этих блёклых, неярких лошадок использовали в крестьянских хозяйствах, как рабочих лошадей.

Если учесть, что инициал «П», обозначавший отчество Буланова, был поставлен им в псевдониме, на место имени, то становится особенно наглядной «обратность» псевдонима. Такой псевдоним должен был, как бы подтверждать, обозначать, что выступление автора в легальной печати — это всего лишь оборотная, тыльная, будничная сторона его жизни — работа для денег, и что активным (бойким) и занятым по-настоящему основной деятельностью Буланов по-прежнему остаётся в рядах своих товарищей, где его знают не как Солового, а как Буланого … коня.

Так обстояло дело с псевдонимами в народовольческой среде, где их либо вовсе не существовало, либо их появление было связано не с революционной деятельностью, а с легальной литературной работой, согласно правилам которой для того времени авторы и поступали. В таких случаях псевдонимы народовольцев всегда содержали легко понятный для близких намёк на подлинную фамилию владельца. Иными словами, — от своих ничего не

скрывалось! Этот принцип проводился последовательно.

Когда же в противовес народовольческому движению возникли организации социал-демократической партии, придерживающейся иной идеологии и иной программы политических действий, а также впервые в истории России создавшей настоящую партийную структуру, ставшую подлинно политической общероссийской партией, рассчитанной на создание массового рабочего движения, — то отношение к выбору псевдонимов со стороны этого, третьего отряда революционеров, — коренным образом изменилось.

Зная из печального опыта декабристов (их организация была предана ещё задолго до 14 декабря 1825 г. — «декабристом» унтер-офицером И.Шервудом) и народовольцев (в их среду неоднократно внедрялись провокаторы), как разрушающе на партийные ряды влияют полицейские репрессии и, стремясь всячески обезопасить партию от провалов, руководство РСДРП первым долгом потребовало от членов партии соблюдения строжайшей конспирации, и организовало систему паролей, кличек, явок, как «профилактический» заслон от полицейского вмешательства.

Среди различных конспиративных мер партия регламентировала и выбор псевдонимов, т.е. их обязательность и неукоснительное употребление в процессе практической деятельности партии, в качестве партийных кличек, под которыми активные работники только и могли выступать как в ячейках, так и перед массами и в партийных документах, в том числе при выборах на съезды и конференции. При этом был также определён и сам характер псевдонимов, их некое «единство построения», что объяснялось тоже потребностями усиления конспирации.

Так, согласно наиболее распространённому русскому обычаю, было предложено образовать псевдонимы от самых употребительных русских имён. Это было просто, лишено какой-либо интеллигентской претенциозности, понятно любому рабочему и, главное, выглядело для всех настоящей фамилией, в то же время ни коим образом не ориентируя полицию, а наоборот, всячески сбивая её с толку. Так, даже тем членам партии, чьи подлинные, природные фамилии являлись производными от какого-либо русского имени, было предложено избрать псевдоним — производный от иного имени.

В результате ведущие, активные, наиболее известные деятели РСДРП получили следующие партийные псевдонимы: (Приведены фамилии и

псевдонимы некоторых делегатов II-го, III-го и IV-го съездов РСДРП. Слева — псевдонимы, справа, в скобках — подлинные фамилии)

АКИМОВ (Махновец)
АНТОНОВ (В.А.Овсеенко)
АРСЕНЬЕВ (М.В.Фрунзе)
БОГДАНОВ (А.А.Малиновский)
БОРИСОВ (С.Суворов)
ВОЛОДИН (К.Е.Ворошилов)
ГЛЕБОВ (Н.П.Авилов)
ДАНИЛОВ (Ф.И.Гурвич)
ЕГОРОВ (Левин)
ЗИНОВЬЕВ (О.А.Аппельбаум)
ИВАНОВ (Левина)
КИРОВ (С.М.Костриков)
МАКСИМОВ (А.А.Богданов)
МАРТЫНОВ (А.С.Пикёр)
МИХАЙЛОВ (Постоловский)
ОСИПОВ(Залкинд)
ПАНИН (Гальберштадт)
САШИН (Дунаев)
СЕРГЕЕВ (А.И.Рыков)
СТЕПАНОВ (А.А.Андреев)
ФИЛИППОВ (Румянцев)
ФОМИН (В.Н.Крохмаль)

Как нетрудно заметить, всё в этом списке выглядело одинаково, ни за одним псевдонимом нельзя было различить какие-либо индивидуальные национальные или половые черты (поскольку и женщины должны были иметь мужские псевдонимы). При этом настоящие фамилии, происшедшие от имён, вроде Андреева, никак уж не выглядели на этом фоне фамилиями и могли только ещё более сбить с толку полицию, которой могло показаться, что Степанов выглядит гораздо более похожим на настоящую фамилию, чем более распространённый Андреев.

На таком фоне и фамилия ЛЕНИН (от имени Лена) не производила

никакого особого впечатления, да и псевдоним ИВАНОВИЧ, избранный И.В.Джугашвили для регистрации на IV-м съезде, не особенно выделялся, как индивидуально окрашенный, поскольку и он следовал, в общем, намеченной партией рекомендации: брать себе псевдонимы, произведённые от русских имён.

Наряду с «именными» псевдонимами, в партии создалась и «стихийная» традиция пользоваться также «зоологическими» псевдонимами, т.е. производными от пород зверей, птиц и рыб. Их выбирали люди, которые уж никак не могли преодолеть своей яркой индивидуальности и хотели хоть как-нибудь косвенно отразить её в своём псевдониме.

Вот некоторые из таких зверо-птице-рыбных псевдонимов:

ЛЬВОВ (Мошинский)

МЕДВЕДЕВ (Николаев)

ТИГРОВ (оба — но в разное

ВОЛКОВ время Б.В.Авилов)

БАРСОВ (М.Цхакая)

ОРЛОВ (Махлин)

ГОЛУБИН (Джапаридзе)

СОРОКИН (Н.Бауман)

ГРАЧ (Н.Бауман)

ГУСЕВ (Я.Д.Драбкин)

ОСЕТРОВ (Аристархов)

РЫБКИН (Анашкин)

Значительно меньшая часть «стихийников» искала свои псевдонимы среди названий времён года или названий месяцев, что в целом сохраняло «нейтральность» обозначения.

ЛЕТНЕВ (И.Е.Любимов)

ЗИМИН (Л.Б.Красин)

МАРТОВ (Ю.Цедербаум)

МАЙСКИЙ (И.Ляховецкий)

Не следовали партийным предписаниям о выборе псевдонимов до революции 1905 г. только кавказцы — грузины, армяне, азербайджанцы, — стремившиеся, в нарушение конспиративных правил, как раз как-то обозначить, как-то сохранить в псевдониме кавказский «оттенок», «след» или «налёт».

Так, делегаты партийных съездов и конференций от кавказских организаций регистрировались под следующими псевдонимами.

От Бакинской организации — Сакартвелов (Сакартвели по-грузински Грузия)

От Кутаисской организации — Картвелов (Картли — центральная Грузия)

От Гурийской организации — Шайтанов (Шайтан — чёрт)

От Эриванской организации — Суренин (от имени Сурен)

От Тифлисской организации — Бериев (от имени Бери)

От турецкого Закавказья — Карский (от г. Карс)

От Нахичеванского округа — Беков (А.Зурабов, бек — дворянский титул)

В этом отчётливо проявилась недисциплинированность и «дикость» кавказских членов партии, а также степень недисциплинированности каждого, и их неверные представления о том, что отход от предписаний партии в таком маленьком вопросе не нанесёт ущерба ни партии, ни им самим.

Так, те, кто производил свои псевдонимы от кавказских имён, полагали что они вовсе не нарушают партийных указаний, не понимая, что весь смысл этих рекомендаций состоял не в том, чтобы псевдонимы были только «именные», а в том, чтобы, дав всем русские имена скрыть от противника вообще всякое представление о национальном составе партии, не дать полиции зацепиться ни за какую «индивидуальную черту», а не просто унифицировать, «русифицировать» все партийные псевдонимы.

Это говорит о том, что даже тогда партийный аппарат на периферии страны был намного ниже по своему уровню, чем руководящие органы партии и последние были не в силах контролировать состав организаций даже в условиях их относительной малочисленности. Что же сказать о последующих временах? Уже одно это обстоятельство буквально заставляло, требовало проведения периодических чисток, ибо засоряя партию балластом, или просто дураками, теряли постепенно и лицо партии, её авторитет. А с 1935 г. чистки в партии уже практически не проводились и были заменены как раз их самым недопустимым эрзацем: репрессиями карательных органов, которые зачастую уничтожали «культурные ростки», а оставляли явные «сорняки», ибо решали карательно-уголовную задачу, а не политическую. Именно в извращении самой сущности чисток, а не в факте их проведения в своё время и лежит основной политический и исторический порок политики второй половины 30-х годов. Но

именно этот момент до сих пор замалчивается при критике партии, в то время как разъяснение его должно было бы стать ключевым в начале перестройки в 1986-89 гг.

Это сознательное извращение сути исторических ошибок партийного руководства и позволило горбачевцам и «демократам» оболгать всю политику партии, и увести массы от созидательных задач на путь разрушения и партии, и социалистического государства.

Но вернёмся к псевдонимам в эпоху пребывания партии в подполье. Ещё более недисциплинированными по отношению к рекомендациям партии, и тем самым к её политике, к её авторитету, оказалась та часть её членов, которая пришла в революционное движение, пройдя несколько оппозиционных организаций и фракций — из Бунда, из среды «экономистов», из меньшевиков и др.

Отчасти не зная о сложившихся уже традициях в РСДРП(б), а отчасти не считая их для себя обязательными, особенно в той части, где они касались не принципиальных политических вопросов, а партийного быта, партийных привычек, партийного поведения, — эти люди, особенно после 1905 г. и наступившего периода разброда в 1907-1910 гг. привносили в партию свои понятия, свои привычки, и в частности, своё понятие о партийных псевдонимах, с которыми они, как правило, уже приходили в партию, и которые выбирали ещё до своего активного участия в её работе, или же после пребывания в ссылке или в тюрьмах, куда они попадали первоначально сразу же после первых шагов в той или иной организации, как правило, по беспечности и неопытности.

Самой распространённой основой для выбора псевдонима у этого типа людей были географические объекты, т.е. города или села, где они родились, были в тюрьме или на поселении, или же где им приходилось вести свою основную партийную работу. Выбор подобных псевдонимов не требовал никакого труда и размышления, происходил в 90% случаев совершенно автоматически и единственным препятствием такого выбора могла служить неблагозвучность того или иного географического пункта. Технически же псевдоним этого рода представлял собой прилагательное, образованное от названия населённого пункта с окончанием «-ский». Так, если город назывался Немиров, то фамилия-псевдоним получалась — Немировский, а если это была

Белая Церковь, то и тут затруднений не возникало и получался красивый псевдоним Белоцерковский.

По такому принципу образовывали свои не только псевдонимы, но и полноправные фамилии, в царской России все евреи, выезжавшие по разрешению на работу или место жительства из Польши, Украины и Белоруссии в великорусские губернии России или в Сибирь. Пересекая «черту оседлости», т.е. границу, за которую евреи не имели права в царской России выезжать без разрешения, они, обычно, меняли свои национальные, специфические имена и фамилии и брали «географическую фамилию» с «польским оттенком». Но от настоящих польских фамилий такие фамилии отличались тем, что были основаны исключительно на использовании географической номенклатуры, в то время как настоящие польские фамилии были связаны прежде всего с польскими словами, обозначавшими профессию, качество или свойство характера и реже — родовое («звериное») наименование владения или поместья, названия которых никак не напоминали распространённые географические объекты.

Беря партийный псевдоним по этому типу, многие использовали географические названия не своего места рождения за чертой оседлости, а наименования русских населённых пунктов, где им приходилось бывать.

Так возникли псевдонимы:

Варшавский — (М.Г.Бронский)

Ярославский — (М.И.Губельман)

Киевский — (Г.Л.(Ю.Л.) Пятаков)

Радомысльский -

Московский — (О.-Г.А.Апфельбаум)

Троцкий — (Л.Д Бронштейн) от г. Троки в Литве, ныне Тракай

Сокольников — (Г.Я.Бриллиант) от московских Сокольников.

После 1905 г. по такому же принципу стали выбирать псевдонимы и русские революционеры:

Томский — М.П.Ефремов

Волгин (затем — Камский) — Н.А.Обухов

Свирский (позднее — Невский) — А.В.Галкин

Невский — Ф.И.Кривобоков

Симбирский — К.Н.Самойлова

Что же касается бундовцев, то они, наоборот, позднее стали брать псевдонимы, не скрывавшие их национальной принадлежности:

М.И.Гольдман — Либер

Ф.И.Гурвич — Дан

И.Айзенштадт — Юдин

После нескольких лет шатаний в годы отлива революционного движения (1908-1910 гг.) старые фракционеры, переходя на сторону большевиков, старались избирать для себя новые псевдонимы, более подходящие для члена большевистской партии, и как то отвечавшие той славе твёрдых, несгибаемых, твердокаменных, которую приобрели большевики в революцию 1905-1907 гг. и в годы реакции.

Так, видный меньшевик-партиец, Л.Б.Розенфельд, долго выбиравший себе большевистский псевдоним, наконец, нашёл простой выход, переведя расхожую фамилию своей замужней сестры — Штейн — на русский язык и став с этих пор для всего мира — Каменевым.

Вообще, после 1905-07 г. в большевистской среде выбор псевдонима стал совершенно свободным от каких-либо партийных предписаний и многие видные большевики пошли по линии приобретения «крепких», «жёстких», «военных» псевдонимов.

Так, А.В.Луначарский стал известен под именем Воинова; В.М.Скрябин стал Молотовым, Н.К.Крупская указывала себя на партсъездах, как Саблина.

В этом же ряду «крепких» псевдонимов должен рассматриваться и псевдоним Сталин. Но его уже тогда от всех остальных псевдонимов отличало то, что он был и «крепким» и в то же время единственным, созвучным в партии с псевдонимом Ленин, а также то, что он никому до Сталина не пришёл в голову, хотя в партии было несколько человек, имевших как бы близкие к этому понятию фамилии — Сталь, Стальков, оказавшиеся, однако, совершенно незаметными, на фоне прочих.

После революции, когда партия пришла к власти, отношение к псевдонимам изменилось — у одних они совершенно отпали, и политическая деятельность таких людей стала проходить и отождествляться под их настоящей фамилией. У других, наоборот, псевдонимы перестали быть псевдонимами потому, что превратились в полноправную единственную фамилию, под которой данный политический деятель жил, работал и был

известен массам.

Если посмотреть с этой точки зрения на ближайшее окружение В. И. Ленина в 1917-1924 гг., то окажется, что люди с русскими фамилиями, прежде имевшие наряду с ними и псевдонимы, отбросили их после революции, как шелуху, связанную с иной эпохой, иной жизнью, и с иным историческим периодом, который остался в далёком прошлом.

Это: Рыков, Ворошилов, Луначарский, Крупская, Бубнов, Красин, Бухарин и др.

Именно под этими своими настоящими фамилиями они вошли в историю, а не под теми партийными псевдонимами, которые использовали в течение 10-15 предреволюционных лет, в глубоком, подполье, и которые ныне уже всеми забыты. Ибо кто помнит таких деятелей, как Сергеев, Володин, Воинов, Саблина, Зимин и Николаев?

Наоборот, такие деятели партии, как Мартов, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Литвинов вошли в историю именно под этими своими псевдонимами, ибо кто знает и помнит теперь, что когда-то они были Цедербаумом, Бронштейном, Апфельбаумом, Розенфельдом и Валлахом?

Особняком стоят от обеих этих групп только Ленин и Сталин.

Оба они и после революции сохранили в равной степени и фамилию, и псевдоним, подписывая свои статьи, обращения и государственные документы и фамилией и псевдонимом одновременно:

Председатель Совнаркома В.И.Ульянов-Ленин

Наркомнац И.В.Джугашвили-Сталин

И люди знают, запомнили одинаково хорошо как их псевдонимы, так и фамилии. И то и другое — стало в равной мере достоянием истории, приобрело широкую историческую известность.

Но при этом псевдонимы сохранились дольше фамилий и стали основными именами, с которыми идентифицируется деятельность этих исторических лиц.

А это говорит о том, что оба псевдонима оказались крайне удачно выбраны. У Ленина это был один из полутора сотен употреблявшихся им псевдонимов, причём далеко не первый. У Сталина это также был один из трёх десятков его псевдонимов, причём — самый последний, окончательный.

Как же он выдумал его? И вышел ли он на него случайно или шёл в своих

поисках целеустремлённо и последовательно, намеренно стремясь к отысканию сильного, крепкого, и — редкого псевдонима, а именно — единственного.

Выясняя подобный вопрос, мы не просто удовлетворяем своё любопытство, но и раскрываем более серьёзную проблему — о месте Сталина в партии, что должно интересовать и историков, и политиков, и что имеет огромное политическое практическое значение с точки зрения оценки всей истории партии. Иными словами, мы можем существенно приблизиться к объективному пониманию того, заслуженно или не заслуженно занял в партии руководящее место Сталин? И могла ли быть, существовать в тогдашних исторических условиях, более удачная кандидатура на роль лидера?

Если мы выясним, как случилось, что провинциальный революционер, отличающийся по уровню образованию и культуры от своих гораздо более ярких, блестящих русских, латышских, польских и еврейских коллег в РСДРП, смог сделать то, чего никак не могли достичь они, т.е. выбрать себе псевдоним, партийное имя политика, которое было лучше, яснее и красивее, прочнее, чем все иные, существовавшие до него и вокруг него, и при этом это партийное имя оказывалось полетать, могло стать вровень с именем-псевдонимом вождя и руководителя партии Ленина, то мы в значительной степени раскроем тайну возвышения Сталина. Почему? Да потому, что вскрыв основную черту характера, позволившую ему стать лидером, мы поймём, почему он смог «переиграть» своих коллег-соперников в партии задолго до 1937 г. и занять высший пост — не формально, а по существу — в партии, в государстве, да и в … головах людей.

4. Почему задерживалось издание Собрания Сочинений И. В. Сталина при его жизни и как Сталин относился к раскрытию чужих псевдонимов

Как известно, при жизни И. В. Сталина, всё, что касалось его биографии, не могло быть предметом обсуждения, исследования и даже изложения со стороны какого-либо отдельного историка. Этим вопросом могло заниматься лишь учреждение — ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), где в составе ЦПА находился фонд И. В. Сталина, выделенный в особое, тщательно засекреченное хранение. Фактически никаких исследований по этому фонду не велось, пока был жив сам Сталин, а после его смерти Институт, преобразованный на короткое (1954-55 гг.) время в ИМЭЛС, так и не успел развить исследовательскую деятельность в отношении жизненного пути И. В. Сталина, так как решения XX съезда КПСС, осудившие культ личности Сталина, привели к новой (1956 г.) реорганизации Института в ИМЛ (Институт марксизма-ленинизма) и к свёртыванию предполагавшейся ранее работы по окончанию издания Собрания сочинений И. В. Сталина. А именно эта работа должна была бы вызвать подлинно научное, подробное изучение биографии Сталина и привести к составлению хроники событий его жизни и деятельности, что в свою очередь дало бы основание для выяснения многих неосвещённых сторон его биографии. Но ни в 60-е, ни в 70-е, а тем более в 80-е годы систематическая работа по исследованию деятельности И. В. Сталина не только не велась, но и была по разным мотивам фактически запрещена.

Новая волна «развенчивания сталинизма», возникшая во второй половине 80-х годов сконцентрировала весь интерес исследователей, которые были, наконец, допущены к сталинским фондам, лишь на материалах, касающихся борьбы Сталина против его политических противников внутри партии, к процессам 1930-х годов, к репрессивным действиям ГПУ и НКВД. Именно эти материалы — переписка Секретариата ЦК ВКП(б), постановления и решения, имевшие резолюцию или визу Сталина, личные дела бывших членов Политбюро и ЦК партии, — стали в первую очередь объектом интереса различных историков. Что же касается до собственно изучения личности и биографии И. В. Сталина, то в этом отношении наступила полная остановка: все факты, все данные, все «нейтральные» сведения, которые не работали на

версию «кровожадного тирана», практически ныне игнорируются историками. В результате мы имеем серию крайне похожих друг на друга «разоблачительных», «антисталинских» биографий, отличающихся одна от другой лишь степенью «ядовитости слюны». Среди авторов этих работ Л.Д.Троцкий, Р.Такер, И.Дейтшер, А.В.Антонов-Овсеенко Младший, Р.Слассер, и пара бездарнейших фальсификаторов, создавших исторически безграмотные и фактически грубо ошибочные «опусы»-фолианты — Ф.Д.Волков и Д.Волкогонов (довольно странное совпадение авторских фамилий и «качества» их произведений).

Все вышеуказанные «труды», своим фактическим материалом лишь «обирая» Троцкого, не прибавляют нам в совокупности ни грана деловой исторической информации, крайне узки по сфере исследования, и совершенно лишены добротного, объективного, проверенного по архивам и полного по всем своим аспектам справочного материала, освещающего всю хронологию, все факты, все события без исключения, связанные с деятельностью И. В. Сталина, день за днём.

Фактически до 60-70% таких фактов абсолютно исключены из рассмотрения и один этот «технический приём» резко искажает картину и суть событий, в которых не только участвовал, но и которые определял, направлял и контролировал И. В. Сталин — государственный деятель, доминировавший в течение 30 лет в истории страны, партии, международного коммунистического движения и в марксистской идеологии. При таком положении Сталина, стоит только придать тот или иной специфический оттенок или черту его личности, как все события получают соответствующее объяснение. Сталин — тиран. И вся история его времени превращается в историю тирании. Сталин — гений человечества, светлая личность и тогда вся его эпоха может трактоваться, как непрерывная эра прогресса.

Стремление рассматривать историю страны и определённого исторического периода через призму психологии руководителя этой страны — будь то царь, император, вождь, президент — один из самых стандартных, распространённых методов идеалистической, субъективной историографии. Он не имеет ничего общего с научным, марксистским пониманием истории, но он весьма прост и доступен для понимания профанов, для мышления т.н. «человека с улицы». Вот почему им пользуются в пропагандистских целях, вот

почему при таком методе объяснением истории можно вертеть как угодно.

Почти все биографы Сталина принадлежат к таким субъективным идеалистам. Все они создают «целенаправленную», заранее намеченную историческую версию, к которой подстёгивается всё, что «работает» на неё, что позволяет сделать «биографию злодея» увлекательной для чтения, как детектив.

Все остальные, т.н. «противоречивые» или «нейтральные» факты спокойно отбрасываются: ведь они мешают писать, не создают «цельности».

Кроме того, факты — будь они хорошие, или плохие — рассматриваются не хронологически — а «тематически», один к другому по типу, а не в порядке их возникновения во времени, не хронологически.

Все фальсификаторы истории — боятся и не любят хронологии! Да они и не умеют писать «хронологическую историю»: это для них трудно, нудно и неэффектно. Вот почему все фальсификаторы и их вдохновители упорно борются против хронологических историков, как «объективистов». Они неудобны, как сторонникам версии «тиранства», так и их противникам. Они путают обоим их карты. К таким объективным работам принадлежит книга венгерских советологов Л.Белади и Т.Крауса. Она — самая объективная, самая лучшая из всех изданных до сих пор биографий Сталина. Но, к сожалению, она кратка, сжата, и сами авторы считают её не научной, а популярной, хотя именно она свободна от дезинформации, фальши и прямой 100-процентной лжи многих работ, считающихся «научными».

Пренебрежение к хронологии со стороны биографов Сталина из всех лагерей и всех мастей стало причиной того, что несмотря на наличие огромного числа его биографий, мы до сих пор не знаем некоторые, совершенно элементарные факты его биографии, особенно факты личного порядка, обычно известные относительно деятелей гораздо меньшего масштаба, и важные для историка именно с точки зрения точности. Так, например, до сих пор неизвестен или остаётся спорным … год рождения И. В. Сталина, о чём нам придётся ещё говорить ниже. Точно также мы не знаем всех его псевдонимов, а тем более их значения, и что уже совершенно невероятно, — мы не имеем никакого, даже мифического, апокрифического — представления о его самом главном, основном псевдониме — Сталин — под которым он и вошёл в мировую историю.

Вопрос этот, разумеется, должен был бы интересовать и советских и буржуазных историков, но они проявляли к нему поразительную индифферентность, что ясно говорит о том, что тогдашние историки были начисто лишены исторического чутья. Ибо кто запрещал интересоваться этим вопросом буржуазным историкам за кордоном? Конечно, кто знает, может быть они вначале заинтересовались этим, а затем пришли к выводу, что тема не поддаётся раскрытию или что её разработка им невыгодна. Но, никаких публикаций, никакой реализации подобной темы, зарубежные советологи так и не осуществили.

Вопрос этот должен был бы встать официально и в СССР, при подготовке издания Полного Собрания Сочинений И. В. Сталина, но поскольку само издание так и не было завершено, то вопрос этот так и остался вопросом.

Странно лишь то, что никто не взялся за разработку этого вопроса сам, без официального поручения со стороны ИМЭЛ или АН СССР. Вот почему остаётся фактом, что советские историки не только проявляли обывательскую трусость, но и главное — не были историками в профессиональном смысле, были лишены исторического чутья. И этот приговор им можно считать ныне абсолютно объективным. Те, кто в 40-е — 50-е годы возглавлял ИМЭЛ, да и весь т.н. «фронт советской исторической науки», по существу занимали антинаучные позиции в чисто профессиональном плане, и фактически, по этой причине … саботировали завершение издания Собрания сочинений Сталина.

Как ни парадоксально, но Сталин стал самой яркой жертвой политической конъюнктуры и даже при его жизни вопрос об издании его собственных послевоенных выступлений (перед избирателями, по экономическим проблемам и языкознанию) в качестве 17 тома его собрания сочинений не ставился, а отсюда не решался и вопрос о 18-м томе, справочном, который должен был бы завершить всё издание, и аналогом которого были два справочных тома к сочинениям В. И. Ленина, где сосредотачивался громадный фактический материал.

В ИМЭЛ считалось, что «время покажет», как быть, а пока, заранее, ничего не предрешать, и, главное, — ничего не уточнять и не объявлять, сохраняя спасительную туманность. Вот это и была классическая шкурническая позиция.

Практически это означало, что все вопросы, могущие интересовать в первую очередь профессиональных историков, т.е. точные даты и часы

политических и партийных событий, полные фамилии, имена, отчества, инициалы и псевдонимы и партклички работавших со Сталиным товарищей и его политических врагов, упоминавшихся в его произведениях, предметный, именной, географический и библиографический указатели, — всё это заранее не предусматривалось в качестве необходимого научного справочного сопровождения сталинских сочинений.

Они, этого рода справки были изъяты во всех уже вышедших отдельных томах, но они и не предполагались, по-видимому и для всего собрания сочинений в целом.

А это делало всё издание крайне куцым, жалким, лишённым информативности, т.е. крайне неудобным для пользования со стороны профессиональных историков и исследователей.

Нет сомнения, что в этом оказался, по крайней мере отчасти, повинен и сам Сталин, который не мог не понимать, что простые именные, алфавитные, хронологические и библиографические указатели, а тем более неизбежные комментарии к ним, если делать их по типу принятому для сочинений В. И. Ленина, могут вызвать целую череду недоуменных вопросов, как у тех, кому будет поручено составлять эти указатели, так и у читателя, поражённого их скудностью, если делать их без … архивов. Вот почему сам Сталин не торопил ИМЭЛ с окончанием работы, как только этот Институт достиг 13 тома.

Но гораздо большая вина ложится и на руководство ИМЭЛ и Комиссию по изданию сталинских сочинений, т.е. на Поспелова П.Н., Митина М.Б., Кружкова В.С., которые, предлагая программу издания произведений И. В. Сталина, просто-напросто побоялись включить в неё данные о необходимости Указателя. А они обязаны были это сделать, если хотели, чтобы издание мыслилось как научное. Сталин же мог просто не заметить отсутствие в программе Указателя, считая это техническим делом, или вообще, не придавая этому значения, как обычно не придают ему все, кто не является учёным или издателем по профессии. Указанная же выше «троица» и особенно М.Б.Митин вполне сознательно формировали традиции «культа личности», и устанавливали ряд его чисто формальных атрибутов, так что их ответственность перед историей и партией — за систематическое насаждение «культа личности» — огромна, и особенно в системе партийной пропаганды, которой эти люди заведовали в течение четверти века.

М.Б.Митину, например, принадлежит «заслуга» исключения из биографий деятелей революции и партии периода их допартийной жизни, т.е. детства и юношества, которое до 1931 г. считалось наоборот, важнейшим периодом, для объяснения идейного формирования личности. И жертвой этого «исключения» стал и Сталин.

Вот почему в силу сложившейся в ИМЭЛ «новой» традиции подачи биографических сведений деятелей партии, их биографии начинались с вступления в партию, и перечисляли затем данные анкетного листка по учёту кадров, т.е. то, что заносилось в учётную карточку райкома и в трудовую книжку.

Что же касается тех деятелей, фамилии которых упоминались в истории партии — или в вышедших томах собраний сочинений И. В. Сталина в негативном смысле как его корреспонденты или политические оппоненты и противники, то такие упоминания никак не комментировались, со стороны издателей и редакторов ИМЭЛ, так что читателю невозможно было даже понять, о ком шла речь. Так, например, письма Сталина, адресованные им в своё время т-щам Ч-е, Д-ову, Ме-рту, Рафаилу (имя это или фамилия?) — и т.п., публиковались без раскрытия полного имени, инициалов, фамилии адресатов, а также без всякого указания их положения в партии и государстве, их места работы, должности и т.д.

Всё это крайне затрудняло представление о круге лиц, корреспондировавших со Сталиным, искажало диапазон и значение его собственных высказываний. Всё это Сталин, несомненно, понял и даже, вероятнее всего, осознал, что подобный подход ухудшает его собственное «историческое значение», но уже ничего исправить во всём этом просто не мог, и физически не успел.

Таково было положение, когда издание Сочинений И. В. Сталина, неожиданно застопорилось на 13 томе. Даже вышедшие ранее отдельной книгой выступления и приказы И. В. Сталина в период Великой Отечественной войны 1941-45 гг., для которых заранее отводился резервный 14 том, так и не были переизданы в составе Собрания Сочинений, хотя это было технически совершенно простым делом, тем более что в данном случае ни о каких затруднениях с комментированием не могло быть и речи.

Дело же заключалось в том, что ИМЭЛ и его руководство просто-напросто

«затаились» и решили никак и ничем не напоминать о себе, будучи хорошо информированы о том, что самому Сталину этот вопрос не казался актуальным.

Остановка издания Сочинений И. В. Сталина автоматически повлекла за собой и то, что никому так и не была в ИМЭЛ поручена «опасная» работа по сбору, систематизации и комментированию псевдонимов самого И. В. Сталина. Более того, вокруг этого вопроса именно в период 1947-49 гг. шла какая то не совсем ещё ясная нам, но скрытая, подспудная борьба. Этой теме, во-первых, не было посвящено ни одной специальной научно-исследовательской статьи в историко-партийной и в академической печати, хотя И. В. Сталин, как почётный академик, имел все основания на внимание со стороны «Биографической» и «библиографической» серии, издаваемой АН СССР об учёных страны. Публикации ИМЭЛ и Истпарта также хранили глубокое молчание на этот счёт.

В то же время, в 1949 г. в период борьбы с «космополитами», когда газеты стали раскрывать литературные псевдонимы типа «Викторов», «Маринин», сообщая еврейские фамилии их подлинных владельцев, — т.е. писателей, поэтов, журналистов, скрывавшихся десятилетиями за этими псевдонимами, Сталин публично выступил на одном из совещаний, и осудил тех, кто раскрывал литературные псевдонимы, подчеркнув, что это недопустимо. В этом «указании» ИМЭЛ увидел намёк на то, что вопрос о псевдонимах самого Сталина, не может быть вообще предметом не только исследования, но и простого собирания, перечисления или любого внимания. Такова была атмосфера «культа», дававшая поводы к самой неожиданной интерпретации «указаний вождя» со стороны той клики присяжных «идеологов», которая возглавлялась Митиным и Поспеловым.

Таким образом, задача выявления псевдонимов И. В. Сталина так и не была никогда поставлена в ИМЭЛ, не стала ни при его жизни, ни тем более после его смерти предметом исследования. А без этого, мы не можем ответить на ряд существенных вопросов и личной и партийной биографии Сталина, не можем правильно судить о нём и о его деятельности в дореволюционный период.

С чего начать собирание псевдонимов Сталина? Прежде всего с тех, которыми он подписывал свои политические статьи и которые сравнительно легко выявить при сплошном просмотре Собрания его сочинений.

Помимо этого у Сталина были «устные псевдонимы», или партийные

клички, употреблявшиеся в ходе практической подпольной партийной работы и оставшиеся в памяти его товарищей по партии, и зафиксированные в их воспоминаниях, а также в полицейских протоколах ареста, следствия и суда, которым подвергался Сталин до революции.

Наконец, нельзя упускать из виду, что Сталин печатался не только в партийной прессе, и писал не только прокламации, пропагандистские статьи и марксистские исследования. До перехода на нелегальное положение (в 1902 г.) Сталин печатался в легальных литературных журналах и газетах Грузии (на грузинском языке), причём его произведениями были романтические стихи, которые публиковались издателями тоже под разными псевдонимами.

Таким образом, только кропотливый исследователь, изучающий биографию Сталина день за днём и располагающий всеми архивными материалами, связанными с его партийной и политической деятельностью (донесениями полиции, прессой Грузии и рабочей печатью, личным досье и т.п.) мог бы составить полный перечень сталинских псевдонимов, среди которых, в определённый момент, появился и псевдоним «Сталин». Сопоставление всех этих данных между собой и с событиями биографии Сталина, их, наконец исторический, литературный, лексический и не в последнюю очередь психологический анализ, — позволили бы с достаточной долей достоверности реконструировать ход мысли Сталина или его источники, послужившие толчком, или поводом, причиной для возникновения того или иного псевдонима.

5. Сводный список сталинских псевдонимов и их классификация

Не располагая абсолютно всеми материалами для указанной работы, и не считая то, что удалось найти, совершенно исчерпывающим, мы, тем не менее собрали воедино все известные печатные (письменные) и устные (клички, прозвища) псевдонимы Сталина и расположили их по алфавиту, как это принято было прежде в отношении псевдонимов В. И. Ленина, во втором справочном томе Собрания сочинений.

В их числе 18 псевдонимов из печатных произведений И. В. Сталина, выявленных по изданным томам Собрания Сочинений; 6 партийных кличек, приводимых в краткой биографии И. В. Сталина, написанной в 1925 г. И.Товстухой (тогдашним сотрудником ИМЭЛ и видным партийным работником) и три литературных псевдонима, выявленных по грузинской периодике конца XIX века. Кроме того два устных псевдонима, не указанных И.Товстухой в 1925 г., приводятся, без ссылки на источник в книге Д.Волкогонова и один — в книге венгерских советологов.

Если учесть, что две партийные клички Сталина совпадают с его печатными псевдонимами (Коба и Сталин), то общее число всех выявленных в настоящее время сталинских и устных и печатных псевдонимов составляет 30 единиц.

1. Бесошвили И.
2. Василий
3. Гилашвили
4. Давид
5. Дж-швили
6. Иванович
7. К.
8. К.С.
9. Като, К.
10. Ко..
11. К.Ко.
12. Коба
13. Коба Иванович
14. Товарищ К.

15. Нижарадзе (Нижерадзе)
16. Меликянц (1910 г.?)
17. Тот же
18. Чижиков
19. Чопур
20. С.
21. С-н.К
22. Салин, К.
23. Солин, К.
24. Сосели (Созели)
25. Сосело
26. Ст. И.
27. Ст. К.
28. Сталин, К.
29. Стефин, К.
30. Сталин, И.В.

Если учесть ещё настоящую фамилию — Джугашвили и вариант фамилии-псевдонима Иосиф Джугашвили-Сталин (2 ноября 1917 г.), то весь сталинский номо-фонд составит — 32 единицы.

Для сравнения укажем, что число псевдонимов В. И. Ленина, помешенных в Справочном томе, части 2-й, 5-го издания Полного собрания сочинений составляет 146 единиц, причём из них 17 иностранных и 129 русских. Почти пятикратное превосходство (численно!) ленинских псевдонимов косвенно указывает на различия в масштабах деятельности Ленина и Сталина. Эти различия касаются разных географических (пространственных) и территориально-государственных рамок деятельности двух этих людей, разного объёма, выполняемой ими работы, отражаются в разном её характере, в разной доле ответственности и в различных масштабах партийных контактов с организациями, учреждениями, общественными и партийными деятелями и членами собственной партии.

Чрезвычайно интересно было бы привести такого же рода (хотя бы численные) данные и сопоставления с другими видными деятелями большевиков, стоявшими, как вокруг Ленина, так и позднее — составлявших окружение самого Сталина. Но это — разумеется — потребовало бы

совершенно отдельного, особого исследования, что в настоящее время крайне затруднено в связи с наметившимся после 1993 г. отрицательным отношением к партийным архивам и их прямой утратой (многие материалы ИМЭЛ оказались уничтожены или даже проданы за рубеж).

Тем не менее косвенное значение подобных сравнений следует учитывать, в принципе, как немаловажную дополнительную объективную информацию. И её необходимо применять при комплексном изучении истории РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б)-КПСС.

Конечно, алфавитный список псевдонимов, не способен дать сколь-нибудь «направленной» информации, которой мог бы обладать хронологический список, но поскольку время употребления псевдонимов может быть определено лишь для печатных псевдонимов с известной точностью, а не для устных, то общего хронологического списка, дающего строго последовательную картину их смены — без кропотливого архивного изучения материалов полиции о времени бытования каждого устного псевдонима в отдельности, пока ещё нельзя составить. Однако для наших целей исследования такой список даже не столь необходим, поскольку, во-первых, возможен приблизительный список, а во-вторых, можно применить и к алфавитному списку метод отсечения или группировки псевдонимов по их смыслу или по назначению, и тогда само собой выявляются постоянные, стабильные и серьёзные псевдонимы, стоящие совершенно особняком от псевдонимов-аутсайдеров, т.е. случайных, временных или рассчитанных на «одноразовое» применение.

Внимательно изучая вышеприведённый список, мы уже по нему одному получаем некоторое представление о процессе псевдонимотворчества Сталина, о некоторых излюбленных и определённых буквах и словах, избираемых им для псевдонимов, о последовательной вариации им одних псевдонимов и совершенной случайности других. Так, если отсеять случайные псевдонимы, то легче будет оперировать с постоянными, стабильными и понять их логику.

Прежде всего, вовсе не выглядят псевдонимами некоторые фамилии. В них от псевдонимов только то, что там отсутствуют инициалы. Стало быть, это клички, партийные фамилии для явок, а не псевдонимы. Действительно, «Василий», «Гилашвили», «Иванович», «Нижарадзе», «Чижиков», «Чопур» являются явочными кличками, употреблявшимися Сталиным в чрезвычайно краткие периоды — сразу после побега из тюрьмы или ссылки, или при поездке

на съезд партии (в период дороги, при явках) или в другой регион, т.е. практически каждый раз в одиночных случаях и каждый раз заново, в том числе и по фальшивому паспорту, который по миновании надобности — просто выбрасывался. Показательно, что все эти «псевдонимы» основываются на фамилиях реально существовавших людей: так, рабочий Нижарадзе был известен Сталину по Батуми, П.А.Чижиков — по Вологде (с его настоящим, неподдельным паспортом Сталин бежал из вологодской ссылки). Как «Иванович» Сталин был делегирован на IV Объединительный съезд партии в Стокгольм и отмечен так в его протоколах, как представитель Тифлисской организации. Таким образом, все эти «псевдонимы» были эпизодическими, приобретались «по случаю», и фактически не оставляли следа в сталинской системе псевдонимов, ибо он от них как можно скорее отделывался. Они были слишком заурядны — не «псевдонимны».

Фактически же лишь две буквы — К. и С. привлекали Сталина и использовались им в разных вариациях для создания псевдонимов. И это не случайно: К и С — две самые массовые буквы русского алфавита, на них встречается больше всего слов в русском языке. Тем самым Сталин как бы намекал, что он является общероссийским политическим деятелем, а не региональным или узконациональным, как другие.

6. Какие задачи ставил Сталин при выборе псевдонима? История его псевдонима «Коба»

На букву «К» был первый стабильный псевдоним Сталина — Коба, под которым он вошёл в историю революционного движения на Кавказе и под которым его, в основном, знали в партии до 1917 г. На букву «С» был создан главный псевдоним Сталина, под которым он вошёл в мировую историю. Но он пришёл к нему не сразу: до «Сталина» существовало ещё несколько псевдонимов на букву С, в том числе два его первых псевдонима, под которыми печатались его стихи на грузинском языке в газетах «Иверия» и «Квали». Эти псевдонимы Сосело и Созели — уменьшительные от Иосиф, и эквивалентные русским — Осенька и Осечка. Впервые Сталин употребил эти псевдонимы в 1895 г., 1896 г. и в 1899 г., когда его стихотворение вновь перепечатали в сборнике, посвящённом 75-летию Рафиэла Эристави. Это были псевдонимы без всяких претензий и выкрутас.

Зато другие псевдонимы, появившиеся у Иосифа Джугашвили в его кавказский период и предшествовавшие или сосуществовавшие до 1907 г. с его более постоянным псевдонимом Коба, содержали в себе намёк на претензии.

И Сталин, как это видно из анализа этих псевдонимов, выбирая и выдумывая их себе, всё время колебался, не решаясь остановиться на них именно в силу их довольно прозрачной претенциозности: он искал и простого и вместе с тем значительного псевдонима и прозрачные намёки на величие он критически отбрасывал, хотя и не мог устоять перед временным искушением — использовать претенциозный псевдоним. Но его претенциозность была сдержанной, она пряталась за простоту формы, и прежде всего была лексически кратка. Два слога — вот каким размером молодой Иосиф Джугашвили ограничивал длину своих псевдонимов: Да-вид, Ка-то, Ко-ба, Са-лин, Со-лин, Сте-фин.

Показательно, что всякие варианты обычных псевдонимов, построенных на грузинской именной основе, с использованием имени отца или матери, были после одно-двукратного употребления, — решительно им отброшены. Так, псевдоним И.Бесошвили, появившийся несколько раз в газете «Гантиали», затем бесследно исчез. В основе его лежало грузинское имя отца — Бесарион

или Бесо. В основе другого псевдонима — Като — первоначально лежало имя матери — Екатерины Джугашвили и первой жены Екатерины Сванидзе, по-грузински Кеке или Кетэ. Однако вскоре Сталин придал им такие инициалы, что они изменили свою первоначальную «окраску» и смысл. Ибо его претензии шли совершенно в другом направлении, а не в утверждении, или прославлении родственных начал. Об этом красноречиво говорит псевдоним «Давид», т.е. маленький, скромный библейский Давид — победитель громадного Голиафа — вот смысл этого раннего «устного» псевдонима, или клички, которую хотел одно время утвердить за собой Сталин. Ещё более серьёзные претензии были связаны с переосмысленным псевдонимом «К.Като», т.е. никто иной, как древне-римский деятель — Марк Порций Катон — консул, авгур, цензор, полководец, писатель, строгий ревнитель дисциплины и порядка, прогрессивный в ведении дел, последовательный противник Карфагена («Карфаген должен быть разрушен!) — вот какие исторические персонажи импонировали Сталину в 23-26 лет. И здесь не было никакой случайности в выборе, всё было тщательно продумано, даже инициалы: К.Като. Они свидетельствовали о том, что Сталин был хорошо знаком с латинским подлинником. Ибо хотя в гимназических учебниках Катона всегда называли Марком Порцием, его латинское имя для отличия от сына — Катона Младшего, писалось обычно С.Cato (К.Като), ибо ему было присвоено почётное имя Цензориус (Censorius).

Но «Като» был слишком прозрачен, и Сталин не задержался на нём. Его псевдонимом примерно с лета 1903 г. (в Кутаисской тюрьме) становится Коба, а с января 1904 г. под этим псевдонимом Сталин делается известным в революционном движении Закавказья.

Он варьирует этот псевдоним в нелегальной прессе, но тот всюду остаётся легко узнаваем: К., К.Ко., Коба Иванович, Товарищ К. И он легко приживается, хорошо запоминается, хотя далеко не все (особенно вне Кавказа) могут понять его скрытый смысл и значение. Но именно это и нужно Сталину: он хочет иметь псевдоним со смыслом, но так, чтобы этот смысл не очень то бил в глаза и не был бы предлагаем, что называется в лоб. Пусть только очень умные догадываются.

Что же означало имя Коба?

Как бы мы ни трактовали это слово, какие бы версии ни принимали за

подлинные, — как ни странно, — мы приходим всегда к выводу, что этот псевдоним имел для молодого Джугашвили — символический смысл. И весьма глубоко символический.

Так, если исходить из того, что Коба (Кобе, Кова, Кобь) взято из церковно-славянского языка, то оно означает — волховство, предзнаменование, авгура, волхва, предсказателя, что весьма близко к предыдущему сталинскому псевдониму К.Като, но в более широком, и более обобщённом смысле.

Если же исходить из того, что это слово — грузинское и означает имя, то Коба — это грузинский эквивалент имени персидского царя Кобадеса, сыгравшего большую роль в ранне-средневековой истории Грузии.

Царь Коба — покорил Восточную Грузию, при нём была перенесена столица Грузии из Михета в Тбилиси (конец V века), где она и сохраняется в течение 1500 лет неизменно.

Но Коба не просто царь из династии Сассанидов, он — по отзыву византийского историка Феофана — великий волшебник. Обязанный в своё время своим престолом магам из раннекоммунистической секты, проповедовавшей равный раздел всех имуществ, Коба приблизил сектантов к управлению, чем вызвал ужас у высших классов, решившихся составить против Кобы заговор и свергших его с престола. Но посаженного в тюрьму царя-коммуниста освободила преданная ему женщина и он вновь вернул себе трон. Эти подробности биографии царя Кобы кое в чём (коммунистические идеалы, тюрьма, помощь женщины в побеге, триумфальное возвращение на трон) совпадали с фактами биографии Сталина. Более того, они продолжали совпадать и тогда, когда Сталин расстался с этим псевдонимом, ибо в 1904-1907 гг. Сталин не мог, конечно, предвидеть 1936-38 гг., но он знал, что его двойник царь Коба в 529 г. (за два года до смерти) зверски расправился со всеми своими бывшими союзниками, — коммунистами-маздакитами.

Следует отметить, что некоторые иностранные биографы Сталина, а вслед за ним и подражающие им отечественные, опираясь на указания некоторых своих поверхностных грузинских информаторов, считают, что псевдоним Коба Сталин заимствовал, якобы от имени героя одного из романов грузинского классика А.Казбеги — «Отцеубийца», которого также звали Кобой, и который предстаёт в романе как абрек-горец, ведущий борьбу за независимость своей

родины. Однако следует иметь в виду, что у самого А.Казбеги — имя Коба — вторично, взято оно от Кобы-царя, после которого оно и приобрело распространение в Грузии. Но важно отметить и то, что Сталину не мог импонировать образ одиночки-абрека, поскольку образ коммуниста-царя Кобы был и исторически значительнее, и символически неизмеримо ближе всему мировоззрению Сталина и не в последнюю очередь — ближе ко всем его требованиям, которые он предъявлял уровню и смыслу своих псевдонимов. Кроме того в политических статьях и выступлениях Сталина в период 1902-1907 гг. мы находим явные следы его знакомства с персидской историей эпохи Сассанидов. Одно из них — систематическое и излюбленное Сталиным употребление термина сатрапы для обозначения царских чиновников в России.

Для грузин это было не только общепонятным, но и многоговорящим термином, совмещающим весьма ёмко и образно понятия национальной и классовой борьбы одновременно. Нет никакого сомнения, что исторический прототип, послуживший основой для псевдонима Коба, т.е. царь-коммунист Кобадес, импонировал Сталину, как государственная и политически сильная, значительная личность, и кроме того, обладал в своей биографии чертами поразительно сходными с биографией и психологией самого Сталина.

Однако Коба, как псевдоним был удобен только на Кавказе. Вот почему, как только Иосиф Джугашвили оказался теснее связан с русскими партийными организациями, как только он «пообтёрся» в русских тюрьмах и сибирской ссылке, как только он стал вести работу в таких сугубо русацких регионах, как Вологодская губерния и Петербург, так перед ним возник вопрос о смене слишком грузинского псевдонима Коба, на какой-нибудь иной, звучащий по-русски, и имеющий смысл для русских людей.

И вполне логично, что после пребывания в ссылке в Сольвычегодске, или как тогда говорили местные вологжане — на Соли, Иосиф Джугашвили выступает в газете «Социал-демократ» под новыми псевдонимами (1910 г.) — К.С. — К.С-н, К.Стефин, а чуть позднее, в 1912 г., в «Звезде» — уже К.Салин, а затем К.Солин. Последний из этого ряда псевдонимов совершенно ясен своей связью с Солью, Усольем, Сольвычегодском, — он прозрачен. Однако до него Сталин использовал менее прозрачный К.Салин (от латинского, а не от русского наименования соли — сальса). Но этот псевдоним сразу показал свою непригодность из-за того, что его могли легко путать с русским «салом»,

имевшим явно негативный смысл, чего Сталин первоначально просто мог не знать из-за недостаточного знакомства с русским языком, а тем более с русской кулинарной символикой. Но и на псевдониме Солин он также не задержался: в значении «соль земли», т е в переносном высоком евангельском значении, русский народ соль не воспринимал. И этого было вполне достаточно, чтобы Сталин без сожаления отбросил и этот вариант псевдонима. Тем более мельком прошёл у него псевдоним К.Стефин, т.е. Стефин Коба, Коба Стефы (Степаниды, Стефании) — первый из тех, которые последовали после побега из Сольвычегодской ссылки. Этот псевдоним был, по-видимому, последней данью чувству со стороны Сталина: он был взят в честь женщины, помогшей ему бежать из дома М.П.Кузнаковой, где он находился под наблюдением местной полиции. Некая Стефа усыпила бдительность и хозяйки Кузнаковой, и тамошнего станового пристава, несомненно, находясь под воздействием мужского обаяния жгучего грузина И.Джугашвили.

Итак, мы отметили четыре рода псевдонимов, которыми пользовался Иосиф Джугашвили в своей политической и литературной деятельности: одни из них были непритязательными, проходными, временными, для сугубо практических целей (переезда, получения квартиры и т.п.); о них Сталин не задумывался и быстро с ними расставался. Другие были с определённым смыслом, с претензией на значимость и они разделялись на две категории — такие, которые были слишком прозрачны и потому долго не удерживались, и такие, над смыслом и значением которых Сталин тщательно размышлял, и которые в силу этого, а также внешних причин — краткость, приспособленность к региону, ясное фонетическое звучание, — обладали стабильным характером и употреблялись и самим Сталиным и его окружением (друзьями, сотрудниками, читателями) устойчиво и постоянно. Наконец, четвёртым родом псевдонимов у Сталина были псевдонимы, навеянные определённой обстановкой или ситуацией, и носившие также временный характер. Они отмирали, как только менялась конъюнктура или породившие их условия. Таково было положение, когда Сталину исполнилось 32 года. Он работал в революционном движении уже почти 15 лет, за это время он сменил и использовал два десятка разных псевдонимов. Из них лишь один — Коба — хорошо привился, и обладал смыслом, целиком удовлетворявшим Сталина. Но он не мог быть сохранён далее из-за перемены Сталиным поля своей деятельности, из-за выхода его

деятельности за пределы партийных организаций Закавказья, за пределы привычного региона.

Таким образом, вопрос о выборе нового псевдонима (наряду с Кобой или вместо Кобы) встаёт перед Сталиным практически не ранее осени 1911 г. и связан целиком с новыми перспективами его партийной работы.

Однако особую актуальность этот вопрос приобретает для Сталина в целующем, 1912 году.

7. Сталин знакомится с русским народом. Успехи в партийной карьере И.В.Джугашвили

Год 1912 — решающий в жизни Сталина, в его биографии, и, можно сказать, в карьере профессионального революционера, к которой он всегда относился чрезвычайно серьёзно, не в пример некоторым другим. Нельзя забывать, что Сталин был убеждённым марксистом, глубоко верившим в непобедимость учения Карла Маркса, в победу революции. Но в отличие от Ленина, с которым его тесно связывали именно эти принципиальные, теоретические установки, Сталин не был чужд соображений карьеры. И он последовательно, шаг за шагом, сознательно делал свою карьеру в революционном движении. И в этом состояло его основное отличие от тех соратников Ленина, которые стояли гораздо ближе к Ленину по образованию, условиям среды, привычкам, социальному статусу и сословной принадлежности, и боролись в революционном движении без всяких карьерных соображений, так сказать, безотносительно своей собственной личности. Именно примером подобных революционеров были Бухарин, Коллонтай, Кржижановский, Крупская, Свердлов, — если говорить о непосредственном ленинском окружении. Троцкий же был явным карьеристом, и именно это обстоятельство обостряло его борьбу со Сталиным, когда они оказались в одной партии после 1917 г. Можно смело сказать, что если бы Троцкий остался после Октября вне партии большевиков, как он был до этого всё время, то, вполне возможно, и не было бы всей «борьбы» в партии, не было бы «сталинизма». Троцкий буквально «отравил» собой все отношения внутри партии, внёс в неё брожение, как некий «грибок» — это совершенно несомненно для любого историка, объективно и внимательно изучающего историю партии большевиков на фоне всего российского революционного движения. И понимал по-настоящему это обстоятельство только Ленин — вот почему он решительно говорит в «Завещании» о небольшевизме Троцкого, и лишь о грубости Сталина. Никогда, ни в какой степени сомнений в глубине и остроте понимания марксизма, в преданности ему со стороны Сталина — у Ленина не возникало, не было. А именно это и было главное. Но вернёмся к Иосифу Джугашвили накануне 1912 г. и к его тогдашним соображениям о своей

будущей жизни, деятельности и … о карьере в партии.

С осени 1911 г. Сталин впервые ведёт руководящую работу в питерском, столичном подполье, куда попадает после удачного побега из Вологды, удачного не только в чисто техническом отношении, но и с точки зрения того импульса, который он даёт Сталину. Тот по-настоящему начинает верить в себя, в свою счастливую звезду и в то, что всё его будущее должно быть отныне связано не с Кавказом, не с тамошним местным революционным движением и тамошней крайне тяжёлой борьбой с местными меньшевиками и анархистами, а с Россией, с центром русского революционного движения, с Петербургом, и вообще с северо-западным регионом Российской Империи, а не с окраинным Закавказьем.

Дело в том, что попав впервые на Север России, в Сольвычегодск в марте 1908 г., а затем после скорого побега, вновь высланный туда же в марте 1910 г. и пробыв там до осени 1911 г., т.е. в общей сложности прожив на Севере России 2 года и 9 месяцев, Сталин открыл для себя Россию, настоящий русский народ, близко узнав его лучшую, чистейшую часть — вологжан, вычегжан. т.е. потомков древних новгородцев, не затронутых тлетворным влиянием ни «московитской татарщины», ни ростово-суздальской религиозной исступлённостью, ни воздействием московско-нижегородского «чумазого капитализма», ни, наконец, питерско-ярославской трактирно-лакейской средой, т.е. лишённого всех тех исторически сложившихся пороков быта и социальных отношений, которые были характерны для Срединной и Южной России и которые создавали основные трудности и для развития русского народа, русского рабочего движения и для успешного осуществления пролетарской революции.

Здесь, на Севере, оторвавшись, наконец, от закавказской среды и интриг, Сталин впервые чувствует, что собою представляет Россия, какой огромный морально-политический потенциал для революции составляют здешние русские люди, глубоко чистые душой, кристально честные, искренне чуждые всяким капиталистическим соблазнам, готовые к самопожертвованию и беспредельному терпению.

Сталин впервые таким образом сталкивается с русским коренным народом и осознаёт, что симпатии этого народа ему будет довольно легко завоевать, ибо народ этот доверчив, открыт, и готов жертвовать собой ради светлой идеи и

ради того, кто кажется ему умнее, сильнее и решительнее его самого. А это открывает совершенно новые перспективы и в революционной работе, и в революционной карьере самого Кобы.

Окончательно к этим наблюдениям приводит Сталина его знакомство с П.А.Чижиковым и П.Г.Онуфриевой в Вологде. Онуфриева, невеста Чижикова, уговаривает жениха отдать свои документы Иосифу Джугашвили, с которыми тот бежит в Петербург 6 сентября 1911 г. Правда, уже 9 сентября его арестовывают, поскольку у первого же городового возникает подозрение, как это истый русак Чижиков (по паспорту) говорит с таким явным «капказским» акцентом? В таких случаях даже подлинность паспорта ничего уже не значит. Сталина вновь препровождают в ту же Вологду: проваливается лишь Чижиков. Но буквально спустя две-три недели, т.е. в конце октября — начале ноября 1911 г. (если верить биографии, составленной И.Товстухой со слов Сталина в 1925 г.) Коба бежит снова, и снова в Петербург, а не на Кавказ. Однако по версии официальной биографии, составленной ИМЭЛ в 1947 г. (второе издание) этот второй побег из Вологды происходит лишь в конце февраля 1912 г., что, по-видимому, более соответствует действительности. Дело в том, что в начале февраля 1912 г. в Вологду приезжает Г.К.Орджоникидзе с поручением В. И. Ленина информировать Сталина об избрании его в январе 1912 г. на Пражской конференции в Русское бюро ЦК РСДРП(б) и в ЦК в целом. Сталин оказывался таким образом в числе семи основных руководителей партии (7 членов ЦК и 4 кандидата в члены ЦК — Калинин, Бубнов, Стасова, Смирнов). Это целиком совпадало с его собственными желаниями и прогнозами. И потому было, так сказать, вдвойне для него приятно. Это крупнейшее событие в жизни партии, как оно квалифицируется в биографии И. В. Сталина (М., 1947 г., стр.49) рассматривается таковым и самим Сталиным уже в 1912 г., и конечно, как крупнейшее событие в его собственной политической жизни. Надо сказать, что эта оценка — исторически полностью объективна. А.С.Бубнов в своей «Истории ВКП(б)», написанной задолго до «культа личности» (1928-1929 гг.) подчёркивал, что Пражская конференция «сыграла громаднейшую роль» в жизни партии. «Пражская конференция, — писал Бубнов, — окончательно выводила партию из полосы идейно-организационного разброда и являлась последним звеном в процессе организационной кристаллизации большевизма как самостоятельной, революционно-последовательно-марксистской партии пролетариата» (стр.392).

В.И. Ленин писал сразу после конференции А.М.Горькому: «Дорогой А.М. В скором времени пришлём Вам решения конференции. Наконец, удалось вопреки ликвидаторской сволочи — возродить партию и её ЦК». (Ленинский сборник, III, стр.523).

С точки зрения понимания состояния и настроений Сталина в связи с конференцией, важно подчеркнуть, что её организация, её решения, помимо всего прочего означали полный идейный разгром двух его личных антипатий в российском революционном движении — Тройного и Плеханова и отметание их от всякого участия и будущих претензий на такое участие в жизни революционной рабочей организации. Отныне Сталин оказывался в руководстве партией, причём отнюдь не на второстепенных ролях. Ибо из числа его товарищей — членов ЦК, лишь двое — Ленин и Зиновьев — относились к числу тех, кто был явно на голову выше его, как по опыту партийной работы, так и по общим теоретическим знаниям, в то время как остальные четверо членов ЦК — Г.К.Орджоникидзе, С.С.Спандарьян, Ф.И.Голошекин, Д.Шварцман, а также четверо кандидатов в члены ЦК (М.И.Калинин, А.С.Бубнов, Е.Д.Стасова и А.П.Смирнов) по партстажу, опыту и масштабам работы, а также по потенциальным возможностям и амбициям были уже тогда гораздо «слабее» Сталина.

Сталин был кооптирован в ЦК по настоянию В. И. Ленина на ставшее неожиданно вакантным место, когда был разоблачён как провокатор уже избранный в ЦК Р.В.Малиновский. Ленин же, наряду со Сталиным, настоял на кооптировании в ЦК (сразу после ареста прибывшего в Москву Голощекина) Я.М.Свердлова, который в тот момент оказался после В. И. Ленина — самым крепким организационным звеном в ЦК, и, следовательно, был единственным в партии человеком, который пользовался большим авторитетом чем Сталин. Но всё равно, так или иначе Сталин уже в 1912-14 гг., за три года до революции фактически мог считаться третьим-четвёртым человеком в руководстве большевиков, и только вливание в РСДРП(б) после Февральской революции (на VI съезде) массы бывших меньшевиков, эсеров, межрайонцев и троцкистов — на время отодвинуло, как бы Сталина, «оттёрло» его на некий «второй план», причём не по существу, а, так сказать, чисто внешне, вследствие особой «шумливости» бывших оппозиционеров. Вот почему ещё с дореволюционных времён Сталин имел все основания считать разных фракционеров в партии —

буквально своими личными противниками.

Пражская конференция была близка ему и политически, и психологически потому, что её главным постановлением был строжайший запрет всякой фракционности в партии. Это было именно то, за что всегда боролся Сталин, и что особенно сближало его с Лениным политически. Вот почему все решения Пражской конференции, вызвали огромный энтузиазм у Сталина, слив воедино его политические и личные устремления, как никогда прежде.

Открывающиеся перед ним после решений конференции политические перспективы не могли не воодушевить Сталина ещё и в связи с некоторыми особенностями его личной психологии, а также в связи с кое-какими фактами его биографии.

Дело в том, что в декабре 1912 г. Сталину должно было исполниться 33 года. Он уже накануне этого события, в конце 1911 г. считал для себя этот период ключевым, вследствие чего и решил во что бы то ни стало осуществить осенью 1911 года побег из ссылки. Неудача, связанная с арестом 9 сентября его не обескуражила, учитывая, что решения Пражской конференции лишь подтверждали его уверенность в своей счастливой звезде и в необходимости быть кузнецом своего счастья именно в решающий момент 33-летия — возраста великих свершений. Вот почему вновь оказавшись в Петербурге с конца февраля 1912 г. Сталин развивает кипучую деятельность по подготовке к выпуску первого номера «Правды», что и происходит 22 апреля 1912 г. В тот же день Сталина арестовывают и ссылают подальше от Петербурга, в самую глушь — в Нарымский край. Но Сталин бежит и из Нарымской ссылки, причём в том же самом 1912, важнейшем и решающем для него году. Этот побег сам Сталин считал настолько блестящим и классическим, что, вопреки своим правилам, рассказывал о нём подробности после революции некоторым иностранным интервьюерам. Так, например, наблюдательный Анри Барбюс, отмечал, что основной причиной удачи этого побега было отличное знание Сталиным психологии простого русского народа. (Барбюс не знал только, что это знание было приобретено Сталиным буквально накануне Нарымской ссылки, в Вологодской губернии).

Сталина не выдали (несмотря на его акцент и внешность) именно самые простые и «тёртые» русские люди — ямщики, крестьяне, прислуга постоялых дворов, без содействия которых никакой побег через всю Россию не удался бы.

Другие русские революционеры, особенно из числа интеллигенции, часто не могли найти общий язык с простыми людьми, или настолько выделялись из массы своими «барскими» привычками или поведением, что вызывали подозрение у простолюдинов, которые, будучи строго приучены к российской государственной дисциплине, немедленно доносили о «странных барах» по начальству. Как известно, именно благодаря таким доносам ямщиков, горничных, дворников и других «подневольных людей» были сорваны, провалены самые искусно подготовленные побеги декабристов, Чернышевского и массы народовольцев-дворян из Витимских, Олекминских, Нерчинских и тому подобных сибирских ссылок.

Сталин же, используя интуитивно, и сознательно некоторые черты русского характера, умел располагать к себе ямщиков на сибирских трактах. Он не старался их упрашивать скрыть его от полиции обещаниями дать деньги или как барин не предлагал им «дать на водку», т.е. всячески избегал того, чтобы люди воспринимали его как человека, хотевшего их «подкупить», сделать что-то недозволенное за взятку, ибо хорошо понимал, как оскорбляли такие предложения открытых, наивных, честных, простых русских провинциальных людей. Вместо этого, он «честно» говорил ямщикам, что денег у него на оплату поездки нет, но вот пара штофов водки, к счастью, имеется и он предлагает платить по «аршину водки» за каждый прогон между населёнными пунктами, насколько хватит этих штофов. Ямщик, конечно, со смехом начинал уверять тогда этого явно нерусского инородца, что водку меряют вёдрами, а не аршинами. И тогда Сталин, вытаскивал из-за голенища деревянный аршин — досочку длиной 71 см, доставал из мешочка несколько металлических чарочек, плотно уставлял ими аршин, наливал в них водку и показывал на практике, как он понимал «аршин водки». Это вызывало всеобщий смех, веселье, поскольку всё это было как-то ново, необычно, и приятно «тормошило» русского человека в обстановке серости и обыденности провинциальной жизни. Главное же — такой подход превращал взятку из «подачки» и «подкупа» в товарищескую игру, лишал всю эту сделку её смущавшего людей неприличия, ибо создавал ситуацию товарищеской шутки, азарта, и дружеского взаимодействия, так как нередко уже второй или третий «аршин водки» распивался совместно. «И откуда ты взялся, такой весёлый парень! — говорили ямщики, не без сожаления расставаясь с необычным пассажиром. — «Приезжай к нам ещё!», — поскольку

он слезал через три-четыре станции, откуда уже с другими ямщиками продолжал ту же игру, — всегда проезжая небольшой отрезок пути и никогда не говоря конечного пункта своего следования, и вообще не упоминая ни одной станции, которые он не знал и в названии которых не хотел ошибиться. Он ехал — покуда хватит «аршина водки» или нескольких аршинов, — и так неуклонно и надёжно продвигался из Сибири в европейскую Россию, избегая всяких встреч с полицией.

Так, несмотря на весь свой грузинский, «капказский» вид и вопреки явно нерусскому акценту и речи, Сталину удавались его дерзкие побеги из самых отдалённых углов Российской империи. Он знал народ, и народ, чувствуя это, был на его стороне, разумеется, и не подозревая, с кем в действительности имеет дело.

Прибыв в Петербург в середине сентября 1912 г., Сталин с головой уходит в революционную работу. Он готовит по указаниям Ленина выборы от рабочей курии Петербурга в IV Государственную Думу, в октябре пишет «Наказ депутату», одобренный Лениным, а в ноябре и декабре не только ведёт интенсивную переписку с Лениным, но и дважды выезжает к нему на встречи в Австро-Венгрию, в Краков и начинает работать над статьёй «Марксизм и национальный вопрос», чрезвычайно серьёзно отнесясь к прямому заданию Ленина.

Вторая, декабрьская встреча Сталина с Лениным происходит накануне дня рождения Сталина и Рождества.

Сталин прибывает вместе с депутатами Думы — его 33-х летие приобретает торжественный характер, он может, таким образом, подвести буквально рекордно-победные итоги своего решающего в жизни года:

1) Трижды удачные побеги;

2) Избрание в руководство партии;

3) Активная, увенчавшаяся победой работа в Петербурге по выборам большевиков-депутатов в Государственную Думу;

4) Успешный и расширяющийся выход «Правды», формирование вокруг неё широкого большевистского ядра среди рабочего класса и в революционном движении, и, наконец

5) Явно открытое одобрение и благожелательное отношение самого В. И. Ленина к сталинской работе в области марксистской теории (Ленин

неоднократно высоко оценивает работу Сталина в письмах А.М.Горькому, Л.Б.Каменеву, и А.А.Трояновскому, говорит о ней многим другим товарищам). Для Сталина ленинская оценка в этой области была крайне важна, имела гигантское значение как чисто личное, так и для поднятия авторитета Сталина в партии.

Все эти факты вместе взятые вызывают у Сталина, уже ранее складывавшееся решение — посвятить свою деятельность исключительно работе в России, уйти, оторваться от своего закавказского региона, выйти на широкую дорогу общероссийской политической деятельности.

Поездки за границу, в Австро-Венгрию, столь сходную своими общими условиями национальных взаимоотношений и национальной борьбы с Российской империей и даже с Закавказьем, — впервые оставляют у Сталина иное впечатление от заграницы, чем отпугивающе действовавшая на всех кавказцев обстановка в Скандинавии и Великобритании, где ему ранее приходилось бывать (Таммерфорс, 1905; Стокгольм 1906; Лондон, 1907). Оказывается, не так страшен чёрт! Оказывается, не страшно в перспективе участвовать в решении не только сугубо внутренних партийных проблем и национальных проблем российского рабочего движения, но и в такой сфере, как международные проблемы рабочего движения, т.е. в той области, которая всё ещё оставалась прерогативой таких рафинированных представителей, высокообразованной интеллигенции в партии как Ганецкий, Луначарский, Красин, Коллонтай, Литвинов, Арманд, Боровский, составлявших, так сказать, передовой отряд ленинской дипломатической когорты, имевших и соответствующее воспитание и научный уровень и опыт светского общения и, не в последнюю очередь, — обладавших знанием трёх-четырёх европейских языков.

Сталин, разумеется, и не мог в то время мечтать войти тесно в эту когорту, но сознавать себя разбирающимся в «заграничных проблемах» он всё же после посещения Кракова и Вены в конце 1912 г. уже мог. Он стал усиленно изучать немецкий язык, не надеясь суметь говорить на нём, но по крайней мере, начав довольно сносно читать и понимать немецкую политическую литературу.

8. На пути к выбору нового партийного псевдонима

Всё это вместе взятое и предопределило ещё ранее намеченную смену партийного и писательского псевдонима. Ни в партии русского пролетариата, ни тем более перед лицом международного рабочего движения, Иосиф Джугашвили, как член руководства большевиков, не мог уже оставаться Кобой.

Этот псевдоним, ранее не нуждавшийся в пояснении в кавказских условиях, и полный исторического и психологического смысла, теперь, переставал «работать», попав в русскую среду, т.е. уже не выполнял свою функцию.

Более того: он становился совершенно непонятным на фоне другой языковой среды, и даже превращался во что-то несерьёзное, чуть комичное. А старый семинарист Иосиф Джугашвили, прилежно штудировавший древне-греческую философию, прекрасно знал классический философский постулат Аристотеля о том, что смешное есть главное отражение несовершенного, и поэтому смешное — самое неприемлемое в политике.

Юмор, смешочки, смешки да хаханьки — были всегда связаны с представлением о паясничанье, скоморошестве также и в среде простого русского народа, который рассматривал таких «юмористов», как юродивых, а потому и относился к ним в массе своей не только не серьёзно, но и ощущал, как и образованные люди, в действиях юродствующих нечто несолидное, неприятное, шокирующее.

Смех, комичное, если и возникали в народной среде, то всегда были связаны с пошлостью, с дефектом, с чем-то ущербным, недоразвитым. И то, что Ленин не терпел «юмора» в партии, не любил и не принимал его, особенно импонировало Сталину. Именно поэтому он видел в Ленине, несмотря на всю скромность Ильича, крупнейшего вождя партии, ещё в ранней молодости выделив Ленина из прочих «вождей» именно по этой его черте.

Революционеру приличествует гневная, бичуюшая, уничтожающая сатира, а не пошлое и хлипкое интеллигентское хихиканье. Этого мнения придерживались и вожди и все члены большевистской партии, считавшие себя твёрдыми, несгибаемыми большевиками. Вот почему и позднее, уже после революции Ленин и Сталин бичевали всякие попытки заменить или подменить

разящую, уничтожающую на повал сатиру, — хихикающим, меленьким, пошленьким «юмором». Этот вид «деятельности» не нужен был ни русскому народу, ни его пролетарской, серьёзной, а не марионеточной партии. И именно на этой почве неоднократно происходили стычки и расхождения с меньшевиками. «Юмористов» было особенно много среди бундовцев и троцкистов, которые были склонны в силу психологии своего национального характера, даже и в политических спорах, не столько спорить по существу, сколько стараться «поддевать» разными «остроумными», но поверхностными замечаниями своих большевистских оппонентов, пытаясь уйти от сути проблемы и прибегнуть к какому-нибудь эффектному софизму. Эти «приёмчики» нередко производили обескураживающее впечатление на простых рабочих, рядовых членов партии, и поэтому Ленин, а вслед за ним и Сталин, считали совершенно недопустимым такое поведение, когда дело касалось важнейших политических проблем.

Партии не нужны были люди, способные хихикать по поводу общественных явлений и привлекать симпатии масс дешёвой, «развлекательной» популярностью. Русскому народу нужны были серьёзные, строгие, солидные вожди, — не бросающие слов на ветер. В этом. вопросе Ленин и Сталин были всегда едины. И именно это обстоятельство чрезвычайно важно подчеркнуть, так как оно имело непосредственное отношение к выбору нового псевдонима Кобой в конце 1912 г. Его псевдоним отныне должен был быть:

во-первых, звучащим по-русски и русским по конструкции,

во-вторых, чрезвычайно серьёзным, значительным, внушительным по содержанию, не допускающим никаких интерпретаций и кривотолков,

в-третьих, он должен был обладать глубоким смыслом, и в то же время не особенно бросаться в глаза, не бить на эффект, быть спокойным,

в-четвёртых, этот псевдоним должен быть легко произносимым на любом языке и фонетически быть близким к ленинскому псевдониму, но так, чтобы сходство также не ощущалось «в лоб».

Ко всем этим выводам Сталин пришёл, как мы видели выше, постепенно, если проанализировать его работу над его 22 псевдонимами за … 17 лет (1895-1912 гг.). И всем этим условиям отвечал псевдоним — Сталин.

Трудно сказать теперь, когда не осталось никого в живых из старой

ленинской партии большевиков, как был тогда воспринят новый сталинский псевдоним. Можно предположить, что его всё же заметили, но отнеслись спокойно: очень много тогда было в партии псевдонимов. Но в 1935 г. Анри Барбюс не скрывая восхищения писал: «Это — железный человек. Фамилия даёт нам его образ: Сталин — сталь. Он несгибаем и гибок, как сталь».

По-видимому, Барбюс, ухватил главную мысль Сталина, которая руководила им при выборе нового псевдонима: на смену многосмысловому и целиком окрашенному мистическими восточными персидско-грузинскими мотивами Кобе, — псевдониму логичному для молодого, романтически настроенного революционера, владеющего знанием древней истории своей родины и думающего посвятить себя только ей и своему народу, — приходит в 1912 г. — псевдоним руководителя революционным движением в огромной многоликой империи, задача которого состоит в том, чтобы выковать крепкую, стальную, железную партию, готовую к предстоящим боям. Здесь нет места для сложных исторических реминисценций. Мысль предельно проста, как и задача — она односложна, единственна и не терпит усложнения и распыления. Сталь имеет один смысл — это ясно каждому: крепкая, жёсткая, неотвратимая, непреоборимая. Железо не только мягче стали, железо «мягче» фонетически. Сталь же имеет только два слога — и даже, если подумать — один. Быть собранным в кулак, не растекаться, поступать жёстко, жёстче, ещё жёстче! — вот тот смысл, который нёс этот псевдоним. Сложность и романтизм Кобы отбрасывались как не отвечающие новым национальным и историческим условиям. Должны были присутствовать лишь ясность, единство смысла, не терпящие интерпретации.

И.В.Джугашвили стал подписываться новым псевдонимом «К.Сталин», начиная с 1913 г., точнее — с января 1913 г. Так была подписана первая серьёзная крупная теоретическая работа «Марксизм и национальный вопрос».

От старого, знакомого друзьям псевдонима «Коба» Сталин позволил себе сохранить только один инициал «К». Он служил и «связывающим звеном» с предыдущим периодом деятельности, и «сигналом» друзьям и просто «памятным знаком» для самого себя, воспоминанием, что пройден один этап в жизни.

Теперь же, после 1912 г. наступал новый исторический этап в жизни партии и в жизни И.В.Джугашвили. И он вступал в этот период совершенно в «новой

шкуре», в новом обличье, под новым псевдонимом. Это было партийное имя, которому ещё надлежало завоевать авторитет в партии, и Сталин был серьёзно и решительно настроен осуществить это «завоевание» под совершенно новым «флагом».

Выбор первой даты опубликования нового псевдонима не был случайностью: новое имя должно было начаться с нового года, а никак не иначе, хотя само имя, сам новый псевдоним был у Сталина готов раньше января 1913 г., заготовлен заблаговременно, до того, как ему исполнилось 21 декабря 1912 г. 33 года. Об этом говорит то обстоятельство, что «негласную обкатку» нового псевдонима Сталин осуществил уже в октябре 1912 г. Но так, что она осталась никем не замеченной, не бросилась никому в глаза. Небольшие заметки в «Правде» №147 от 19 октября 1912 г. и №151 и 152 от 24 и 25 октября того же года, посвящённые выборам в Думу в Петербурге подписаны К.Ст. То, что за этим сокращением скрывается уже новый сталинский псевдоним, а не какая-либо его старая модификация (например, К.Ст[ефин]) доказывается не только хронологически (псевдоним К.Стефин применялся только в 1909-10 гг.), но и тем, что в «Социал-Демократе» №30 от 12(25) января 1913 г. под статьёй «На пути к национализму» также стоит подпись К.Ст., а ведь эта статья была опубликована уже тогда, когда Сталин окончил рукопись своей работы «Марксизм и национальный вопрос», на которой стоит помёта: «Вена, 1913 г. январь» и рядом ясная, столь знакомая нам теперь подпись: К.Сталин. С этих пор все статьи, и все документы подписывались Иосифом Джугашвили только этой фамилией.

9. Литературные интересы юного Сосо

Уже после революции, в начале 20-х годов в партийной среде и особенно среди интеллигенции было распространено мнение, что «Сталин» это простой перевод на русский язык грузинского корня его фамилии — «Джуга», что якобы означает «сталь». Такое мнение бытовало всё советское время и было многократно упомянуто в литературе о Сталине. Вот почему вопрос о происхождении псевдонима «Сталин» был как бы автоматически «снят» заранее, поскольку считалось, что происхождение это известно, и что оно — кроме того — вполне стандартно, тривиально.

Это убеждение было тем сильнее, что оно находило подтверждение и с грузинской стороны. Так, например, даже многие крупные интеллектуалы Грузии, академики, писатели в своих частных разговорах со своими московскими и ленинградскими коллегами нередко подтверждали эту версию: «Да, «джуга» по-грузински, а точнее по древне-грузински — означает «сталь», «булат»«.

Однако это не только не так, но и является прямой выдумкой, не имеющей под собой никакого фактического и филологического основания.

Дело в том, что сами современные грузины просто не знают, что означает слово «джуга», ибо слово это очень древнее. Звучит оно вроде бы по-грузински, но вот значение его просто утрачено. Чёрт знает, что оно означает. Говорят «сталь», значит вроде люди так считают, ну и пусть будет «сталь».

Однако известно, что на многих языках, в том числе и на русском, существует немало слов, значение которых уже никто не помнит, и которые, даже отсутствуют в словарях. Тем не менее, эти слова означают нечто определённое, имеют смысл и, в случае более тщательного исследования, поддаются расшифровке. Так, например, слово «смурыгий» — звучит как обычное русское прилагательное, но значение его нам уже неизвестно, поскольку в бытовом языке мы его, практически, не употребляем. На самом же деле оно означает «заношенную и затёртую до такой степени одежду, первоначальный цвет, которой уже нельзя различить». Тем самым одно краткое слово ёмко определяет целое сложное понятие, передать которое современным языком способна лишь длинная фраза. Именно к такому роду

«забытых» слов принадлежит и грузинское слово «джуга». И означает оно вовсе не «сталь».

Вот что писал по этому поводу в 1990 г. в ответ на мой запрос видный грузинский писатель-драматург Кита Михайлович Буачидзе, кстати, бывший узник сталинских концлагерей, человек замечательной стойкости и глубокой культуры, сохранивший в самых тяжёлых условиях порядочность, высокий интеллект и нисколько не растерявший и не разменявший от превратностей судьбы — свою образованность.

> Дорогой Вильям Васильевич!
>
> Вы — интереснейший человек, с которым даже заочно-эпистолярное знакомство доставляет истинное удовольствие. Я говорю это потому, что благодаря Вашей дотошности и научной добросовестности, мне, наконец, удалось выяснить то, чего мы, грузины, к стыду своему, до сих пор не знали. «Джуга» означает вовсе не «сталь», как я Вам сообщал прежде, поскольку это было, так сказать, как бы известное, расхожее мнение. «Джуга» — это очень древнее языческое грузинское слово с персидским оттенком, вероятно, распространённое в период иранского владычества над Грузией, и означает оно просто имя. Значение, как у многих имён — не переводимо. Имя как имя, как русское Иван. Следовательно, Джугашвили — значит просто «сын Джуги» и ничего другого. Выходит, что Вы правы — к происхождению псевдонима «Сталин» его первоначальная, природная фамилия никакого отношения не имеет.
>
> ***Искренне Ваш Кита Буачидзе,***
>
> Селение Парцхнали, февраль 1990 г.

Ко времени получения этого письма, я уже знал, как произошёл псевдоним «Сталин» и сообщение Киты Михайловича лишь ещё раз подтвердило, что Сталин не шёл и не мог идти обычным путём в выборе своих псевдонимов и

тем более — не мог примитивно и «прозрачно» переводить свою фамилию с одного языка на другой, что шло бы вразрез со всей его психологией. Так что моё предположение оказалось правильным — его псевдоним был «найден» необычным путём. И искать разгадку надо было также не совсем обычным путём, т.е. не в архивных документах, где такие веши просто не могут быть отражены, а в попытках раскрыть особенности характера и психологии Сталина.

Идея, которая лежала в основе моего поиска, была проста. Она исходила из того известного факта, что Сталин обладал феноменальной памятью и гигантской работоспособностью. Ясно, что в 33-летнем возрасте оба эти качества находились в состоянии расцвета.

Во-вторых, я исходил из того, что впечатления детства вообще, а значительные для ребёнка впечатления — в особенности, сохраняются в памяти, порой до глубокой старости, и притом лучше и ярче, чем более поздние события. Это также не подлежало сомнению.

Ну, а теперь, вернёмся в конец XIX в., в Грузию, в Горийское духовное училище.

Вскоре после поступления маленького Сосо в училище, а именно, в 1889 г., когда Иосифу было 10 лет, произошло немалое для того времени событие в культурной жизни Грузии: в Тифлисе появилось необычное по тому времени издание произведения Шота Руставели «Барсова кожа» в переводе на пять языков.

Неизвестно, мог ли видеть, тогда или немного позднее это издание ученик Джугашвили, но зато известно, что когда ему было 15-16 лет, Сосо придумал пополнять своё образование путём … чтения книг в … букинистических магазинах, подолгу простаивая у прилавка погружённым в чтение якобы «рассматриваемой» книги.

Когда же эта уловка была обнаружена и ему чуть было не запретили доступ в книжные магазины, молодой Джугашвили придумал другую штуку: он стал брать книги в магазине для чтения напрокат, платя по 10 коп. за сутки. Но он не читал эти книги, а уговорил нескольких друзей коллективно переписывать их. Переписывали сразу два человека — каждый по странице, сидя по обе стороны раскрытой на столе книги. Этот приём настолько убыстрял переписывание, что довольно толстую книгу ценой в 3 рубля друзья успевали переписать за три дня, и она, следовательно, обходилась им всего в 30 коп. (на троих), т.е. вдесятеро

дешевле. Рукописи тщательно переплетались и таким путём в сравнительно короткое время у Сосо составилась довольно приличная библиотека. Когда его исключили из семинарии и он стал работать в обсерватории, то эта «библиотека» хранилась у него в комнате. Позднее, когда Иосиф Джугашвили перешёл на нелегальное положение (1901 г.), библиотечку рассовали по друзьям, но пользоваться ею продолжали вместе.

Среди книг этой «библиотеки», несомненно, должен был присутствовать и томик Шата Руставели. Во всяком случае известно, что Джугашвили познакомился с «Вепхис ткаосани», как по-грузински назывался «Витязь в тигровой шкуре», по крайней мере между 1895-1901 гг., в период своих литературно-поэтических опытов и увлечений. Поскольку тифлисское издание 1889 г. было самым ближайшим по времени и петербургские издания относившиеся к 1841, 1846, 1860 г. были практически недоступны в Тифлисе, а новые издания поэмы Руставели появились лишь тогда, когда Сталина уже не было в Грузии, т.е. в 1903, 1913 и 1914 году, то единственной возможностью для Сталина ознакомиться с произведением грузинской средневековой классики оставались либо грузинский текст издания 1880 г., либо более близкое ему по времени издание 1889 г., выпущенное к тому же гораздо большим тиражом. В пользу последнего издания говорит тот факт, что Сталин всегда цитировал в своих произведениях и в устной речи наиболее крылатые изречения Руставели обычно на русском языке.

Прекрасно сознавая, какое значение и авторитет имеет в грузинской среде меткое слово классика, Иосиф Джугашвили умело пользовался в борьбе с меньшевиками именно ироническими двустишиями Руставели, сражая порой их неожиданностью своих более солидных и более утончённых интеллектуальных оппонентов, вроде Ноя Жордания, и вызывая у них приступы бессильного гнева. Так, например, отвечая на вопросы о разногласиях между большевиками и меньшевиками, Сталин довольно легко разрешал недоумения рабочих, почему же к меньшевикам следует относиться столь непримиримо, если и они «исповедуют» марксизм, — короткой и простой, понятной каждому репликой из Руставели — «Коль нашла ворона розу, мнит себя уж соловьём», подчёркивая этим, что одно лишь чтение марксистских книжек, или упоминание марксовой теории ничего не значит, — нужна правильная политическая линия, подлинно пролетарская тактика.

Сталин вообще утилитарно относился к знаменитой поэме, используя из неё не только отдельные «крылатые выражения», ставшие народной мудростью, но и определённые идеи. Или вернее, превращая в целые идеи, в принципы для постоянного руководства, некоторые высказанные там, хотя бы и по конкретному поводу, мысли.

Одним из любимых Сталиным был, например, часто повторяемый самим Руставели, и, по-видимому, прилагаемый им к себе афоризм: «Моя жизнь — безжалостная, как зверь». Сталин вспоминал его особенно часто после самоубийства жены — Н.С.Аллилуевой. Весьма рано, уже в период 1905-1907 гг., а тем более позднее, стали для Сталина руководящим принципом жизни и борьбы не менее знаменитые слова Руставели: «Недруга опасней, близкий, оказавшийся врагом». Они объясняют нам гораздо больше и правдивее всю деятельность Сталина, чем пресловутое утверждение, будто бы во всех событиях 30-х годов «виновата» теория усиления классовой борьбы, или какие-то особые «диктаторские» замашки Сталина. Нельзя забывать и игнорировать широко известные, но намеренно «забытые» или, вернее, скрываемые слова Ленина, развеивающие демократические иллюзии: «Демократия вовсе не отменяет классовой борьбы, а делает её лишь более открытой, и свободной». Так что искусственно преуменьшать значение классовой борьбы, или обвинять Сталина в её искусственном обострении, и тем самым делать именно идею классовой борьбы, так сказать, повинной во всех бедах нашего общества — это чистейший ревизионизм, типичная буржуазная клевета на социализм, как форму общества, свободного от эксплуатации. Как ни парадоксально это теперь звучит, но Сталин нисколько не был повинен как раз в классовых пристрастиях, которые у него в 30-х годах не обострились, а наоборот, притупились. Так, острое классовое чувство должно было бы остановить его, как марксиста, от уничтожения бывших товарищей по классу и партии. Однако он руководствовался не классовым сознанием, а средневековыми понятиями, навеянными красивыми и психологически сильными афоризмами Шота Руставели. «Недруга опасней близкий, оказавшийся врагом». Именно этот тезис полностью объясняет трагедию 1937-1938 гг.

Если недругов, т.е. классовых противников советской власти — сажали в тюрьмы и держали по 5-10 лет, то близких, оказавшихся опасней, чем недруги,

можно было только расстреливать, уничтожать полностью, стирать с лица земли. Так как они — верх опасности. Так что Сталин совершал исторические и классовые ошибки (политические), не тогда, когда следовал теории марксизма, а как раз тогда, когда отступал от неё и вставал на эмоциональную почву средневековой морали, да притом ещё — восточной! Ясно, что кроме крайнего ожесточения ничего после такой позиции и последовать то не могло. Оскорбление предательством бывших друзей или близких — ранит особенно больно, и потому вызывает в эмоциональном плане, более ожесточённую, почти зверскую реакцию. Чисто человечески понять это можно, но объяснять подобные действия — классовой борьбой, или приплетать сюда марксизм — совершенно напрасно и недопустимо, ибо это явная фальшь, ложь и более того — фальсификация истории.

Об этом приходится напоминать потому, чтобы подчеркнуть, в сколь огромной степени оказывали на Сталина воздействие идеи, заложенные в ранней молодости, — идеи, почерпнутые из гениального поэтического произведения, но относящиеся к эпохе средневековья и оперировавшего, естественно, средневековыми категориями и постулатами.

Отсюда читателю должно быть совершенно ясно, что Сталин хорошо знал «Вепхис ткаосани», что он внимательно читал, и, разумеется, не раз перечитывал это произведение и на воле, и в тюрьме, а возможно и в ссылке, черпая оттуда и вдохновение, и отдельные «перлы» и «идеи», и что он во всяком случае помнил обстоятельства своего первого знакомства с поэмой Руставели. Помнил, какое издание он впервые взял в руки. Помнил, несомненно, год этого издания. Помнил, что такое издание существует. Если читатель согласен, что всё это можно утверждать априори, то перейдём к следующему этапу поисков — перенесёмся в 1936-1937 годы.

* * *

В 1936-1937 годах торжественно праздновалось 750-летие Шота Руставели. Было всё, что положено в таких случаях: Торжественное собрание общественности в Большом театре, передовицы и целые полосы в газетах, портреты Шоты Руставели на здании Дома Союзов, выставка, посвящённая всем изданиям его поэмы на грузинском, русском, английском, французском,

немецком и других языках. Кроме того, были изданы книги о Шота Руставели в серии ЖЗЛ, и главное — предприняты новые переводы его поэмы на русский язык и новые, богато иллюстрированные, юбилейные издания «Витязя в тигровой шкуре». И тогда обнаружилось следующее: на выставке, среди русских переводов «Вепхис ткаосани» отсутствовало чуть ли не лучшее, многоязычное издание 1889 г. Не было оно упомянуто и в биографии Руставели, написанной для ЖЗЛ (Вып.10 М., 1937 г.) литературоведом Д.Дандуровым (А.Дондуа). Наконец, ни слова не было сказано именно об этом издании поэмы Шота Руставели во всех многочисленных литературоведческих статьях, посвящённых 750-летнему юбилею «Витязя в тигровой шкуре». Более того, вопреки обычным литературоведческим традициям, авторы на сей раз дружно забывали упомянуть о работе предшественников советских писателей, трудившихся над переводами творения Руставели на русский язык.

Вместо этого были изданы отдельно в течение 1937 г. старый перевод Бальмонта, переводы П.Петренко, Г.Цагорели и Ш.Нуцубидзе. В них говорилось лишь об особенностях работы каждого данного переводчика, но никаких ретроспективных экскурсов в историю перевода поэмы на русский язык не содержалось. Вообще, как ни странно, библиография «Витязя в тигровой шкуре» либо отсутствовала, либо осуществлялась с пропусками, сокращённо, причём во всех библиографических справках, сопровождавших статьи о Шота Руставели, обязательно отсутствовало тифлисское издание поэмы 1889 г.

Этот факт особенно наглядно был зафиксирован в энциклопедии Бр. Гранат, а именно в VII части т.36, где была опубликована статья «Руставели» (с.658-669). На десяти с половиной страницах убористого, частично даже написанного нонпарелью, текста содержалась разумеется, и библиография, которую «Гранат», как солидное издание, постарался сделать исчерпывающей. Но и здесь было пропущено издание 1889 г. и этот пропуск был тем более заметён для специалистов, что все остальные издания добросовестно перечислялись.

Седьмая часть 36-го тома энциклопедии бр. Гранат со статьёй о Руставели была издана, как известно, в 1941 г., накануне войны, и автор этой статьи — А.Дондуа, разумеется, отражал «всё лучшее», что дал в области изучения творчества Руставели юбилей в 1937 г. А отличительной особенностью этого юбилея было то, что во время него всячески замалчивался сам факт

существования тбилисского издания поэмы в 1889 г. и найти, или получить это издание в библиотеках СССР было невозможно, даже для специалистов, которые ещё помнили, что такое издание существовало. Это обстоятельство, правда, мало кого заботило, да и в 1937 году лишних вопросов обычно не задавали. А в 1941 г. и вообще было уже не до них. После войны эта история совершенно забылась: не осталось в живых никого из руставеливедов, обративших внимание на исчезновение книги из музейных экспозиций и из каталогов библиотек.

10. Кто был живым прототипом сталинского псевдонима?

А дело заключалось в следующем.

На титульном листе запрятанного в дальние музейные запасники издания 1889 г. значилось:

«БАРСОВА КОЖА»
Грузинская поэма Шота Руставели.
На русском, французском, немецком,
грузинском и армянском языке.
Перевод и примечания Е.С.Сталинского.
Тифлис, 1889 г.

И тогда становилась понятной причина замалчивания и изъятия из выставочных экспозиций и из библиографических описаний именно этого издания в 1937 г.

Действительно, появление фамилии какого-то дореволюционного переводчика Сталинского, да ещё на грузинской поэме, — в Сталинскую эпоху, в эпоху Сталинской конституции, при живом И. В. Сталине, — было бы по меньшей мере странным и шокирующим, а по сути дела просто вызывающим для миллионов советских людей, привыкших видеть в Сталине — единственного и неповторимого вождя, со своей единственной в стране фамилией. Такое «явление» неприятно резало бы слух — всем и каждому, и могло бы стать источником распространения самых невероятных и несуразных баек, тем менее основательных, чем невежественнее могли быть распространявшие их люди.

Поэтому все оградительные меры, принятые в научно-издательско-библиотечной среде к тому, чтобы издание 1889 г. не попадало на глаза профанам, не экспонировалось бы во время юбилейных празднеств и не упоминалось бы в изданных библиографиях по произведениям Шота Руставели, — были встречены в среде литературоведов, историков и библиографов с полным пониманием, ибо это были умные, честные и дисциплинированные люди тридцатых годов.

Такой «запрет» был вполне объясним, а по убеждениям 30-х годов — полностью оправдан и даже крайне необходим, — с большой, государственной точки зрения. Ибо ничто нельзя потрясать, ничто нельзя превращать в игрушку или «сенсацию» в государственных святынях, чтобы не вносить ненужных, но неизбежных сомнений и колебаний, если вся страна хочет, действительно, радеть о государственном спокойствии и благе.

Отсюда, данное решение исходило из того, что если не будет самого факта наличия подобной книги перед глазами людей, то и не будет никакой проблемы появления слухов, анекдотов и т.п. Не будет оснований вообще ни о чём говорить. А, следовательно, ничего не придётся объяснять или комментировать. И всё будет хорошо, спокойно, без ненужных проблем. Учёные руставеливеды и библиотекари это прекрасно понимали. Поэтому книгу издания 1889 г. временно засунули подальше в хранение, но, разумеется, в фондах — сохранили.

Но была и другая сторона этого явления, которая в то время так и осталась абсолютно вне внимания учёных. Никому в голову не пришло, что именно фамилия Сталинского и послужила основой для выбора псевдонима Иосифом Джугашвили. И Сталин, давая распоряжение о сокрытии издания 1889 г., заботился в первую очередь о том, чтобы «тайна» выбора им своего псевдонима не была бы раскрыта.

Но именно в этом направлении никто и не думал. Во-первых, казалось невероятным, чтобы Сталин знал о существовании этого издания и тем более о существовании Евгения Сталинского. Сталин родился в 1879 г. Сталинский издал свой перевод в 1889, и бедный крестьянский мальчик мог о нём никогда не слыхать, а тем более в глаза не видеть его. Кавказ Сталин покинул, фактически окончательно, в 1908 г. и с тех пор вся его партийная работа проходила вне Грузии, — так что по представлениям литературоведов, Сталин никогда в жизни не мог бы и встретиться с этим переводом, с этой фамилией, которая дескать и им, специалистам, мало известна. Таково было типично интеллигентское, ограниченно-высокомерное, а по существу «курячье» рассуждение, от которого всегда столь страдает наша страна. Интеллигенты — «специалисты» не умеют видеть дальше собственного носа и полагают, что и другие находятся в таком же положении.

Вот за это Сталин так глубоко ненавидел и презирал «спецов», особенно в

начале 20-х годов. Его возмущал их тупой, ограниченный гонор, их мизерные суждения, исходящие из «видимости», а не из осмысления сущности явления. И потому ему хотелось быть с ними особенно грубым, резким, беспощадным. Пусть думают, что если он груб, то уж обязательно — невежда. Глупцы! Они не видят, не понимают его гениальности. Тем хуже для них! Котята, которые слепы и которых надо утопить! И он был, разумеется, прав. Он обвёл их всех вокруг пальца. Он издевался над ними и презирал их. Учёные! «Умники»! «Вумные как вутка»! И т.д. и т.п.

Как же обстояло дело в действительности с выбором псевдонима? Кто такой был Е.Сталинский и была ли это его настоящая фамилия, или тоже — псевдоним? И знал ли о нём Сталин до того, как он выбирал свой псевдоним в 1912 г.? Попытаемся шаг за шагом обстоятельно ответить на эти вопросы, опираясь на факты.

Евгений Степанович (Стефанович) Сталинский был либеральным, сочувствующим народникам профессиональным журналистом и издателем. Основная его журналистская деятельность приходится на последнюю треть XIX в., т.е. 1870-1900 гг. Откуда он родом, как попал на Кавказ, — об этом нет никаких точных данных. Но фамилия его — настоящая, именно под ней он упоминается в официальных документах и изданиях, как главный редактор, или издатель-владелец ряда крупных провинциальных газет и журналов, в значительных регионах на Юге России.

В 1872-1876 гг. он был восьмым по порядку издателем-редактором известной политической и литературной газеты «Кавказ», издававшейся в Тифлисе с 1846 г. на русском и армянском языках, и объединявшей одно время видные литературные силы, как Закавказья, так и собственно России.

В этой газете регулярно сотрудничали граф В.Соллогуб, Я.П.Полонский и др. Газета освещала все проявления жизни Кавказа и особенно Закавказья. Однако редакторами её были (помимо видных кавказских деятелей Н.Г.Берзенова и Д.Г.Эристова), лица с польскими фамилиями — И. и А.Сливицкие (два брата), Е.Вердеревский, Эд. Шварц и весьма похожий на поляка Е.С.Сталинский (отчество — Стефанович). Газета была ориентирована на обслуживание русского чиновничества, военных и землевладельцев, постоянно живущих на Кавказе и в Закавказье, и распространялась в Грузии, Армении, Азербайджане, на Северном Кавказе, в Дагестане и на Черноморском

побережье Кавказа.

Однако в 1876 г. Сталинский из-за финансовых неурядиц с «Кавказом», перешёл в воронежский «Дон» — газету одноимённую новочеркасскому «Дону», но ориентированную не на казачество, а на русскую пришлую промышленную и сельскую буржуазию региона. С приходом Сталинского газета стала выходить 3 раза в неделю, вместо двух, но спустя год, в 1877 г., ему вновь пришлось уйти из-за вызванных его редактированием финансовых затруднений (размах, взятый газетой, не соответствовал числу подписчиков) и с ноября 1877 г. по 7 ноября 1880 г. Е.С.Сталинский стал редактором-издателем вновь основанной им литературно-политической газеты «Харьков», рассчитанной на интеллигенцию и русские городские мещанско-военные круги Слободской Украины. Эта газеты просуществовала совсем недолго и уже никогда более не возрождалась.

Однако Е.С.Сталинский так любил своё журналистское дело, что не был обескуражен очередным провалом своих изданий, и после некоторой подготовки решил основать литературно-художественный журнал «Москва», рассчитанный на демократическую интеллигенцию Центрального промышленного района России и собственно Москвы. Сталинский привлёк в журнал лучшие и «свежие» силы. Здесь был опубликован первый рассказ А.П.Чехова за подписью Антоша Чехонте. Журнал богато иллюстрировался, но и здесь Сталинский быстро прогорел: в 1882 г. вышло 50 номеров (почти еженедельно), а в 1883 г. лишь 10. Сталинский ликвидировал дело и продал техническую базу журнала, который был переименовал в «Волну» и лишился всякой политической, а тем более демократической программы.

Таким образом, исчерпав к середине 80-х годов свои силы и средства, неоднократно прогорев на изданиях «собственных» демократических газет, Сталинский занялся переводческой деятельностью и подготовил именно в эти годы (вторая половина 80-х годов) перевод «Витязя в тигровой шкуре», опубликовав его в Тифлисе, явно при помощи своих прежних грузинских связей. После этого, т.е. начиная с 90-х годов XIX в. имя Сталинского практически совершенно исчезает из общественно-политической и литературной жизни России. А И.В.Джугашвили, как известно, лишь начинает с конца 90-х годов приобщаться к общественно-политической жизни. Таким образом между исчезновением первого и появление второго, даже формально, существует

разрыв в целое десятилетие, так что «технически» «встреча» их, или иными словами, попадание фамилии первого на глаза второму, — как будто бы невозможны: они не состыкуются во времени, если учитывать, что только в сознательной политической жизни, т.е. после 1905 года, Сталину могло бы «пригодиться» и броситься в глаза имя Сталинского.

Но в жизни многое происходит не по абстрактно начертанному «технически» точному плану. В нём оказываются неучтёнными такие «детали», как «рукописная библиотека» Иосифа Джугашвили в середине 90-х годов, его чтение грузинских литературных журналов, в том числе и «Моамбе», где с 1895 г. регулярно печатается «Вепхис ткаосани» и обсуждаются переводы этой поэмы на русский язык, и, наконец, несомненное знакомство, хотя бы в библиотеке или в букинистическом магазине с переводом Е.С.Сталинского от 1889 г., как с самым близким, самым доступным по времени изданием и с самым лучшим по своему оформлению и качеству. И уже в силу редкости и значительности этой, любимой Иосифом Джугашвили книги, он, со своей феноменальной памятью, разумеется, запомнил и имя издателя-переводчика. Запомнил и потом, конечно, «забыл» на время, до первого «случая».

Но это ещё не всё. Иосиф Джугашвили не мог не читать в юношеские годы и газету «Кавказ», в том числе и её старые номера, за прошлые годы. Ибо там сотрудничали уважаемые им грузинские литераторы Рафиэл Эристави, П.И.Иоселиани и др., там печатались сведения по истории Грузии, по истории грузинской православной церкви, которые полезно было знать любознательному семинаристу. И просматривая годами эту газету, Иосиф Джугашвили, с его наблюдательностью и цепкой памятью не мог не заметить, что бывший редактор этой газеты, Евгений Сталинский, и в пору своего редакторства, и позднее, выступал в ней как автор под псевдонимом С.Евгеньев.

А поскольку молодой Иосиф Джугашвили сам подумывал о псевдонимах и придумывал их себе в 90-х годах, то его память, конечно, зафиксировала, как пример, когда Евгений С. стал С.Евгеньевым. Прозрачно, даже ужасно тривиально, примитивно. Без всякой фантазии. И так выбирает себе псевдоним «писатель, литератор, журналист»? Нет, такой ход не для него. Уж лучше оставаться Сосело, или Давидом, а тем более — К.Като!

Когда осенью 1912 г. Коба приехал в Краков, а затем в Вену и стал работать

в местных библиотеках, изучая не только национальный вопрос, но и его теории, а также знакомясь с зарубежной русской революционной прессой, в том числе и с троцкистскими статьями, направленными против созыва Лениным Пражской конференции, ему попался на глаза, среди вороха этих изданий и русский листок «Социалист-революционер» №4 за 1912 г., издаваемый в Париже правыми эсерами.

Там он с удивлением обнаружил статью С.Евгеньева, представляющую собой обзор истории революционного движения на Кавказе и особенно в Грузии. Обзор был поверхностен и неточен в смысле дат, хронологии и лиц.

Об этом Коба мог судить лучше, чем кто-либо другой, ведь он сам был участником многих событий. Он быстро определил, что информатором С.Евгеньева мог быть кто-то из грузинских меньшевиков, скорее всего Ной Жордания. И его память сразу «выдала» автора этой статейки. Как живой «всплыл» в памяти титульный лист «Вепхис ткаосани» — Евгений Сталинский! Ба! Вот это находка! Вот это счастливый случай! Коба не был чужд мистике чисел, как и всякий восточный человек. Он сразу же сопоставил: 1879-1889-1912 гг. — какое совпадение юбилейных дат! Ведь это же буквально «перст божий» указывает ему, как решить вопрос со своим будущим псевдонимом! Его острый взор сразу же отсёк ненужное и опошленное бундовцами окончание — «ский», засёк двуслоговость оставшегося корня Ста-лин и с удовлетворением отметил, что его смысл, строгая форма и русское обличье вполне отвечают тому, что он ищет. Ещё одна удача, и снова — в 1912 году, в его, теперь уже Сталина, решающем жизненном году!

11. Все пять ответов на пять прежде недоуменных вопросов

Итак, теперь мы полностью знаем всё о происхождении главного псевдонима И.В.Джугашвили — великого псевдонима XX века — «Сталин». И мы располагаем отныне ясными ответами на все пять вопросов, стоявших перед нашим исследованием.

1. Почему возник псевдоним «Сталин?»

Потому, что этого требовали исторические обстоятельства: а именно, новые условия работы в ЦК партии и на территории России, во главе ЦО партии. Этого же требовали и некоторые личные обстоятельства самого Джугашвили — выход его деятельности за пределы закавказского региона, и в связи с этим, неприемлемость в России его старых партийных грузинских псевдонимов, а кроме того — его личные амбиции. Тем самым произошло совпадение трёх факторов, требовавших нового псевдонима.

2. Когда возникла проблема смены псевдонима?

Она возникла уже в 1911 г. и стала особенно актуальной в 1912 г.

3. Когда И.Джугашвили стал употреблять свой новый псевдоним?

Начиная с января 1913 г. — полностью. В сокращённой форме К.Ст. — с октября 1912 г.

4. В какой работе и в каком издании был впервые употреблён псевдоним Сталин?

Впервые псевдонимом К.Сталин была подписана работа «Марксизм и национальный вопрос». Псевдоним К.Сталин стал появляться также в «Правде» с января 1913 г.

5. Что послужило для Джугашвили источником или основой для выбора нового псевдонима?

Фамилия либерального журналиста, вначале близкого к народникам, а затем к эсерам Евгения Стефановича Сталинского, одного из видных русских профессиональных издателей периодики в провинции и переводчика на русский язык поэмы Ш.Руставели — «Витязь в тигровой шкуре».

Таким образом, даже «русский» псевдоним, специально предназначенный для деятельности в России, оказался у Сталина тесно связанным с Грузией, Кавказом, его культурой и с воспоминаниями детства и юношества.

Сталин в душе оставался романтиком и в 1912 году. Это — не подлежит сомнению. Но он уже научился заковывать своё сердце, свои чувства в стальной непроницаемый панцирь, ибо жизнь научила его скрывать своё я, или точнее говоря, не раскрываться перед другими. Уж слишком много разочарований было связано с повышенной юношеской кавказской эмоциональностью и откровенностью. Слишком много он перенёс ударов — и личных и партийных в связи с этим. Но он всё вынес. Всё пережил. И вышел из борьбы закалённым — как хорошая булатная сталь. Он понял, что для успеха в политической борьбе надо уметь не открывать внешнему миру, даже друзьям, свои чувства, ум и сердце. Так вернее. Никто не должен проникать в святая святых его души — ни друг, ни любимая женщина. И уж никто не должен никогда предполагать, что его стальной псевдоним имеет какую-то связь с его романтической юностью и служит её отдалённым и затаённым отголоском.

Исходя из всего этого, Сталин решил отныне прибегнуть к ещё одному средству маскировки своей неизжитой «романтичности» — к внешне грубоватому поведению, которое постепенно, и в критические минуты, становилось подчас просто грубым, и обратило на себя внимание товарищей по партии, и лично Ленина, которые, не понимая причины этого явления, т.е. не догадываясь о подспудных мотивах этой «маски», превращавшейся во вторую натуру, с сожалением и с осуждением относились к этой черте характера Сталина, так как она, с их точки зрения, не придавала популярности ни ему лично, ни тем более партии.

Но Сталин имел на этот счёт иной взгляд и ориентировался более на массу, на представления о нормах поведения «начальства» у, так сказать, менее интеллигентной среды, у «подчинённых». Он считал, что в психологии русского народа он разбирается. Недаром, после Великой Отечественной войны, он откровенно назвал «терпение» — главной чертой русского национального характера.

Таким образом, в начале 1913 г., или, точнее говоря, с 1 января 1913 г. появился не только новый политический деятель в революционном движении России — Сталин — но и прекратил существование, «исчез» старый партийный товарищ, «весёлый парень Коба».

После своего 33-х летия Сталин существенно изменил образ своего поведения, стал приобретать, как мы теперь бы сказали — «новый имидж», в

качестве секретаря Русского бюро ЦК партии. Главное, он стал ещё более сдержанным и ещё менее, чем прежде, склонен был обнаруживать перед другими свои внутренние чувства.

Надо сказать, что в сокрытии от внешнего мира своего внутреннего «я» в маскировке своих личных чувств от окружающих, Сталин и Ленин, который также не допускал чьего-либо проникновения в его личный, интимный мир, стояли на сходных принципиальных позициях. И оба, негласно, ценили друг в друге эту черту, в то время не свойственную большинству революционеров, среди которых встречались чрезвычайно эмоциональные натуры.

Однако реализация этих принципов, их конкретное осуществление, и выводы, делаемые для себя из постулата сдержанности, были у Ленина и Сталина — различны. И это — весьма показательно, так как тем самым обнаруживалась значительная психологическая разница в их натурах, при наличии полного совпадения политических, тактических и теоретических принципиальных точек зрения — по всем вопросам.

Если у Ленина маскировка его подлинных чувств происходила естественно, без натуги и обнаруживалась только в его предельной сдержанности, собранности и в волевом, целеустремлённом поведении, то Сталин скрывал, «конспирировал» свой внутренний мир совершенно иным образом: он надевал определённую личину, полностью не только скрывая за ней своё «нутро», но и главное, — дезориентируя окружающих различными «масками», в том числе и «благожелательными», «общительными» и т.п.

И это относилось не только к контактам с явными или скрытыми противниками, но такая тактика проводилась Сталиным и в отношении друзей. «Взаимное недоверие — это хорошая основа для сотрудничества», — сформулировал позднее Сталин эту особенность своей позиции по отношению к сторонникам.

Эту отрицательную черту Сталина подметил раньше всех Свердлов, и, видимо, подверг её сильной критике, ибо в 1917-1919 гг. поведение Сталина вновь приобрело большую искренность, т.е. он нашёл в себе силы правильно отреагировать на критику Свердлова, авторитет которого в партии в эти годы стоял так же высоко, как и ленинский.

Вот именно в наличии этой черты у Сталина и проявилось коренное отличие его характера и методов действия от ленинских.

Ленин не допускал никогда даже малейшей неискренности в своём поведении — как с врагами, так и особенно с друзьями — единомышленниками.

Сталин же использовал неискренность, как сильное оружие, как средство дезориентации — в политической, и в «кадровой» борьбе, независимо от того, кто был его контрагентом.

Ленин, которому претила несдержанность, недостаток у людей самоконтроля, отсутствие волевой узды, амикошонство и просто неумение владеть своими чувствами у многих товарищей по партии, — высоко ценил Сталина именно за отсутствие у него этих черт, и особенно за умение скрывать, прятать свои расчёты, планы, намерения и любые движения души, а также, главное, скрыто готовить и осуществлять свои (т.е. партийные, большевистские) политические действия.

Кроме Свердлова и Дзержинского, в партии едва ли были ещё другие видные деятели, которые обладали бы именно этими качествами в такой высокой степени, как Сталин. И Ленин высоко ценил это, считая, что без такого характера крупный политик, руководитель партии, — просто немыслим.

Но когда Ленин в начале 20-х годов понял, что одним из главных «технических» средств для Сталина в его деятельности служит также неискренность, что он способен надевать или принимать различные «личины», то его доверие к Сталину пошатнулось. Он стал опасаться, что эти свойства Сталина станут источником его злоупотребления беспредельным доверием к нему партии.

Так оно и произошло впоследствии. Но в 1912 г., когда Сталин только выбирал себе новый псевдоним и начинал работу в ЦК партии и в «Правде», Ленин отнёсся с одобрением ко всем его первым шагам, а псевдоним оценил по достоинству, как свидетельство политического роста Сталина.

12. Кое-что о мистике, или символике цифр, чисел и дат

Итак, формально, мы завершили своё исследование, полностью ответив на вопросы о происхождении псевдонима «Сталин». На этом можно было бы и закончить, если бы не одно обстоятельство, которое во-первых, выяснилось в ходе исследования и во-вторых, имело значение, помогло уверенно довести его до логического и неопровержимого конца.

Что же это за обстоятельство? В чём оно заключается? И какое имеет отношение к нашей основной теме о выборе псевдонима?

Начнём с ответа на последний вопрос.

Как помнит читатель, выяснение происхождения главного сталинского псевдонима» мы предприняли в значительной степени для того, чтобы разобраться лучше в психологии, взглядах и в мировоззрении Сталина, человека и политика, стремящегося максимально не раскрываться перед людьми.

В ходе нашего исследования обнаружилось, что Сталин придавал большое значение определённым датам и числам, их совпадению или чередованию, повторяемости. Именно, учитывая это обстоятельство, удалось лучше понять, почему новый великий псевдоним «Сталин» подготавливался непременно в 1912 г. и не мог быть отложен, скажем, на 1914 или 1915 годы.

Возможно, что не все читатели, ясно ощутили этот момент. Вот почему для тех, кто, быть может, усомнится в том, что Сталин придавал значение мистике цифр, видел в их сочетаниях скрытый смысл, и старался не поступать так, чтобы рассчитанный им порядок в числовой символике нарушался, т.е. в какой-то степени верил в предопределение, имеет смысл подробнее остановиться на этом вопросе и поразмыслить над датами его биографии.

Но прежде, чем перейти к разбору конкретных дат, надо сказать несколько слов о том, как понимал Сталин вообще мистику и магику цифр, что учитывал, а что отбрасывал, ибо без такого уточнения может возникнуть неверное представление о том, что Сталин был на самом деле мистиком.

Нет, мистиком он, разумеется, не был, причём подчёркивал это сам, в частности, в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г.

Э.Людвиг, который считал, что он очень хорошо разбирается в людях, задал Сталину к концу беседы, неожиданный и провокационный вопрос:

— Верите ли Вы в судьбу?

Сталин: — Нет, не верю. Большевики, марксисты в «судьбу» не верят. Само понятие судьбы — (и здесь Сталин повторил эти слова для немца Э.Людвига — по-немецки!) — предрассудок, ерунда, пережиток мифологии, вроде мифологии древних греков, у которых богиня судьбы направляла судьбы людей.

> «Судьба» — это нечто незакономерное, нечто мистическое.
> В мистику я не верю».

И здесь Сталин был вполне искренен, ибо в то, что другие понимали под «мистикой» он абсолютно не верил и не мог верить по своему характеру. Но то, что он сам может и должен формировать свою судьбу и события, производя для этого свои выкладки, имея свой график заранее разработанных действий, — в осуществимость своих планов и начертаний он несомненно верил. Вернее, был твёрдо убеждён и убеждал других в том, что если он сказал что-то, то именно так и будет.

И уже другие, окружавшие его люди, воспринимали такие ситуации, как мистические. В этом Сталин их не разубеждал, поскольку такие убеждения работали на пользу дела. Важен был конечный результат!

Так что и на мистику Сталин смотрел реально, утилитарно, и использовал символику цифр только как один из «ориентиров» для выбора того или иного действия, или определения срока того или иного политического решения.

По всей видимости, магика цифр оказала на Сталина влияние в детстве, что весьма обычно в условиях Востока, и особенно, учитывая семинарское, духовное образование Сталина.

Магика чисел у Сталина — библейская, но так сказать, корректированная им для практических целей реальной жизни, и прежде всего для определения этапов и периодов собственной жизни, и в гораздо меньшей степени применяемая для. общества, общественных явлений.

Можно назвать это библейско-универсальной символикой, т.е. такой, которая включает лишь то, что есть универсального, общечеловеческого в

Библии, и что пришло туда из общечеловеческого опыта разных народов, что осталось от первоначального всемирного язычества. Вот это, как бы совершенно не связанное ни с религией, ни тем более с церковной организацией, с богословием, — Сталин учитывал, принимал, сверял с этим ход реальной жизни, прежде и больше всего, — конечно, своей собственной.

Всё же, что было привнесено в Библию либо религиозным сознанием, либо церковными канонами и правилами, либо, наконец, проникло туда из узко-национальных источников, и, следовательно, было субъективно окрашено, являлось лишь кастовым или сектантским, как например, некоторые еврейские, местные палестинские ситуации и обычаи, — всё это отсекалось, отметалось Сталиным, как не имеющее серьёзного общеисторического и общечеловеческого значения.

Отсюда становится ясно, почему Сталин принимал символическое значение лишь двух-трёх цифр: 33 — как обшехристианский и в то же время общечеловеческий символ совершенства личности, как «годы свершения великих дел» для каждого человека, и число «10», как «завершающее число» у всех первобытных народов мира, как «символ мирового порядка», почитаемый всеми народами мира, находившимися на стадии язычества и перенёсшими это своё уважение к числу 10 также в Библию и в христианство в целом.

Наконец, в меньшей степени, но как истинно народный счёт, он признавал и дюжину — 12.

Число 12 считалось магическим в силу своего «небесного», астрального происхождения — на нём были построены все системы летоисчисления, все календари, так как оно основывалось на фазах луны, ибо полнолуние происходит 12 раз в году. Отсюда год делился на 12 месяцев, а в восточном календаре был принят 12-летний цикл, каждый год которого был посвящён какому-либо животному, и всех было — дюжина. В западной астрологии также существовало 12 знаков Зодиака, т.е. определённых групп небесных светил, делящих небо на 12 зон. Отсюда круг легко делился на 6 и 12 частей при помощи циркуля, а 12 шаров, расположенных вокруг шара того же диаметра точно касались его только в одной точке, отчего число 12 в математике и геометрии было названо «поцелуйным». Из астрономии и математики число 12 перешло и в христианство и другие религии: было 12 апостолов, 12 колен Израиля, 12 сыновей у Иакова, купель Соломона окружали 12 бронзовых быков,

а у главного жреца на груди должно было сверкать 12 драгоценных камней, у небесного Иерусалима было 12 ворот, древнеримские законы были записаны на 12 бронзовых досках, у римских консулов и цезарей было 12 ликторов-телохранителей, наконец, со времён Древнего Рима правосудие назначало 12 присяжных, и до наших дней 12 занимает видное место в играх, где считается счастливым (домино, кости, лото). Наконец, тягой к 12 можно объяснить современную комплектацию ящиков с пивом, минеральной водой, водкой — в каждом 12 бутылок.

Что же касается числа 10, то оно представляет собой сумму первых четырёх чисел (1+2+3+4 = 10). В них заключена вся полнота счёта и гармонии. Все остальные числа — лишь производные от них. А 10 — их итог, завершение, число «окончательное», итоговое.

Это — число определено, как совершенство — самой природой. У человека 10 пальцев на руках и на ногах, и тот, кто родился без всех десяти, или наоборот, родится с шестым пальцем, — признаются уродами, т.е. неполноценными людьми. На каждой руке и ноге по 5 пальцев, таким образом число 5 — эта половина 10, и, следовательно, составная равная часть совершенства, путь к совершенству, важная веха на пути к совершенству, к полному, нормальному порядку. Отсюда идут, кстати, и сталинские пятилетки — вехи экономического, индустриального развития страны, ступени роста экономического потенциала державы.

Вот почему всё кратное 10 и 5 было важным для Сталина. По «пятилеткам» он ориентировался после 1912 г., а быть может и несколько раньше. Цифровой символике Сталин уделял внимание и в периоды войн — как гражданской, так и Отечественной.

Так, в силу настояний Сталина в 1918-22 гг. была принята пятиконечная звезда — пентаграмма — в качестве символического охранного знака не только для Красной Армии, но и как государственная эмблема. Сталин вначале «протащил» пятиконечную звезду в 1922 г. в герб Грузии, а затем — в герб ЗСФСР, и позднее — также в герб СССР (в 1936 г.), хотя В. И. Ленин был принципиально против использования военных символов в качестве эмблем социалистического государства. В годы Великой Отечественной войны Сталин разработал систему салютов, которая во-первых, сильно отличалась от традиционной международной, а во-вторых, была построена на только ему

известных и им изобретённых численных принципах. Однако эта система была настолько стройной, понятной и логичной, что её без всяких оговорок признали во всём мире. При этом надо заметить, что никто не знал и не догадывался, что создателем был Сталин. Вернее, знать-то знали такие ближайшие люди в Ставке Верховного Главнокомандующего, как маршалы Жуков, Василевский, Ворошилов, Шапошников, Берия, генерал армии — Антонов, но нигде, никогда, даже в мемуарах, изданных после смерти Сталина, они об этом не обмолвились и словом. Причины здесь две: во-первых, так сказать «обет молчания», а во-вторых — и это главное — бескультурье и непонимание этими людьми вообще символики, отсутствие у них представления о том, что любое изобретение, новое слово в этой области уже само по себе — гениально, что это — выдающееся явление.

Отсюда понятно, что Сталин к концу жизни не только глубоко презирал, но и имел все основания — ненавидеть своё окружение, как людей, стоящих по сравнению с ним, чуть ли не на уровне неандертальцев в историко-гуманитарном, философском отношении.

Он, выходит, должен был ещё ткнуть им пальцем и указать, что гениально, а что — нет, и при этом ещё строго приказать говорить то-то и то-то, а они, будучи прямыми и единственными свидетелями его творчества, его усилий, — сами, без приказания, не соображали даже — каков уровень его творчества, не могли объяснить это другим без его помощи! И с такими-то ослами ему надо было всю жизнь создавать и крепить, отстаивать и растить великую державу, воспитывать народ! Нет, — это сверх человеческих сил! «Моя жизнь — безжалостная как зверь!»

Таковы могли быть настроения Сталина к концу жизни, когда он с ужасом обнаруживал, что не видит вокруг себя человека, которому можно бы оставить в наследство великий Советский Союз. Он внутреннее был взбешён в такие моменты, и — если в этот момент вокруг были «соратники» или кто-либо один из них — его гнев обрушивался на этих людей. А если эти приступы гнева посещали его в одиночестве, то один из них — мог взорвать его изнутри. Так что его смерть 5 марта 1953 г. была не случайной, была преждевременной. Она последовала либо вслед за разносом кого-либо из окружения, либо удар случился из-за невозможности тотчас же организовать, осуществить такой разнос, ибо никого вокруг не было. Вполне возможен и третий вариант конца:

соратники, зная настроения Сталина и опасаясь за своё благополучие, организовали устранение вождя, попросту отравив его. Тот факт, что врачам не позволили произвести паталого-анатомический анализ — только говорит в пользу этой версии. Но настроения близкие к вспышкам отчаяния, стали посещать Сталина только после 1949 г.

В этом году, — когда ему исполнилось 70 лет, — внешне всё было счастливо и спокойно, как подобает быть в большой юбилей: победоносно окончилась великая война, была создана атомная бомба, вооружённые силы СССР были самыми крупными и самыми крепкими в мире, вырос, увеличился территориально и численно лагерь социализма — в него вошли бывшие сателлиты или вассалы Германии, прежде кольцом окружавшие Советский Союз, в него вошёл великий Китай, численность и влияние коммунистических партий во всём мире, их общественный авторитет в своих странах, неимоверно возросли. Казалось, можно было отмечать с удовлетворением, что весь исторический ход событий произошёл так, как и предсказывали марксисты полвека назад, в самые тяжёлые для них годы.

Однако Сталин был великим мыслителем и политиком и поэтому он всегда смотрел вперёд, учитывал перспективу и главное, — никогда и ни при каких обстоятельствах не любил (и другим не позволял) почивать на лаврах. Он, и только он один, видел в 1949 г., что эта дата не принесла ожидаемого успеха для СССР и его международных позиций так, как это должно было быть по всем предварительным расчётам.

Дело в том, что капиталистический мир, чрезвычайно быстро и на сей раз организованно, слаженно, отреагировал на усиление СССР после второй мировой войны. За два года — с 1947 по 1949 г. империалистам удалось в мирное время создать всемирную агрессивную милитаристскую организацию — блок НАТО.

Конечно, советские военачальники, могли утешаться тем, что НАТО — слабо по сравнению с Советскими Вооружёнными силами — но для Сталина подобных «утешений» не существовало. Важен был сам принципиальный исторический факт: империализм, мировой капитализм сумел консолидироваться в военный агрессивный блок, в мирное время, да ещё открыто, откровенно направленный против коммунистических стран и международного рабочего движения. По всем теоретическим показателям —

для подобной консолидации нужны были бы не два, а по крайней мере 5 и даже 10 лет. Значит, в мире империализма что-то сильно, изменилось, что он стал дисциплинированно плясать под чью-то дудку, расставаясь со своими хвалёными демократическими, либеральными свободами. (На XIX Съезде партии, в 1952 г. Сталин скажет об этом так: «Сама буржуазия, — стала другой, изменилась серьёзным образом, стала более реакционной. Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы. Теперь от либерализма не осталось и следа. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт!».

Для Сталина не составляло, конечно, никакого секрета, что главой мирового капитализма после второй мировой войны стал американский империализм, заказывающий на свои долларовые миллиарды — чуть ли не любую музыку в мире.

Отсидевшаяся от войны за двумя океанами Америка, не потерявшая и сотой доли тех людских ресурсов, которые были потеряны Советским Союзом в войне с фашизмом, разжиревшая на военных заказах за счёт ослабления всех других стран, — эта наглая, бесстыжая, гангстерская Америка, — находилась в чрезвычайно удобном, недосягаемом положении и из этого своего логова — нахально угрожала уже всему миру, а прежде всего СССР.

Только Сталин понял, что — раз этот старт Америки состоялся, — то впереди новые годы упорной борьбы с империалистами. Борьбы, которую эти откормленные, сытые янки навязывают обескровленному войной советскому народу, причём — ведут эту борьбу пока не оружием, а деньгами — подкупая, разлагая народы, пользуясь их бедственным положением и нищетой. Вести открытую борьбу советский народ всегда может, даже на пределе сил, но вести борьбу против невидимого противника, когда тот использует подлые, гнусные средства, — русский открытый народ не может, ибо скрытый враг, действующий без оружия — ему не понятен. Исторически сложилось так, что русским надо видеть врага, чтобы понять, что он — враг.

Да и как объяснить людям четыре года пробывшим на фронте или терпевшим не меньшие лишения в тылу, что сейчас, после Великой Победы, настоящая борьба с капитализмом только начинается? Люди устали. Люди ждали отдыха. Люди хотят получить его немедленно. И они правы. Но как теперь можно отдыхать, как можно остановиться, когда американский

империализм заложил под всю Европу, под весь Азиатский и Африканский континенты свою финансовую, свою экономическую мину, и готов её взорвать ради своего эгоистического, империалистического благополучия?

Как разъяснить простым людям всё это, всю сложность международной обстановки и поднять их на новый этап, на новый виток борьбы, на сей раз — последней и окончательной?

Кто выстоит в этой борьбе — тому и достанется мир. И только тот — будет после этого по-настоящему отдыхать. Остальные же будут ввергнуты в вечное рабство. Но это будет ещё через много десятилетий! Хватит ли сил и лет оставшейся жизни? Хватит ли решимости и ума вести эту борьбу у соратников? Хватит ли терпения и самоотверженности в последний раз у народа, или новые поколения — окажутся более политически хлипкими, податливыми буржуазной пропаганде и подкупу и предадут великое дело революции, созданной, взращённой, выпестованной гениями пролетариата — Марксом, Энгельсом, Лениным? И историческую ответственность за сохранение этого наследства должен будет нести он, Сталин. Хватит ли нас на всё это? Хватит ли, наконец, его? Нет, это выше человеческих сил. «Моя жизнь — безжалостная как зверь!»

Так в 1949 г. Сталин впервые, и вполне объективно, проанализировав состояние и расстановку мировых политических сил, пришёл к выводу о крайне сложном положении для СССР и о необходимости подготовки без передышки нового этапа классовой борьбы на международной арене.

Сложность момента состояла в том, что во-первых, после 70 лет Сталин стал себя хуже чувствовать, частично сократилась его гигантская работоспособность, а во-вторых, он по ряду международных и внутренних причин не мог открыто, ясно, громогласно призвать народ и народы мира к новому этапу борьбы с империализмом. Никто тогда этой исторической необходимости не понял бы.

В 1949 г. уже нельзя было, как в 1917 или 1919 гг. бросить лозунг «Социалистическое Отечество в опасности!», хотя это было бы исторически правильно. Но опасность хотя и была, однако её никто не видел, или не хотел видеть. Кроме него. В том числе, не видели её даже его соратники, с которыми он (кроме, разве Молотова) вообще на этот счёт предпочитал не делиться: всё равно не поймут.

Именно при такой ситуации у Сталина и стали возникать порой настроения

отчаяния, — состояния ранее ему совершенно неизвестного, им ненавидимого, а потому для него — наиболее мучительного.

До 1949 г., т.е. на протяжении всех 70 лет жизни Сталин не знал, что такое безвыходное положение, он всегда, в самые критические моменты сохранял ясную голову и непоколебимый оптимизм, и даже в июне 1941 г., ему потребовалось всего 5 (пять!) суток, чтобы полностью восстановиться после шока от германского нападения и организовать военную жизнь огромной страны и её вооружённых сил — на новых началах, не допустив в стране ни тени паники, отчаяния или уныния.

Да, в период 1879-1949 гг. всё было у Сталина расписано по порядку, и всё сбывалось так, как было расписано. Именно поэтому он стал с 1912 г. особенно верить в мистику цифр. Но в 1949 г. цифры — подвели. Правда, не настолько, чтобы это было заметно для других, но зато заметно для него, Сталина, а это было — главное. И было отчего приходить в отчаяние. Неужели он не выдержит? Неужели на этот раз не доведёт борьбы до конца? Неужели его стальной, гибкий и несгибаемый, твердокаменный оптимизм будет размыт приливами отчаяния? Нет, нет и нет, хотя моя жизнь — безжалостная, как зверь!

* * *

В жизни Сталина было, по существу, три больших, самостоятельных периода.

Первый — 1879-1912 гг. Борьба за выход в люди и в мир.

Второй — 1912-1939 гг. Борьба за лидерство в партии и государстве.

Третий — 1939-1953 гг. Борьба с противником, заявившим претензии на мировую гегемонию, т.е. борьба за мировое господство, не личное, разумеется, а сталинской державы!

Первый и второй окончились полной победой. Третий — остался незавершённым, его прервала смерть. Вышло мистически, почти как в «Пиковой даме». Тройка, семёрка, туз. Три решающих карты жизни. Две сработали безупречно, третья не осуществилась из-за смерти, или, наоборот, стала причиной смерти.

Рассматривая свою жизнь под таким углом, нетрудно было стать

немножечко фаталистом. И Сталин, к концу жизни, по-видимому, был склонен уже фатально смотреть на события, хотя его марксистская выучка этому всячески сопротивлялась. И это даже мизерное внутреннее раздвоение, эта небольшая трещинка внутренних противоречий принесла ему гибель, погубила его, психологически, ибо сталинский характер не принимал и не выносил никаких компромиссов. Он вонзался во всё, как сталь, — решительно и до конца, без колебаний. И потому малейшее колебание, могло привести его самого в состояние тревоги. Он нс мог поверить, что и он может засомневаться. Это было выше его сил! И страшнее, чем вся его жизнь, безжалостная как зверь!

13. Анализ хронологии сталинской биографии

Итак, приступим к рассмотрению первого периода, 1879-1912 гг. Здесь, конечно, для Сталина ключевыми являются две даты: 1879 г., т.е. год его рождения, и 1912 г. — «год свершения».

1879 г. Выше мы уже говорили, что в отношении года рождения И. В. Сталина в официальной советской историографии не было ясности. В ряде справочников, в том числе в «Календаре коммуниста», в некоторых справочных материалах Коминтерна до 1922 г. указывался — 1878 г., а в официальной биографии, в материалах Съездов партии, начиная с VI съезда — всюду 1879 г. В конце концов, это стало рассматриваться уже в 20-х годах, как некая опечатка, и на это никто бы не обратил внимания, если бы после XX съезда КПСС, наряду с официальным развенчиванием «культа личности», не была бы развёрнута на Западе в ревизионистских, антикоммунистических кругах своя кампания развенчивания сталинизма, главной целью которой было всячески охаять и оболгать всё, что относилось к социализму, коммунизму, к классовой борьбе и к антиимпериалистическим силам, отождествляя их всех со сталинизмом, а сам «сталинизм» характеризуя чуть ли не как уголовщину.

В связи с этим Сталину приписывали всё, что только могло быть отрицательного во всех сферах жизни и деятельности.

Вот почему эти «пропагандисты» антисталинизма, ухватились и за малейшее расхождение в датах рождения Сталина, имевшееся в официальных документах. В этом сразу же увидели криминал. И сразу же постарались «объяснить» это расхождение тем, что якобы «Сталин был агентом полиции» и потому в разных учреждениях числился по-разному: в полиции под 1878 г., в партии — под 1879 г. Эта глупость могла бы быть легко опровергнута Институтом марксизма-ленинизма, поскольку в его распоряжении был Архив Сталина, все подлинные документы, да и все архивы СССР были в распоряжении партийных инстанций, в том числе и архивы бывшей царской полиции.

Однако конъюнктурщики и шкурники из ИМЭЛ, лизавшие задницу у живого Сталина, не захотели, в иной обстановке, заступаться за мёртвого Сталина и позволили клевете остаться неопровергнутой. В этом наглядно

проявилось всё зло, которое несёт примиренчество, порой, более вредное, чем прямая вражеская вылазка. Новая антисталинская легенда пошла гулять, работая уже откровенно на всех противников социализма, работая на подрыв любого доверия к партии большевиков, разрушая реальное представление о социализме и подменяя его вымышленным, клеветническим, вражеским, и полностью фальсифицированным, лживым.

Во второй половине 80-х годов в ряде состряпанных на Западе биографий Сталина всё это преподносилось уже как факт, и в начале 1990 г. эта версия получила распространение и в Советском Союзе.

В редакции газет, журналов, в ЦК КПСС были направлены многие письма разных лиц, которые просили, требовали, чтобы официальные партийные инстанции разъяснили вопрос о расхождении дат рождения Сталина и указали бы на причину этого явления.

В связи с этим в журнале «Известия ЦК КПСС» №11 за 1990 г. появился, наконец, ответ, подготовленный сотрудниками Общего отдела ЦК КПСС и ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, И.Китаевым, Л.Мошковым и А.Черневым.

В нём указывалось, что официальной датой рождения И. В. Сталина, согласно всем справочникам, энциклопедиям и документам считается 21 декабря 1879 или 9 декабря 1879 г. по старому стилю. Вместе с тем, согласно метрической книге Горийской Успенской соборной церкви, зарегистрировавшей факт рождения Сталина, указано, что «у крестьян Виссариона Ивановича Джугашвили и его жены Екатерины Гавриловны родился сын Иосиф — 6 декабря 1878 г., который был 17 декабря крещён, в этой же церкви».

Отмечая это расхождение в датах (и в годе и в числе месяца), авторы ответа совершенно правильно подчёркивают, что в надёжности церковной книги нельзя сомневаться, тем более, что выписка из неё была подтверждена также в 1894 г. при выдаче Сталину аттестата об окончании Горийского духовного училища (кстати — в аттестате — круглые пятёрки, в том числе и по поведению! Сталин кончил училище — первым учеником).

Естественно, что дата, указанная в метрике, повторена и в материалах Петербургского губернского жандармского управления, где было заведено дело на Сталина, и где, разумеется, запросили о нём сведения с места рождения.

Наконец, имеется собственноручно заполненная Сталиным анкета с вопросами об его биографии, и адресованная ему шведской левой социал-демократической газетой «Фолькетс Дагблад Политикен» в 1920 г., где он сам написал дату своего рождения — 1878 г. Это, кстати, единственный документ, где дата проставлена рукой Сталина. Во всех остальных случаях, в материалах и анкетах съездов партии, начиная с VI, в партбилетах, в списках членов ЦК и т.п. дата рождения Сталина проставлена всюду рукой соответствующего секретаря, регистратора, или помощника, и всюду она только 1879 г.

Конечно, странно, что Сталин никогда самостоятельно не заполнял анкеты съездов. Всегда, как показывают многочисленные документы архива — за него это делал кто-то другой. Сотрудники ЦПА констатируют далее, что с 1921 г. отсчёт жизни Сталина стал вестись только с 1879 г. Другая, ранняя дата — 1878 г. — исчезает.

Сообщив все эти факты, сотрудники ЦПА ИМЛ и ЦК КПСС, не пытаются их как-то объяснить или прокомментировать, а в заключение своей записки пишут: «К сожалению, имеющиеся материалы не позволяют с достоверностью утверждать, сознательно ли И. В. Сталин изменил дату своего рождения, и если да, то с какой целью. Возможно, ответы на эти вопросы будут найдены позднее (если такие ответы вообще существуют)».

В этом ответе ярко проявились все отрицательные черты советской исторической науки, как она сложилась после 1939 г.: её формализм, неумение и нежелание анализировать факты, боязнь выразить какое-то определённое мнение, и в результате: оставить читателя в том же, или даже в большем недоумении по существу той темы, в отношении которой давались так называемые «разъяснения». Ясно, что именно эти черты советской исторической науки, как и всей партийной пропаганды, сложившиеся во второй половине XX в., способствовали весьма сильно обшей дискредитации марксизма, партии в целом, и искажали представления людей о социализме. По сути дела это направление в пропаганде содействовало появлению и распространению антисоветчины, диссидентства и буржуазных настроений, которые шли, и могли идти на таком фоне, лишь под знаком свободы мнений и демократии.

Как должны были бы отвечать на такие вопросы марксистские историки,

обладающие подлинными материалами?

Прежде всего, установим реально, каково было расхождение в датах? И как рассуждал сам Сталин, если он сознательно, вместо 1878 г. стал указывать годом рождения — 1879 г.?

Во-первых, из приведённых документальных материалов ясно видно, что даты рождения расходятся в двух случаях: в дне рождения и в годе рождения.

Остановимся на дне рождения. В метрической книге указано 6 декабря 1878 г. Что это за день? Это день праздничный для православных, день Николая угодника, или точнее — день Николы Зимнего, как он назывался в народе, поскольку был в году и второй праздник в честь Св. Николая — летом.

Поскольку данный праздник был одним из самых почитаемых и заметных, спутать его день было бы невозможно. Однако в официальных документах, начиная с 1918 г., фигурирует и другой день — 9 декабря по старому стилю, от которого ведёт отсчёт дата 21 декабря, как официальный день рождения по Новому стилю. Ясно, что 9 декабря — дата, появившаяся в результате описки, причём описки, совершённой в учреждении, и при наличии пишущей машинки. Такое положение могло быть только после 1917 г., в одном из центральных советских учреждений — во ВЦИК, ЦК РКП(б), СНК и РВС РККА. Именно в этих учреждениях при выдаче Сталину того или иного мандата, могли вместо «6» напечатать «9». И поскольку в дореволюционное время в партии особенно не обращали внимания на день рождения, а Сталин сам своих метрик никогда в жизни не видал, то с 1922 г., когда потребовалось составить для сборника «Деятели СССР и Октябрьской революции» точную авторизированную биографию или дать полностью собственноручно написанную автобиографию, то Сталин впервые указал днём рождения 21 декабря по новому стилю, ведя отсчёт от 9 декабря, т.е. от ошибочной даты. Возможно, что эту ошибку совершил кто-то из секретарей или помощников, ибо Сталин лишь поручал подготовить свою биографию, а затем просматривал и правил этот текст лично, обращая главное внимание на формулировки, и не приняв во внимание, что число 21 отсчитано по новому стилю не от 6 декабря, а от 9. Таким образом, происхождение даты 21 декабря — результат технической описки или ошибки. Причём ошибка эта, в сущности, незначительна, ибо ничего не меняет. Человек празднует день рождения на три дня позже. Это не трагедия. Но когда этот человек достигает такого общественного положения, что эту дату отмечает вся

страна, то исправлять или менять такую дату тем более нельзя. Пусть уж эта мелкая ошибочка укоренится. Так возник день рождения — 21 декабря. Единственный человек, который знал, что это не так, и мог быть недоволен подобной ошибкой, была лишь старая Кеке — Екатерина Гавриловна Джугашвили, мать Сталина, но она, конечно, умудрённая опытом, не делилась этой ''пустяковиной» ни с кем.

Разберём теперь более важное расхождение в годе рождения: 1878 и 1879. Сталин конечно твёрдо помнил свой метрический год рождения и всюду, вплоть до 1920 г., указывал его верно. Но в партийных документах после 1917 г. — всюду фигурировал также 1879 г. Впервые эта дата появилась в материалах (анкетах) VI Съезда партии. Вспомним, то, что говорилось выше о сталинской склонности к мистике чисел. По грузино-персидскому счёту цифра 5 была наделена магическим смыслом. Всё, что было кратно 5 должно было приносить счастье, или сбываться. В 1917 г. наступало первое пятилетие после 1912 г., «года свершений» для Сталина. Сталин верил, что в 1917 г. не только будет революция, но и в то, что она удастся и непременно победит. В этом его уверенность можно было сравнить только с ленинской. В отсутствие Ленина, скрывавшегося в Разливе, Сталин делает на VI съезде партии доклад о политическом положении — главный, основной доклад съезду. В первой же фразе этого доклада Сталин твёрдо заявляет: «Вопрос о современном моменте, есть вопрос о судьбах нашей революции». Но его доклад и резолюция об ориентации партии на совершение социалистической революции, частью съезда, мнение которой выражает К.К.Юренев (лидер «межрайонцев»), определяется, как «авантюра». Однако Сталин добивается в ходе съезда принятия обшей, единой резолюции, нацелившей партию на социалистическую революцию, — вопреки всем сомнениям оппозиции.

Известны исторические, пророческие слова Сталина, сказанные им при обсуждении пункта 9 резолюции, когда Е.А.Преображенский внёс предложение сделать добавление о том, что революция в России может быть начата только «при наличии пролетарской революции на Западе».

Сталин: «Я против такого окончания резолюции. Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Запад может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм

творческий. Я стою на почве последнего».

Таким образом, Сталин твёрдо верил, что в 1917 г. революция должна быть, что она произойдёт и окончится победой. И когда это действительно случилось, он ещё более уверился и в своих марксистских знаниях и выводах, и в своей вере в счастливую «пятёрку».

В связи с этим он мысленно окинул весь пройденный до революции путь, сверяя его с «пятилетками». В 1889 г. появилось издание «Вепхис ткаосани», которому было суждено помочь ему в выборе «крепкого» псевдонима, и ему было в это время ровно 10 лет, в 1899 г. его исключили из семинарии, и он стал профессиональным революционером, и ему исполнилось в это время ровно 20 лет. Следовательно, гораздо правильнее вести отсчёт с 1879 г., а не формально с 1878 г. Ибо от 1879 г. его отделяет только несколько дней конца декабря, и, если бы не случайность, и мать доносила бы его ещё неделю, то он и формально, и фактически родился бы в 1879 г. Ведь, когда его спрашивали о том, сколько ему лет, он считал не формально, а реально и в этом счёте одна-полторы недели не имели значения. Ведь фактически его жизнь начиналась не с почти полностью прошедшего 1878 г., а с начавшегося 1879 г. Вот почему он всегда приводил в России только эту дату, и решил, после 1917 г. окончательно придерживаться её, как реальной, а не «догматической», каким являлся 1878 г. И когда он, вопреки уже принятому им правилу, в 1920 г. указал 1878 г., то это было сделано потому, что дата эта указывалась для заграницы, где, как прекрасно знал Сталин, господствовали страшно бюрократические и формальные взгляды и где отход от даты в метриках был бы признан сенсационным. Так вот, чтобы не «раздражать» западных чистоплюев педантичности, Сталин «бросал» им «кость» — формальный год своего рождения, а не фактический, каким был 1879 г., ибо только с него недельный младенец начал свою жизнь и только 1879 г. был первым полным годом его реальной жизни. Здесь снова проявилась жгучая нелюбовь Сталина к формализму, к догматике и его стремление рассматривать все явления под углом здравого смысла и целесообразности. Но объяснять это кому-либо он просто не стал. Он знал, что это — лишнее, что это в конце концов никого не касается, кроме него, а он может поступать в отношении себя самого и своей жизни так, как считает правильным. Тем более, что фактически указание на 1879 г. правильно — оно отражает реальное число прожитых им лет, а реальное

число лет важнее, чем формальная дата. Только тогда получается верный счёт!

Таким образом, мы видим, что существует вполне ясное, понятное, логичное и правдоподобное объяснение того, почему официальная дата рождения И. В. Сталина указывалась в СССР, как 1879 г., а не 1878 г., как в метрике, и по каким причинам Сталин сам «поправил» эту дату.

1912 г. Год выхода Сталина на большую всероссийскую политическую арену, и в то же время дата его личного 33-летия, что придавало особенное значение совпадению этих двух выдающихся событий, ибо произошла объективная реализация тех потенций, которые Сталин в себе ощущал и которые стремился всячески развить и преумножить. Тем самым его субъективные желания полностью совпали с объективно-историческими и именно этот факт заставил подумать о мистическом значении числа 33.

Но кроме того, сама по себе дата 1912 г. приобретала большое значение в жизни Сталина, ибо она по сути дела являлась датой рождения его, как политического лидера. Вот почему от неё, как и от года рождения, 1879 г. Сталин стал вести отсчёт «значительных событий», «эпох». Прибавление к 1912 г. первой же «пятёрки», т.е. следующего пятилетия, даёт 1917 г.

1917 г. Этот год оказался решающим не только в жизни Сталина, но и в жизни всей партии, всей страны. Победоносная революция, ожидаемая и всячески подготавливаемая усилиями партии и лично Сталина, стала для него новым подтверждением его интеллектуальных потенций, его упрочения, как одного из ведущих деятелей партии. В этом году он впервые вместе с Лениным поставил свою подпись под рядом исторических документов, с которыми вошёл уже не только в историю России, но и в мировую историю:

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа
Обращение ко всем мусульманам Востока
Первый декрет СНК
Признание независимости Финляндии
и ряд других.

Отсчёт от 1917 г., как от нового рубежа революционной эпохи стала вести не только Советская Россия, но и всё революционное движение рабочих в Европе, Америке, Азии.

Вполне понятно, и естественно, что для Сталина лично 1917 г. стал важнейшей базовой датой. Отныне он ведёт свои отсчёты событий и связывает расчёты на будущее уже с тремя базовыми датами:

1917 г., 1912 г. и 1879 г. Эти базовые даты уже не изменятся и не пополнятся новыми — до самой смерти Сталина.

Единицами отсчёта от указанных трёх дат служат, во-первых, уже проверенные пятилетия, и все числа, кратные пяти. И во-вторых, 12 (дюжина) и 33, как цифры имевшие отношение к сталинской личной судьбе.

Итак, первая значительная дата после 1917 г. для Сталина — это 1924 г. Смерть В. И. Ленина. Сталин оказывается в это время до последнего дня с Лениным и он же от имени партии и народа по поручению Политбюро произносит свою знаменитую «Клятву над гробом Ленина», подчёркивающую его политическое значение и фактически определяющую его, как приёмника В. И. Ленина.

Троцкий в это время находился вдали от Москвы, в отпуску (в Кисловодске), который он эгоистично не стал прерывать для того, чтобы присутствовать при похоронах Ленина. Позднее Сталин не только «припомнит» ему этот факт, но и мастерски использует его для полной дискредитации Троцкого, как человека, являющегося противником ленинизма.

Но что такое 1924 г. с точки зрения мистики цифр? Это 1912+12, это тоже рубеж, но во-первых, не счастливых, а горестных событий в жизни партии, и во-вторых, рубеж общенародный, массовый, а потому к нему вполне подходит, ему соответствует отсчёт в дюжине, в этой народной единице и мере счёта.

Вместе с тем 1924 = 1879+45, что указывает явно на то, что исходя из личных интересов Сталина эта дата входит в число его «побед».

И так оно было, действительно, на самом деле. Он стал с этого времени первым лицом в партии.

1927 г. Следующая крупная, важная и политическая дата: разгром троцкизма. Но что значит в истории партии победа над оппозицией? Она значит продолжение социалистической революции, утверждение идей и политики Октября. И цифры полностью подтверждают это: 1917+10 = 1927. «Второй Октябрь» должен был случиться в число великого совершенства — не раньше и не позже, чем через 10 лет.

1929 г. «Год великого перелома». Этот год, решавший судьбу

коллективизации в российской деревне, был поистине общенародным, затрагивавшим весь народ и прежде всего огромные массы сельского населения страны: России, Украины, Белоруссии, Урала, Сибири.

И цифры на этот раз также полностью подтверждали эту оценку данного года: 1917 + 12 = 1929 г. Но для Сталина лично это был весьма важный и победоносный год. И здесь цифры опять были солидарны в данной оценке: 1879+50 = 1929.

Так что избирая для усиления коллективизации не 1930 г. и не 1931 г., и ускоряя тем самым, а не замедляя коллективизацию, Сталин опирался на заранее произведённый расчёт, на «счастливое» сочетание цифр, а не на те отчёты или сводки с мест, которые рекомендовали немного приостановить ход коллективизации. И получилось, что личные сталинские расчёты и следование им принесли политическую победу.

Ибо в 1929 г. была не только проведена коллективизация, но и разбита последняя оппозиция в партии — правая, бухаринская, а Троцкий был изгнан в этом году из СССР.

1937 г. Тут и объяснять много не нужно. И так ясно: 1937 = 1917+20 или 1912+25, т.е. по всем показателям победный и счастливый год лично для Сталина, как по линии развития государства, так и по линии утверждения его лидерства в партии. Вот почему он и решился именно в этом году пойти на физическое уничтожение своих политических противников.

1939 г. Это прежде всего личный для Сталина «большой год», год его 60-летия. И поэтому «триумфы» этого года в большей, чем ранее степени, несли на себе следы его личного влияния, его личных удачных, победных решений: достижение договора с Гитлером и приращение территории СССР за счёт ряда районов вдоль западной границы СССР — от Карельского перешейка до Западной Украины и Белоруссии.

В 1939 же году внешнеполитические успехи СССР были также достигнуты благодаря личным переговорам Сталина с министрами иностранных дел стран Прибалтики, в результате которых, СССР получил наземные и военно-морские базы в Эстонии, Латвии, Литве. Это год успешной сталинской внешней политики, — хороший подарок самому себе к 60-летнему юбилею.

1942 г. Сталинградская битва — сочетание личного и государственного успеха. 1912 + 30 и 1917 + 25. Сталин специально тщательно и планомерно

готовил эту победу в расчёте на 1942 г.

1945 г. Тут уж и говорить нечего. Всё и так ясно, как на ладони: Во-первых, двойной триумф, второе политическое совершенство, вторая жизнь для страны и народа, после кровопролитной, тяжёлой войны. Ведь цифры — не врут: 1879 + 66 = 1945 и 1912 + 33 = 1945.

1949 г. 70-летие Сталина. Дата солидная, значимая, политически важная. Да и год — весьма политически важный. Во-первых, большой удар со стороны противника: создание НАТО, и во вторых ответ на него: создание Коминформа. Конечно, неадекватно: ответ на пушки словами но в идеологическом плане жёсткий: Вы не сдержали Ваших нападок на СССР, на коммунизм, хотя мы и распустили Коминтерн. Что ж — мы его теперь возродим, но его органы будут в большей степени, чем прежде, направляться и контролироваться нами, из одного центра.

«Кто с мечом к нам пришёл, от меча и погибнет». Но мы не дрогнем, и будем продолжать войну с империализмом: идеологическую, классовую, и, придёт время, быть может и реальную.

1952 г. Год долгожданного XIX Съезда партии. Год первого подведения итогов послевоенного развития СССР. Год важный для партии и государства, но трудный для Сталина тем, что он обнаружил, как уходят его силы. Тем не менее год, рассчитанный заранее, как удобный и счастливый для проведения съезда: 1912 + 40 = 1952 и 1917 + 35 = 1952 г.

После окончания войны все ожидали, что осенью 1945 г. будет созван XIX съезд, ибо последний XVIII съезд — состоялся в 1939 г. Но в 1945 г. Сталин не предпринял никаких мер, чтобы съезд был созван, ибо год и без того был слишком насыщен событиями.

В 1947-1949 гг. новые международные осложнения и заботы, также не позволили провести съезд, хотя партия ждала его. В 1950 г. и 1951 г. несмотря на все попытки секретарей крупнейших крайкомов и обкомов страны добиться проведения съезда путём хотя бы постоянного осторожного зондажа позиции ЦК в этом вопросе, Сталин неизменно отвечал, что «ещё не время». Теперь нам легко понять, почему он так говорил. У него был свой график и он точно знал, к какой дате приурочить созыв съезда. Но в партии, даже в её верхушке, об этом не имели никакого представления. Видели только, что время идёт, что проблемы требующие решения съезда — накапливаются, и что Сталин —

стареет, и потому казалось совершенно непонятным — куда же ещё откладывать созыв съезда — до каких же пор? И вдруг Сталин определил его созыв на 1952 г. Он то знал, почему. Другие даты просто не располагали, они могли оказаться «несчастливыми», а он опасался, что съезд тогда не удастся.

И хотя XIX съезд прошёл мирно, торжественно, внешне сплочённо, и на нём была сделана попытка как бы обновить партию, создав огромный новый орган — Президиум ЦК, он на деле не решил той задачи, которую исторически должен был бы решить: передачу эстафеты новому поколению партийных руководителей, передачу великого ленинского наследства в новые руки для гарантированного продолжения ленинской политики. Открыто, так как этого требовали принципы большевизма, вопрос о наследии не был поднят на съезде. А созданные новые органы партийного руководства и призванные туда так называемые «новые люди» — были не лучшими, а чуть ли не худшими силами в партии. Достаточно сказать, что именно в 1952 г. в Президиум ЦК и в Центральный Комитет были избраны такие мелкие люди, как Брежнев, Подгорный, Шелест, Полянский, прежде не игравшие никакой роли ни в организационном и тактическом строительстве партии, ни тем более в укреплении её идеологии. Известно, например, что Брежнев никаких книг, даже художественной литературы, никогда не читал, о чём вполне документально сообщает А.А.Громыко в своих мемуарах.

И когда такой человек оказывался во главе партии, то одно уже это обстоятельство должно было вселять огромную тревогу за её судьбу и за судьбы социализма вообще. Однако такие лица ещё 20-30-х лет находились во главе партии и страны. Разумеется ни коммунизмом, ни социализмом в их политике ничего и не пахло. Их безграмотность прямо противоречила одному из коренных положений марксизма, который рассматривается как обобщение всех знаний, накопленных человечеством и требует от марксиста освоения всей мировой культуры. Тем самым, называя таких людей, как Брежнев коммунистами, мы клевещем на коммунизм, искажаем это понятие. Мы можем лишь говорить о том, что уже в середине 60-х годов началось глобальное перерождение руководства партии.

Чувствовал ли Сталин в 1952 г. тревогу за судьбы партии?

Возможно в какой-то степени — ощущал. Но в то же время он уже не представлял себе реального положения. Он не мог уже оценить объективно

степень перерождения партии, ибо он, практически, не знал новых людей.

Брежнев был включён, например, в ЦК за статный рост, военную выправку и свои знаменитые брови, не заметить которых мог лишь только слепой. Заметил их и Сталин. Но он ни словом не обмолвился с этим новым «кадром», а тот, естественно, боялся и рта раскрыть в присутствии Сталина, ясно сознавая, что даже одним-единственным словом способен обнаружить свою беспросветную ограниченность.

Сталин, конечно, надеялся, что его ближайшие соратники — и в первую очередь Молотов, Каганович, Ворошилов, Берия и Хрущёв, сохранят и после его смерти единство и традиции партии и эти надежды перерастали в твёрдую уверенность, так как он лучше, чем кто-либо иной знал, что у этих людей кроме, как опираться на культ Сталина, иного выхода не было. Ибо только это сохраняло бы стабильность государства.

Однако он не мог предположить, что все они окажутся в разных, причём непримиримо враждующих группировках, и что единственный, кто мог бы по праву претендовать на ведущую роль — Молотов, — будет отстранён от руководства и власти в первую же очередь.

Таким образом; XIX Съезд партии — хотя и был созван в «счастливую» и «правильную» дату, тем не менее, не сыграл своей исторической роли — быть инстанцией, которая передала бы эстафету ответственному и компетентному новому руководству партии.

В этой неудаче ярко проявилась вся искусственность сталинской схемы «пятилеток» и других числовых комбинаций, которая, казалось, действовала годами и десятилетиями столь безотказно, верно и надёжно.

Дело в том, что прежде внутренняя уверенность в «фатальности» той или иной даты, той или иной меры, придавала Сталину, чисто субъективно, такие силы, что он всецело и глубоко мог контролировать всё, происходящие в такие исторические моменты процессы. Всюду иметь свой глаз. Всюду проверять, перепроверять и не доверять никому, кроме себя. Вполне естественно, что такое тщательное проведение любого мероприятия обеспечивало ему успех. Ведь точно также и Ленин лично стремился контролировать и проводить все важнейшие политические и военные меры в годы революции и гражданской войны, беря на себя львиную часть работы, которую должен был выполнять партийный и советский аппарат. И всё удавалось хорошо, благодаря этому

личному, ежеминутному, перестраховывавшему и подстраховывавшему контролю и проверке всех звеньев государственной машины. И Ленин, совершая эту титаническую работу, в отличие от Сталина не нуждался в таком внутреннем стимуле, как вера в магику чисел. Однако результат у обоих получался отличный, ибо оба осуществляли неослабный контроль над проводимыми по их указанию мероприятиями и оба были достаточно компетентны в том, что они делали, причём более компетентными, чем все их другие сотрудники. Именно это и обеспечивало успех.

Но такой ход работы, такие, как называл их сам Сталин «большевистские темпы» были возможны лишь тогда, когда оба обладали хорошим здоровьем и, не щадя себя, «выкладывались» до изнеможения.

Ленин надорвался на этой работе, не допустив ни одного её срыва, но умер преждевременно и крайне мучительно, от прогрессирующего паралича, завершившегося инсультом.

Сталин также успешно осуществлял руководство в напряжённейшей обстановке, в том числе в более старом возрасте, чем Ленин, в годы Великой Отечественной войны. То, что было проделано Ставкой ВГК в смысле планирования, разработки и проведения стратегических операций, а их за четыре года войны было проведено полторы сотни, причём на пространстве фронта протяжённостью в 6.000 км. — это сверх обычных человеческих сил, это — гениально, и это было проведено мастерски, в высшей степени военно-профессионально и компетентно. И это, разумеется, не могло не подточить даже стального здоровья и стальной воли Сталина. Физическая немощь, характерная для старения организма, стремительно захватывала Сталина в послевоенные годы, особенно после 1949 г. И этот объективный факт нельзя сбрасывать со счёта. Более того, мы должны его всемерно учитывать и понять, что и Сталин был отнюдь не машина, а человек, причём с весьма скромными физическими возможностями. Но жил он за счёт своей воли, и пока мог, держал себя в руках. Когда же силы стали уходить, воспрепятствовать этому физиологическому процессу было просто невозможно.

И именно в этих условиях его контроль за партией, за государством, и его информированность насчёт их состояния, резко изменились: он стал утрачивать контроль и подобно Ленину, именно этот факт стал его крайне нервировать и беспокоить. И чем больше он нервничал, тем хуже становилось его физическое

состояние. И в этом положении он стал острее не доверять окружающим. Просто не доверять никому и во всём, не имея прежней возможности, вместо негативного недоверия, взять под жёсткий позитивный контроль всю информацию, поступающую наверх.

Этого он просто не мог уже сделать физически, и это, разумеется должно было вызвать внутренний взрыв. В приступе бессильного гнева у него произошло кровоизлияние в мозг — инсульт. Тот же конец, что и у Ленина. Профессиональное острое заболевание государственных деятелей мирового масштаба, привыкших тащить на себе всю государственную и партийную машину. Как только способность тащить воз прекращалась, эти деятели тотчас же ломались. Это означало, что они работали до полного износа, до конца, пока только хватало сил.

Так Сталин в самой своей смерти снова встал вровень с Лениным. Разница была лишь в том, что Ленин умер в кругу заботливых близких, Сталин же умер, в полном одиночестве, оставленный, изолированный, без родных и соратников. Так прошла эта жизнь, безжалостная, как зверь.

И смерть тоже оказалась и мучительной, и безжалостной.

Итак, подведём некоторые итоги.

Вышеприведённые данные, вероятно, ни у кого не оставят теперь сомнения, что у Сталина присутствовали в его деятельности элементы мистического восприятия действительности, и они усилились особенно к концу его жизни, после 70 летнего юбилея.

Почему важно обнаружить, отметить и обратить внимание на этот момент, на эту, в некотором роде «мелочь», свойственную лишь внутренней скрытой психологии Сталина и никогда им не проявляемую открыто и тем более не афишируемую?

Потому, что при помощи этой черты, т.е. при учёте её существования, мы можем лучше понять и логически объяснить некоторые известные, но не совсем понятные факты из сталинской биографии или кое-что из его действий.

Дело в том, что внимание к мистике чисел, вера в «счастливые» и «несчастливые» годы, существенно ослабляли у Сталина в последний период его жизни (с 1949 по 1953 гг.) способность к трезвой, критической оценке действительности, в то время как прежде такая способность ему никогда не изменяла.

Так, проведя успешно в «счастливый» 1939 г. сногсшибательную и сенсационную договорённость с Гитлером, заставив весь мир удивляться своему дипломатическому ''везению», Сталин, разумеется, не изменил своих взглядов на фашизм и на реальную угрозу войны со стороны Германии.

Наоборот, он твёрдо знал, что война непременно наступит, но его главной заботой стало то, чтобы она не пришлась на несчастливый 1941 г., а началась бы, по крайней мере, в «счастливом» для него 1942 г.

Вот почему все его усилия, все мероприятия в области внешней и внутренней политики в течение 1939, 1940 и первой половины 1941 гг. были направлены только на то, чтобы любым способом оттянуть войну и не дать ей вспыхнуть в 1941 г. Отсюда становится особенно ясно, почему Сталин буквально «не хотел замечать» подготовки войны со стороны Германии и пресекал всякие обсуждения этой темы в верхних этажах партийных, военных и государственных кругов. Он был уверен, что германский фашизм имеет и в советском госаппарате своих нераскрытых шпионов, и потому рассчитывал своим спокойствием и полным исключением обсуждения подготовки к войне, оттянуть начало войны до «благоприятного» 1942 г., и не дать немцам хоть малейшую зацепку для придирок и недовольства. Вот почему он не реагировал на предупреждения о подготовке немцев к войне, о намеченных уже для её развязывания датах, ибо принимал всё это за «провокацию», а не потому, что он был «слеп».

Однако он упустил при этом из виду, что дело зависело не только от его выдержки, но и от вероломства гитлеровского руководства. Этот фактор он полностью не учёл, ибо считал, что Гитлер как истинный, педантичный немец, будет верен своему слову. И в этом была огромная сталинская ошибка, происшедшая из-за того, что он посчитал более надёжным не классовое чутьё, а убеждение в магическом сочетании благоприятных и несчастных дат.

Такую же ошибку он сделал и во время советско-финской войны. Хотя 1939 г. был в центом счастливым для подобного мероприятия, но переговоры с финнами, начатые ещё весной, затянулись из-за финского упрямства до ноября 1939 г. Год был таким образом на исходе, следующий, 1940 г. обещал быть «несчастливым». Однако обе стороны зашли так далеко в своём противостоянии, что для СССР отступать было поздно, и война началась 1 декабря, за месяц до конца «счастливого» года. Но Сталин рискнул

санкционировать начало войны, ибо верил в «счастливость» 1939 г. и считал, что Красная Армия сумеет справиться с Финляндией «за две недели» и он сможет уже к своему дню рождения, к 21 декабря, преподнести себе и стране «маленький» внешнеполитический подарок, в виде «победоносного окончания советско-финской войны». Однако ни Ворошилов, ни Тимошенко, сменивший его на посту наркома обороны, за две недели не уложились и война перешла на «несчастливый» 1940 г., сопровождаясь непредвиденным ходом, огромными потерями в живой силе и технике, и обескураживавшей советских военных невозможностью продвижения за «линию Маннергейма».

В результате потребовалось ввести в действие миллионную армию, потерять почти полмиллиона людей, и совершить ряд других дополнительных усилий, чтобы достичь, наконец, победы и долгожданного мира.

Ещё большим отрывом от реальной оценки исторической обстановки явилось затягивание Сталиным открытия XIX съезда партии, в ожидании для этого «счастливой латы» — 1952 г. Нет сомнения, что если бы съезд был созван в 1945 или 1946 гг., т.е. на 6-7 лет раньше, то и роль Сталина на съезде и решения самого съезда были бы полезны для дальнейшего развития страны и сыграли бы, действительно, важную политическую роль, а не декоративно-политическую, как в 1952 г.

Ведь в 1945-46 гг. Сталин был ещё сравнительно бодр, в хорошей физической форме, полностью владел знанием обстановки в стране, да и в числе его ближайшего окружения были относительно молодые, но талантливые и преданные революции люди, которым можно было оставлять в наследство Советский Союз. В 1952 г. наоборот, не было ни здоровья, ни владения реальным контролем за страной, ни надёжных людей, поскольку они были (Кузнецов А.А., Вознесенский Н.А. и др.) уничтожены в 1949 г.

Так ожидание «счастливой» даты привело по сути дела к несчастливому результату для страны, партии и народа.

Именно в этой приверженности элементам мистики, пусть и не очень серьёзно, но зато скрупулёзно, в этом явном идейном отступлении от марксизма, проявляющемся в вере в некую предопределённость судьбы, и заключалась основная политическая ошибка Сталина в последний период его жизни.

Ошибка эта была тем более существенной, что она была, в принципе,

недопустима для марксиста, притом руководителя коммунистической партии и социалистического государства. До тех пор, пока он не подчинял марксистский расчёт и анализ реальной обстановки своему, только ему одному известному «графику», и не приноравливал этот график к своей мистике чисел, — иными словами, — пока он не насиловал ход исторического развития, — все его действия, вся его политика были в целом правильными, шли на пользу народу и государству. Но как только он позволил себе прислушиваться к субъективным аргументам, допустил переоценку и необъективное отношение к искусственной схеме «счастливых» и «несчастливых» лет, так последовали и политические ошибки, и практические неудачи в реализации важнейших конкретных государственных и партийных задач.

Сталин пренебрёг к концу жизни ленинским указанием, что нельзя допускать ни малейшего проникновения в мышление — даже слабейших элементов субъективного идеализма, что нельзя делать никаких — ни временных, ни крохотных уступок идеализму, ибо это немедленно скажется на ошибках в проведении практической политики, приведёт к краху мероприятий, основанных на субъективизме.

Это ленинское предупреждение оказалось пророческим. Вся партия фактически оказалась заражённой к 60-80-м годам XX века идеалистической, т.е. враждебной марксизму, буржуазной идеологией. И именно этим объясняется переход советской системы к неверной политике, к волюнтаристским мерам, которые в конце концов разрушили социализм.

Ныне же идеализм, можно сказать, открыто восторжествовал в современной российской идеологии. И это верный знак того, что всё историческое развитие нынешней России повёрнуто вспять, и возможно, в течение целого XXI столетия, страна не подымется из рабского положения в экономическом и внешнеполитическом смысле.

Руководить страной со свечкой в руке и с богом на устах практически не было возможно даже в самые глухие периоды средневековья. Религия даже мракобесами использовалась только в декоративных целях, если они желали добиваться реальных политических результатов.

У нас же бывшие так называемые «партийные руководители» без всякого стеснения крестятся перед телевизионными камерами, лобызаются с патриархом, отслуживают молебны на государственных мероприятиях —

завершении строительства, спуске корабля и т.п.

Развращение народа циничным попранием того, чему прежде сами поклонялись, может привести только к одному результату: к полному недоверию народа к государственной власти, к растлению национального, патриотического сознания народа, которому либо станет буквально наплевать на всё или который окончательно привыкнет во всём рабски подражать «начальству».

В обоих случаях это окончится трагично для страны.

14. Ещё несколько штрихов для понимания психологии И. В. Сталина. О его «слабостях», «мифах» и «легендах» вокруг его имени

Раз уж мы затронули, в связи с выяснением происхождения сталинского псевдонима, вопрос о психологии Сталина, то не будет лишним добавить для полноты картины, ещё несколько штрихов, т.е. привести такие ситуации и эпизоды из его жизни, из его взаимодействия с людьми, которые могут косвенно обрисовать некоторые черты его характера.

При этом, мы используем такие эпизоды, которые так или иначе отложились в документах, подтверждены многими свидетелями и к тому же, практически, неизвестны широким массам читателей, так как не приводятся ни в одной из нашумевших, «сенсационных», «разоблачительных» сталинских биографий.

Начнём с записи беседы со Сталиным в 1939 г. министра иностранных дел Латвии Вильгельма Мунтерса, который проявлял особую неуступчивость во время советско-латвийских переговоров о советских военных базах и после завершения переговоров так и остался на ярых антисоветских позициях.

2 октября 1939 г. в Кремле, окончив более, чем двухчасовую беседу со Сталиным и Молотовым, на которой, присутствовал также посланник Латвии в Москве Ф.Коциньш, Мунтерс, вернувшись из Кремля в посольство в час ночи, записал: «Сталин показал удивившие нас познания в военной области и своё искусство оперировать цифрами. Он удивился, почему у нас дивизии такие маленькие и сказал, что через Ирбенский пролив легко могут пройти 1500-тонные подводные лодки и обстрелять Ригу из четырехдюймовых орудий. Поэтому батареи у пролива должны находиться под одним командованием, иначе не смогут действовать. После этого Сталин образно показал, положив на стол карту, что подводным лодкам придётся шнырять туда-сюда при поддержке авиации, и сложилось впечатление, что по всему побережью будет большая активность».

В другой раз, Сталин сделал «лирическое отступление: «последовал пространный экскурс в область филологии и этнографии, который свёлся к выяснению, в чём сходство между латышами и литовцами. Говорил о поляках и болгарах. Заметил о латышах — «вы для нас психологически ближе, чем

эстонцы»«.

Участников военных и политических переговоров со Сталиным, всегда поражало то, что он входил во все детали, в том числе, подчас, неожиданные, бытовые.

Когда обсуждали вопрос о советских военно-морских базах в Лиепае и Вентспилсе, которые должны были быть изолированы от латышской территории, Сталин неожиданно спросил Мунтерса: «А вы наших моряков станете пускать к девицам? Или нет? В выходные дни? Они ведут себя хорошо».

В результате прямых бесед иностранных собеседников со Сталиным, без переводчика, поскольку разговор шёл на русском языке, у них всегда складывалось чёткое представление о компетенции Сталина во всех вопросах, о его широкой образованности.

При этом интересно отметить, что Сталин никогда не давил на собеседника своим авторитетом, он вёл разговор спокойно, без каких-либо угроз, будь то явных или скрытых.

Неуступчивость и жёсткость всегда проявлял Молотов, в то время как Сталин, как бы сдерживал его и всегда предлагал более «мягкий» выход, но уж это решение было зато — последним. В.Мунтерс считал такое поведение — определённым театральным ходом Сталина, а потому называл споры Сталина с Молотовым на переговорах (когда Сталин согласился исключить Ригу из числа мест, вблизи которых будут советские гарнизоны, а Молотов заявил, что это — недопустимо и нехорошо) — «комедийной перебранкой», рассчитанной исключительно на то, чтобы оказать воздействие на партнёров по переговорам.

Эту же позицию Сталина отмечают и некоторые советские военачальники, когда Сталин постоянно придерживался более умеренных требований, чем вступавшие с ним в полемику Молотов, Берия или Ворошилов.

Нет сомнения, что Сталин в какой-то мере создавал себе таким путём определённый имидж, но это должен был быть имидж не «более мягкого», «более уступчивого», а более компетентного человека, который, глубже вникая в ту или иную проблему, находил менее жёсткое её решение, не уступая, не теряя в то же время принципиальных позиций. Однако именно такие тонкости для тех, кто составлял сталинское окружение, не доходили. Его позиция, как и в других случаях, воспринималась более упрощённо и примитивно, и ещё более примитивизировалась при интерпретации или практическом осуществлении

сталинских предначертаний. С этим фактом российской жизни не способен был совладать даже Сталин.

Вместе с тем, к числу «слабостей» Сталина следует несомненно отнести его всегдашнее стремление произвести впечатление своей всесильности, хотя это и достигалось, как бы неброскими, косвенными и «естественными» мерами. Здесь важно подчеркнуть, что речь шла не о личном выпячивании своего «я», а исключительно о демонстрации всемогущества социалистического государства. И делалось это в двух, как правило, случаях: во-первых, для иллюстрации тезиса о том, что «если надо стране, то будет сделано всё, даже — невозможное» и, во-вторых, для иллюстрации другого любимого сталинского тезиса: что «если приказано, то должно быть выполнено, хоть ты умри».

Надо сказать, справедливости ради, что Сталин требовал следованию этим тезисам от всех своих подчинённых, от всего народа, стараясь привить чёткую исполнительность всей государственной и общественной машине страны. Но вот иллюстрировать, как на деле должны выполняться эти тезисы, к сожалению, мог, только он сам. Другие, соратники и подчинённые были на яркие иллюстрации неспособны.

Покажем это на некоторых примерах.

Вечером 4 сентября 1943 г. Сталин впервые за годы советской власти принял в Кремле патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия и двух его коллег — митрополитов Алексия (Ленинградского) и Николая (Крутицкого и Коломенского), чтобы поблагодарить их за внесение церковью в фонд обороны 150 млн. рублей, собранных за счёт пожертвований верующих. В ходе беседы, Сталин поинтересовался проблемами, которые стоят перед церковью. На это митрополит Сергий ответил, что самая главная у них проблема — это выборы патриарха, так как для этого надо собрать Поместный собор, что в условиях войны, отсутствия транспорта, осуществить в огромной стране трудно, и на что потребуется один-два месяца.

— «А нельзя ли проявить большевистские темпы?» — спросил Сталин. И тут же отдал распоряжение привлечь авиацию для сбора всех епископов, чтобы открыть Поместный собор не через месяц, а через три дня! Тут же договорились, что открытие состоится 8 сентября, хотя разговор шёл уже во втором часу ночи 5 сентября, а уже в 5-6 часов утра в Богоявленском соборе состоялась торжественная литургия, где митрополит Сергий объявил о том, что

8 сентября в Москве соберётся Поместный собор. Выйдя после службы из церкви, прихожане могли прочитать подвезённые к киоскам вокруг собора свежие номера «Известий», где было уже опубликовано сообщение ТАСС о приёме Сталиным в Кремле — трёх митрополитов. На всю «операцию» потребовалось буквально не более трёх часов.

Вот это и означало — «если надо, то будет сделано всё, — даже невозможное». А надо это было в связи с тем, что 9-10 сентября должны были прибыть в Москву американцы, которые рассчитывали собрать факты о подавлении в СССР большевиками — религии. Надо ли говорить, как опоздали со своими «исследованиями» союзники-американцы!

Можно представить себе, как вытянулись их лица! Зря ехали, зря планировали, зря тратились!

Да, «если нужно, то в социалистической стране, можно сделать всё, даже — невозможное».

Второй эпизод, также относится ко времени приёма Сталиным митрополита Сергия в Кремле. Сталин представил Сергию будущего Председателя комитета по делам церкви, генерал-майора КГБ Г.Г.Карпова, сказав, что тот будет своего рода «связным» между правительством и церковью.

Сергий: — Но разве это не тот Карпов, который нас преследовал?

Сталин: — Тот самый. Партия приказывала преследовать Вас и он выполнял приказ партии. А теперь мы приказываем ему быть Вашим ангелом-хранителем. Я знаю Карпова, он исполнительный работник.

Этим Сталин хотел подчеркнуть, что при социализме нет личных отношений, а есть только классовые, партийные, общественные и они регулируются не лицами, а партией.

Этот диалог почти в точности повторял ситуацию, когда Сталин решил произвести «потрясающее впечатление» на союзников-американцев, участвовавших в государственных переговорах.

Как известно, у Сталина было несколько переводчиков, для каждого языка — свой специалист. Переводчиком с немецкого и на немецкий был Бережков, переводчиком с английским языком — был Павлов. Бережков стал работать в МИДе ещё до войны, участвовал в переговорах с Гитлером и Риббентропом, «удостоился» особого внимания Гитлера, который с трудом поверил, что

Бережков русский, и, по-видимому, так и остался убеждённым, что перед ним — немец, столь тонко чувствовал этот переводчик иностранный язык.

Как-то случайно, Сталин узнал, хотя Бережков об этом прежде не упоминал, что тот знает помимо немецкого и английский язык. Однако никакого влияния этот факт в положение Бережкова не внёс, и казалось, вообще, не был принят Сталиным во внимание, ибо Бережков был твёрдо закреплён, как переводчик №1 по немецкому языку, и, даже если бы он и знал другой язык, то трудно было бы предположить, что он знал его лучше немецкого, ибо то был язык его детства.

И вот, как-то спустя два или три года, всего за 5-10 минут до начала ответственных переговоров с американцами Сталину сообщают, что Павлов не сможет присутствовать, так как неожиданно заболел.

Американцы, уже прибывшие в Кремль, узнав об этом — заволновались: будут отложены или сорваны переговоры? Советник посольства США в Москве Чарльз Болен, с тревогой спрашивает у Сталина:

— Что же делать?

Но Сталин невозмутим. Он единственный из всех присутствующих, кто совершенно спокойно воспринимает сложившуюся ситуацию.

— Что делать? — Будем работать, — невозмутимо заявляет он.

— Но кто же будет переводить? — нервно спрашивает Ч.Болен.

— Переводить будет Бережков. Вызовите его.

— Но Бережков же немецкий переводчик, а не английский, — не унимается Ч.Болен..

— Это не имеет значения, — заявляет Сталин.

С американцами — шок!

— Как так не имеет значения?

— Я ему прикажу и Бережков будет переводить с английского, — спокойно объясняет Сталин.

Действительно, явившийся тотчас Бережков отвечает на приказание Сталина — «есть!», блестяще проводит свою работу, а американцы, находящиеся в состоянии лёгкого обалдения во всё время переговоров, следят не столько за их ходом, сколько не устают поражаться гладкому английскому Бережкова, и почти (а может быть и на все 100%) верят, что «Сталин может приказать всё, что угодно, и это непременно будет исполнено».

Этот эпизод говорит о том, что Сталин не только питал слабость к тому, чтобы производить эффект, но и о том, что он имел огромное терпение, выдержку и умел ждать «нужного момента» даже годы. Он знал, что «хороша ложка к обеду», а психологическая атака на противника — всегда хорошая «подстилка» для собственного успеха в переговорах.

И в таких вопросах, по его мнению, «мелочей» не бывает. Любая мелочь должна быть использована для дела и к делу.

Здесь вновь нельзя не провести параллели с В. И. Лениным.

Ленин также знал и умел использовать отдельные случаи, детали, события — для общего и большого дела. Для иллюстрации или пропаганды какой-либо мысли или мероприятия. Но при этом никогда, и ни в малейшей степени Ленина не интересовал внешний эффект. Наоборот, он сознательно стремился избежать каких-либо эффектов, притушить их даже, если они возникали естественно.

Сталин же, наоборот, способен был незаметно, но тщательно подготовить эффект, более того, стремился подать его театрально, драматургически сильно. У него не было «экспромтов», он любил предварительную режиссуру любых мероприятий, так как считал, что только то, что проверено, прорепетировано, отработано заранее, может принести успех. Отсюда — требование Сталина к ораторам и докладчикам — заранее письменно готовить свои выступления. Важно, чтобы человек глубоко проработал то, что предстоит ему говорить. На деле же это важное в русских условиях требование, было извращено некомпетентными и неграмотными людьми в аппарате и среднем звене управления: выступления подготавливались низшими работниками, а зачитывались эти шпаргалки — уже совершенно формально и без души — руководителями.

Один только Сталин в 20-50-х годах продолжал сам писать и готовить свои выступления и доклады, свои статьи. Во всех остальных звеньях управления страной перешли на пользование шпаргалками, заготовленными не лучшими, а самыми худшими, самыми низшими представителями советского чиновничества. Спрашивается — можно ли винить в этом Сталина, или вернее будет сказать, что даже ему оказалось не под силу борьба с ленью, всеобщей косностью и вездесущим русским «авось, и так сойдёт». И не в этом ли факте невозможности добиться нужных результатов в стране, путём терпеливой,

долгой разъяснительной работы, Сталину, который знал, что надо спешить (ибо «отсталых бьют») в конце концов, пришлось уповать только на приказы, наказания, репрессии, как на единственную возможную форму эффективного руководства страной, где прежде столетиями процветали и укоренялись разгильдяйство, наплевательское отношение к казённой собственности, взяточничество, воровство и мошенничество во всех звеньях государственного аппарата и во всех порах общественной структуры населения?

Недаром Сталин подчёркивал в одном из своих выступлений, что особенностью реформаторской деятельности Петра I было то, что ему к сожалению, пришлось бороться с варварством и отсталостью в стране — не цивилизованными, а варварскими методами.

Ибо так не он хотел и мог, а такие формы борьбы навязывала ему историческая обстановка и общественные условия русского государства, и даже сама национальная психология русского народа, о чём никак нельзя забывать!

* * *

Среди «мифов» и «легенд», сложившихся вокруг имени Сталина и получивших распространение, не столько в «народе», сколько среди интеллигенции, особенно оппозиционно настроенной по отношению к Сталину, надо отметить, по крайней мере два «мифа», пущенных ещё в 20-30-х годах троцкистами, и предназначенных для создания о Сталине представления, как о недалёком, малообразованном человеке, и уж во всяком случае, не обладающим качествами «европейского интеллигента», а своего рода каком-то «азиате».

Во-первых, это «миф» о том, что Сталин «никакими языками не владел и даже русским — плохо». Во-вторых, что Сталин, якобы, никогда нигде не бывал, никуда не выезжал, а жил весь свой век «затворником Кремля» и уж внешнего мира — вовсе не видел.

Оба эти мифа глупы тем, что они рассчитаны на примитивных людей и людей совершенно аполитичных, не знакомых даже в общих чертах с историей партии, не говоря уже о биографии Сталина. Вот почему эти примитивные «обвинения» практически не нуждаются даже в опровержениях, ибо любой элементарно грамотный исторически и политически человек, видит хорошо их

лживость и предвзятость.

Так, Сталин за свою жизнь объездил и работал, знал условия не только Закавказья (Грузии, Азербайджана, Армении), но и Петербургской, Ярославской и Вологодской губерний, бывал, хотя и не по своей воле, в Сибири, в Красноярской (Курейка), в Томской губернии (сев. часть — Нарымский край), в советское время выезжал в Карелию, на Кольский полуостров, (Кола, Мурманск), неплохо знал Среднее Поволжье, а ещё ранее — в гражданскую войну — Нижнее Поволжье — от Царицына до Астрахани.

Во время борьбы с Деникиным, Сталин, имея Ставку в Серпухове, знакомился с обстановкой в Тульской, Рязанской областях и особенно на Верхнем Дону и в Донбассе. А во время советско-польской войны 1920-1921 гг. с положением в Белоруссии и на Украине, в разные пункты которых ему приходилось выезжать в ходе войны.

Что же касается зарубежных стран, то ещё до революции Сталин по партийным делам выезжал (в том числе для участия в конференциях и Съездах партии) в Финляндию, Швецию, Данию, Германию, Польшу, Австро-Венгрию, Англию. А из азиатских стран наиболее хорошо был знаком с положением в Турции и Персии, был в Тегеране, проехав специальным поездом через весь Иранский Азербайджан.

Что же касается знания языков, то не владея ими в активной, разговорной форме, Сталин относительно свободно читал по-немецки, знал латынь, хорошо древнегреческий, церковно-славянский, разбирался в фарси (персидский), понимал по-армянски, не говоря уже о грузинском и русском, который также можно считать иностранным языком для Сталина. Одно время, в середине 20-х годов Сталин занимался также французским, но о результатах этих занятий сведений не имеется.

Более того, он всегда, с юношеских лет, проявлял интерес к языкам в смысле их теоретического познания и поэтому его выступления к концу жизни по вопросам языкознания, — были неожиданны только для профанов и для обывателей, которым всегда кажутся невероятными разносторонние знания, обнаруживаемые государственным деятелем, особенно политиком или военным. Хотя именно это обстоятельство должно считаться и восприниматься, как не только нормальное, но и обязательное для крупного руководителя

Всё это, с одной стороны, объясняет, почему Сталин со знанием дела,

предметно, руководил страной целых три десятилетия почти единолично, а во-вторых, подтверждает, что без подобных общих знаний и подготовки не мог состояться в качестве руководителя страны никто другой, как из сталинского окружения, так и после Сталина, в том числе наши так называемые послесталинские лидеры — Хрущёв, Брежнев, Горбачёв.

Все они на несколько порядков уступали Сталину не только в способностях, в личной одарённости, но и в области даже формального и фактического образования, в области знания страны, народа и внешнего мира.

15. Послесловие

Итак, наше исследование раскрыло последние загадки», «мифы» и «легенды», существовавшие в биографии Сталина и создаваемые вокруг его личности.

Теперь в биографии этого государственного деятеля, этой исторической личности, нет уже совершенно никаких неясностей или неизвестностей.

Мы знаем ныне о Сталине всё, в том числе и то, что не может быть сообщено ни одним архивом, ни одним официальным документом — мы проникли в строй его мыслей, в его психологию, в его душевный мир. Мы знаем теперь, что это был человек, которому не было чуждо ничто человеческое: в том числе, ошибки, слабости, чувство ненависти и отчаяния.

Но знаем также и то, что он умел управлять, подчинять воле свои чувства, мог идти наперекор всему, к своей заветной цели, проявлять настойчивость, решимость, мужество и мудрость. Знаем, что он был широко образован, обладал знанием науки и жизни.

Именно теперь, когда прошло полвека со дня его смерти, когда о нём высказались все его враги, недоброжелатели, завистники, явные и скрытые политические противники, а также его друзья, его последователи, не говоря уже о его вульгарных приверженцах, для которых он лишь «маршал», «генералиссимус» в военном мундире, и которые, собственно, его не знают и судить о нём недостойны, когда, наконец, открыты и переворочены все архивы и не осталось больше никаких «скрытых уголков» его личной и государственной жизни, — теперь, имея перед собой и необходимую историческую ретроспективу и опыт прошедшего без Сталина исторического развития мира и нашей собственной страны за полвека, — теперь мы можем с полным правом поставить перед собой вопрос: был ли Сталин великим человеком, или его культ был просто раздут при его жизни беззастенчивыми подхалимами или дрожавшими от страха — трусами и шкурниками?

Думаю, что несмотря на наличие обеих упомянутых выше категорий неумеренных «придворных» славословов в аппарате партии и государства, и даже скорее вопреки им и складыванию при их содействии пресловутого антуража «почитания вождя» в 30-40-х годах, «почитания», доходившего порой

до гротескных форм демонстративного выражения верноподданических чувств, — реальное воздействие этих искусственных следствий «народной любви к вождю» на массы рабочих и крестьян, а также на привыкшую становиться пассивной партийную интеллигенцию, — было, по сути дела — ничтожным.

Вместе с тем подспудное убеждение в «мудром сталинском руководстве» присутствовало у всех т.н. советских людей, независимо от уровня их образования, социального положения и общественного статуса, а отсюда и проистекало уважение к Сталину, и молчаливое согласие даже с самыми нелепыми проявлениями культа, на который, в то же время, серьёзно не обращали внимания, считая это просто каким-то принятым незаметно «новым обрядом».

Здесь, разумеется, играли роль психологические особенности русского народа, формировавшиеся веками: привычка к почитанию монарха, или того, кто его заменял конкретно в народном сознании и представлениях;

привычка к искусственной, фальшивой обрядности, как к чему-то официально неизбежному, но в общем-то терпимому, общепринятому, в чём русский народ убедила за тысячелетие православная церковь;

и наконец, — но не в последнюю очередь по значению, — привычка, поддаваться на людях общему чувству единения, бурно выражать свои симпатии к правителям или к знаменитым артистам, героям и т.п., являвшимся собственной персоной перед народом. Отсюда и неподдельные, подлинные бурные аплодисменты и неумолчные, длившиеся по четверть часа овации, которые стихийно овладевали массой, увидевшей вождя вблизи, слышавшей его голос и приобщавшейся тем самым «к государственности».

Конечно, такие настроения могли возникнуть лишь в обстановке 30-40-х годов, когда и страна и народ ощущали себя сплочёнными, когда трудности, горе и счастье, поражения и победы — были общими, — или по крайней мере подавляющим большинством рассматривались, как общие.

Для людей конца XX века, для нынешнего поколения, не знавшего вообще социализма, а отождествляющего эту систему в основном с брежневским временем, разумеется, не только не понятно, но и никак не может быть понято то состояние умов нашего народа, какое существовало в 30-40-х годах.

«Грудью готовы защищать Советский Союз!» — вот какие чувства преобладали и в необразованных массах, и в партийных, гораздо более

образованных в то время в политическом отношении кругах.

Защищать от всего: от внешних врагов, фашистов и империалистов, от шпионов и диверсантов, от вредителей и кулаков, от троцкистов и других оппозиционеров.

Антисталинские и притом чисто враждебные, «лагерные» настроения, сформировавшиеся после 1956 г., в 30-40-х годах были неизвестны и никак не проявлялись. Это — исторический факт, который ныне, в 90-х годах XX в. усиленно и настойчиво фальсифицируется. Людям хотят ныне привить ложные представления о советской истории, советском довоенном времени.

Но историю нельзя опрокидывать, производя субъективные хронологические смещения, подменяя тогдашние реальности сегодняшними чувствами и игнорируя подлинные исторические факты, приписывая задним числом тогдашнему периоду оценки нынешней либерально-буржуазной, антисоветской интеллигенции.

Самым критически настроенным слоем по отношению к Сталину и его политике были в 20-40-е годы самые твёрдые, настоящие большевистские партийные кадры и особенно — старые большевики и политкаторжане, видевшие во многих сталинских мерах и в новых порядках — отступление от марксизма и ленинизма.

Именно они, старые большевики, были недовольны введением в Сталинскую Конституцию 1936 г. различных демократических новшеств, вроде прямых, всеобщих выборов при тайном голосовании. Именно этот факт считался в большевистских оппозиционных кругах — главной ошибкой Сталина в 30-х годах, а вовсе не репрессии, которые велись против троцкистов и правых в партии. Истинные большевики подвергали Сталина и сталинизм критике слева, считая, что Сталин просто поторопился объявить о ликвидации антагонистических классов в СССР, и что его вариант Конституции — открывает путь к постепенной реставрации буржуазного строя.

Но таких людей даже в партии было в то время крайне мало по количеству, ибо это были коммунисты с дореволюционным стажем, вступившие в партию до Октябрьской революции, в подполье.

Они прекрасно знали историю партии, помнили все важнейшие решения её руководящих органов, были знакомы со стенограммами Съездов партии, и считали, что Сталин «ещё молодой для вождя», ибо он вошёл в руководство

партии лишь с 1912 г., в то время как ещё были живы люди, имевшие опыт партийной работы с конца XIX в. или во всяком случае — до первой русской революции 1905-1907 гг. Так что даже сам термин «сталинизм» обладал в 20-30-х годах совершенно иным значением, и поэтому «объединять» под именем антисталинистов» людей 30-40-х, 60-х и 80-х годов, — не только нельзя, но и является вопиющей исторической безграмотностью, а вернее — сознательным софизмом современных советско-буржуазных фальсификаторов истории.

Говоря об отрицательном отношении к Сталину, как к личности и руководителю партии нельзя рисовать критику «сталинизма», как некую общую, единую, продолжающуюся «все 70 лет» линию критики и недовольства, скрывая то важнейшее обстоятельство, что критерии этой критики и политическое положение разных групп «критиканов» было не только абсолютно различным, но и в большинстве случаев, как правило, диаметрально противоположным.

Историческим же фактом остаётся то, что линия Сталина, будь то во внешней или внутренней политике, никогда не воспринималась любыми политическими средами — равнодушно. Она вызывала немедленно ту или иную реакцию всего общества. И именно этот факт является убедительным подтверждением того, что сталинская политика всегда была жизненной, она затрагивала самые чувствительные точки общественной жизни, она побуждала всех к деятельности, она заставляла определять к этой политике своё отношение — всех. Ибо эта политика не была плодом «штабных», «бумажных», «канцелярских» расчётов, а вытекала из обстоятельств самой жизни и развития страны и народа, и, главное — всегда была ясно нацелена в будущее.

Это, так сказать, одна сторона вопроса о том, как оценивать «сталинизм» как историческое явление.

Но существовал и другой аспект общественной жизни, связанный с понятием «сталинизма» в 30-х годах, который условно можно было бы назвать «бытовым сталинизмом».

Дело в том, что для народа, т.е. для большинства беспартийных масс города и деревни, отгороженных и не посвящённых в настроения внутри партии, отголоски критики Сталина партийцами, а тем более аргументы, выдвигаемые ими, были чужды по ряду причин:

во-первых, они не обладали тем, что называлось политической сознательностью, т.е. не умели сами разбираться в политических событиях, которые, в сущности, их не интересовали;

во-вторых, родившись незадолго до революции, во время её, или вскоре после неё, они провели годы становления советской власти детьми, и стали взрослыми, сознательными людьми лишь в сталинскую эпоху. Это были люди совсем иного поколения и психологического склада, чем ленинская гвардия старых большевиков. Большинство их чувствовало себя «строителями социализма» и привыкло доверять Сталину, а отчасти даже боготворить его, как «организатора всех советских побед». Именно на эту новую «породу» советских людей и были рассчитаны все мероприятия Сталина во внутренней политике, поскольку «критичность» у этого поколения была — минимальной. Именно эта категория советских и партийных работников оказалась способной взамен отсутствовавших у неё твёрдых, обоснованных марксистских убеждений, имитировать свою «политическую сознательность» всевозможными внешними, демонстративными или грубыми, вульгарными средствами. Отсюда, из этой «новой породы» выходили «честные», добровольные доносчики на любых инакомыслящих, в том числе и на старых большевиков, отсюда пошла «мода» аплодировать любому оратору не в силу смысла его речи, а лишь по одному формальному признаку в виде упоминания имени Сталина.

Тут уж не надо было думать о содержании, можно было вообще не слушать всю речь, но в то же время — никогда не ошибиться в реакции на неё, поскольку слово «Сталин» звучало как сигнал к аплодисментам, овациям и другим демонстративным проявлениям своей советскости и благонадёжности.

Именно такое стихийное развитие создало то, что можно было спустя ряд лет назвать «культом личности». Но истоки этого культа были не наверху, а в самом, что ни на есть низу — они шли от бескультурья, от лени, нежелания думать, при желании пользоваться благами социализма и они шли от той части народа, которая была прежде в феодальную эпоху — дворней.

После отмены в России крепостного права и с началом развития капитализма из дворни, как из более грамотной и менее связанной с сельскохозяйственным производством прослойки, к тому же не всегда приспособленной к какому-либо специальному виду труда или ремесла, стала выходить та категория непроизводительных слоёв капиталистического

общества, которую Маркс и Энгельс называли плебеями-прохвостами.

Именно плебеи-прохвосты, бывшие крестьяне или мелкие купчишки, составили во второй половине XIX в. самый низший, но и самый дикий, самый зверский слой «русского чумазого капитализма», — по выражению М.Е.Салтыкова-Щедрина. Именно из этой среды рекрутировались те новые, реальные эксплуататоры трудового народа, которые заменили бывших бар, помещиков-дворян и крупных землевладельцев, став деревенскими кулаками-мироедами, жидоморами, купцами-перекупщиками и прасолами, умевшими лучше помещиков пользоваться нуждой крестьянской массы для её закабаления, и скупавшими за бесценок всё, что давало и могло дать крестьянское хозяйство: скот, шкуры, меха, пеньку, лён, дёготь, продукты животноводства и земледелия.

Именно все эти кулаки, перекупщики, сводчики, маклаки, барышники, тарханы, переторговщики, офени, коробейники, прасолы и факторы, т.е. все те, кто жил за счёт посреднического обмана, или обвеса, обсчёта и обмера при базарной торговле, кто торговал чужим сырьём и готовыми продуктами, — все они оказывали сдерживающее, консервирующее, регрессивное воздействие на развитие русской деревни, на развитие русской капиталистической экономики, являясь паразитическим, деструктивным слоем с точки зрения здорового народного хозяйства.

В годы революции и гражданской войны этот крайне живучий и беспощадный даже к своим «братьям по классу» слой не только испытал дальнейшую социальную дифференциацию, пополнив собой уголовный мир, но и проявил поразительную способность к приспособлению к новым советским условиям и к дальнейшей трансформации.

Именно отсюда стали выходить работники советской торговли и потребкооперации, обслуга коммунальных хозяйств крупных городов, работники транспорта, связанные с обслугой пассажиров и грузов (кассиры, билетные контролёры, кондуктора, проводники, кладовщики, багажные весовщики, сопровождающие грузов и т.п.), завскладами, палатками, лавочками, магазинами, торг — и продбазами, служащие гостиничного, банно-прачечного и пошивочного хозяйства.

Короче говоря, в такой огромной стране, как Россия, все представители и потомки бывшей помещичьей дворни, — нашли себе скромные, но

обеспеченные места и начали «мирно врастать в социализм», не утрачивая при этом, не меняя нисколько своей исторически разлагающей, реакционной общественной сущности.

Подобно тому, как при капитализме они тормозили развитие цивилизованных, капиталистических отношений, так и при социализме они с ещё большей энергией вставляли палки в колёса нарождавшимся с трудом социалистическим отношениям в обществе.

Трагично и парадоксально, что все чистки советского общества от идеологии мелкобуржуазной стихии, оказались направленными против членов партии, мало повинных в подобной идеологии, но зато нисколько не затронули самой этой живучей идеологии в стране, и совершенно не коснулись самих главных носителей этой идеологии, формально ставших по советской статистике трудящимися.

Более того, после Великой Отечественной войны и XX партсъезда согласно переписи 1959 г. все работники торговли и обслуги были переведены в категорию — рабочих, одним росчерком пера, что фактически было равнозначно тайному совершению контрреволюции, ибо непроизводительные слои, составлявшие уже 38% занятых в народном хозяйстве, т.е. люди получавшие зарплату вне зависимости от реального трудового вклада, приравнивались к настоящим рабочим металлистам, машиностроителям, металлургам, шахтёрам! И это искажало не только статистику, но и извращало всю картину социалистического общества, его классовую структуру, являлось по своей сути — отрицанием и насмешкой над этим обществом, которое становилось фикцией в силу извращения, искажения его социальной структуры и экономического смысла, как общества должного быть обществом высокой производительности труда.

Это было, таким образом, искажением марксизма, равноценным контрреволюционному действию, направленному на подрыв и гибель социалистического строя.

Эти факты говорили о марксистской некомпетенции и буржуазном перерождении верхов, но они одновременно свидетельствовали о чрезвычайной социальной и физической живучести потомков дворни, разложившей вначале феодально-крепостнический строй, затем — русский раннекапиталистический и, наконец, тихой сапой, изнутри подрывавшей,

подгрызавшей, подтачивавшей социалистический строй, на котором они преспокойно и непрерывно паразитировали.

Не удивительно, что такие «трудящиеся», такие «рабочие и колхозники», из карьерных соображений проникая в партию, наводняли её организации, лезли и долезали наверх, в номенклатурные и сверхноменклатурные должности, пока, наконец, к середине 80-х годов не оказались непосредственно в правительственных кругах, в руководстве партии.

Всех этих процессов, развернувшихся особенно резко после 1950-х годов, Сталин, разумеется, не мог предвидеть, и, кроме того, не просчитал их теоретически, заранее, в чём и состоит его настоящая большая историческая ошибка, хотя он делал всё возможное в своё время, чтобы уничтожить кулаков, как класс, совершенно правильно видя в этом социальном слое главную опасность для существования социализма. Но кулаки, как клопы, между тем уцелели, а их потомки оказались в числе руководителей нынешнего российского государства, явив собой наглядную иллюстрацию обрисованному выше процессу выживания прохвостов-плебеев при всех формациях, в том числе и при социализме.

Увлечённый борьбой с оппозицией внутри партии, Сталин не учёл, что основная опасность грозит партии со стороны того временно «безгласного», «тихого, послушного», мелкобуржуазного слоя, который потихоньку пролезал в партию после изгнания из неё активных оппозиционеров, и который буквально хлынул в партию после смерти Сталина и XX съезда КПСС, когда все сдерживающие рогатки были отменены. Конечно, основная вина за это ложится на эпигонов Сталина, на людей полностью являвшихся мелкобуржуазными по своей сути — т.е. на Брежнева и особенно — на Горбачёва и его сплошь «деревенское» окружение (из рабочих в Политбюро был только один Щербицкий, не принявший участия ни в перестройке, ни в других безобразиях горбачевской «кодлы»).

Итак, если объективно рассматривать те социальные и политические изменения, которые происходили в СССР за период 20-90-х годов, т.е. на протяжении более 70 лет, если оценивать ту эволюцию, которую советское общество проделало за этот период, то можно констатировать, что по крайней мере до смерти Сталина, т.е. в целом до середины 50-х годов, происходил процесс целеустремлённого строительства социализма, несмотря на то, что из

34 полных лет этого периода (1918-1952 гг.) почти 9 лет были заняты войнами (гражданской, советско-финской и Великой Отечественной), и 8 лет ушло на послевоенное восстановление разрушенного хозяйства (1922-24 гг. и 1945-1949 гг.).

Таким образом на производительные годы пришлось лишь половина данного периода — всего 16-17 лет.

Тем не менее за это время были достигнуты поразительные, небывалые ещё в мировой истории успехи в хозяйстве, в культуре и во внешней политике СССР. Только теперь мы с особой остротой можем видеть, что не будь в этот период в руководстве страной Сталина, вряд ли всё это могло бы быть осуществлено. И именно этот факт особенно хорошо был виден из-за рубежа. Один из виднейших представителей капиталистической Европы, президент Финляндии Ю.К.Паасикиви, человек, активно участвовавший в руководстве своей страны с 1918 по 1956 г. (в 1918 г. он был премьер-министром Финляндии, в 1946-56 гг. — президентом), принадлежавший к людям старшего поколения (род. в 1870 г.), лично прекрасно знавший Сталина, как противника (вёл с ним переговоры в 1939, 1940, 1944, 1945 и 1948 гг.) сделал после смерти Сталина следующий вывод о его исторической роли для России.

«Сталин — одна из величайших фигур современной истории. Он прочно вписал своё имя не только в историю Советского Союза, но и во всемирную историю. Под его руководством старая Россия изменилась, обновилась, помолодела и превратилась в теперешний Советский Союз. Он поднял СССР до уровня могущественной мировой державы — сделал его могущественнее, чем когда-либо была и могла быть Россия.

Сталин — один из величайших созидателей государства в истории. В отношении Финляндии Сталин проявлял симпатию и дружественность. Поэтому его уход из жизни вызывает искреннюю скорбь нашего народа. Я имел возможность много раз встречаться с генералиссимусом Сталиным и вести с ним переговоры. Об этих встречах я сохраняю самые наиприятнейшие воспоминания».

История Советского Союза без Сталина насчитывает 37 лет, т.е. чуть больше, чем «сталинская эпоха», причём за эти почти четыре десятка лет практически не было войн. Единственное применение военных сил СССР в Афганистане с 1979 по 1989 гг. ни по своим масштабам, ни по зоне своего

действия, не может идти ни в какое сравнение с настоящей войной, поскольку в отличие от последней, оно всё развёртывалось вне территории СССР, и ограничивалось, как узким, зарубежным театром военных действий, так и ограниченным контингентом войск, занятых в этих действиях. Оно не наносило ущерба ни территории, ни народу нашей страны, и затрагивало только семьи тех, кто в качестве солдат или офицеров принимал участие в сражениях на территории Афганистана. Поэтому ни проблема разорения, ни проблема ущерба и восстановления разрушенного войной, не стояла в этот период, не говоря уже о том, что война эта отвлекала людей не 17, а 9 лет.

Казалось бы и технически, и экономики СССР был во вторую половину XX века в несравненном более благоприятном положении, чем в первую. Наследникам Сталина не приходилось бороться внутри страны ни с враждебными классами, ни с оппозицией в партии. Они получили в наследство экономически, технически и в военном отношении передовую державу.

Но как распорядились они с этим наследством? Они продули, продали, расхитили и распылили его.

Сталин создал богатую державу из разорённой, нишей, отсталой страны. Его же «наследники» своим нерадивым и бездарным правлением превратили богатую страну в нищую.

Как же можно после этого не видеть и скрывать тот непреложный исторический факт, что один лишь отход от социалистических принципов государства привёл к ликвидации всех достижений сталинской эпохи, к утрате всего нажитого народным трудом, к предательству усилий нескольких предыдущих поколений и к обречению на капиталистическое рабство всех последующих.

Как же после всего этого, вопреки ясным историческим фактам, у нынешних русских лакеев американского империализма поворачивается язык осуждать Сталина и Советскую власть за разорение страны, когда в этом исключительно виноваты те, кто отошёл от сталинских принципов руководства, кто всячески поносил их в течение почти 40 лет, прошедших после смерти Сталина, кто стал ренегатом партии и предателем страны и трудящегося народа?

По мере того, как после смерти Сталина стали осуществляться различные изменения социалистического строя, по мере этого страна слабела, нищала и

теряла мировой престиж. Вначале это привело к стагнации, к застою. Затем, когда активность в проведении буржуазных реформ усилилась — это привело к катастрофе, к краху социалистического государства и к расколу, к распаду СССР. Надо быть поистине слепым, или заведомо циничным, бесстыдным лжецом, как нынешние политики, чтобы отрицать достижения сталинской эпохи и скрывать гибельность отказа от сталинской политики сохранения социализма в СССР.

Если в чём и можно обвинять Сталина, то только в том, что с его стороны были некоторые отступления от ортодоксального социалистического курса. Но такие отступления во-первых носили тактический характер, были продиктованы необходимостью учёта международной обстановки, а во-вторых, поддавались исправлению, изменению, корректировке, так как имели не органический, а функциональный характер. И не они ли указывали преемникам Сталина на то, что надо в первую очередь исправлять такие ошибки, а не углублять их, не отходить всё дальше и дальше от социализма? Как в большом, так и в малом, по мере того, как мы можем оглянуться на сталинскую эпоху ретроспективно, и сравнить её достижения в СССР с тем что стало после Сталина и с тем, что наступило теперь, в конце XX века, мы чётко видим, как отпадают, лишаются всякого основания обвинения в адрес Сталина в неправильном руководстве государством.

Исторического деятеля оценивают не по словам, а по делам, а главное — по основным конечным результатам его политической и государственной деятельности. И эти результаты в смысле построения и укрепления государства — экономически, внешнеполитически, и в военном отношении у Сталина могут оцениваться только высшим баллом, чего никак нельзя сказать ни об одном из его преемников.

Всё остальное отрицательное, инкриминируемое Сталину, не более, как безответственная болтовня, мелочь или фальсификация истории, не имеющее никакого подлинно исторического значения для общей оценки Сталина, как деятеля мирового масштаба.

Репрессии? Но какое классовое, капиталистическое в том числе государство, не ведёт борьбы и не ограждает свой строй от классовых противников?

Но и в этом, казалось бы ясном вопросе фальсифицируется его суть.

Ведь вина Сталина состоит в том, что ведя классовую борьбу со своими противниками в партии он погубил заодно с врагами и много своих, бывших товарищей-коммунистов, марксистов, преданных делу социализма. Именно за это достоин он осуждения. Но осуждения только от партии, которая признаёт такие действия за серьёзную политическую и тактическую ошибку. Но ведь нынешние «демократы» ни словом не сожалеют о погибших коммунистах. Они рады этому обстоятельству, но, скрывая это злорадство, демагогически вопят о каких-то абстрактных, вне политических «жертвах сталинского режима», рисуя Сталина, как некоего злодея, уничтожавшего «вообще народ». Эта заведомая ложь, причём двойная и циничная. Она замалчивает гибель кадров партии, понёсшей основной урон от сталинских репрессий, и, следовательно, имеющей основания быть недовольной Сталиным. В то же самое время этот факт используется для очернения всех коммунистов, всех идей, мыслей и принципов социализма, для вызывания ненависти к коммунизму и партии, которые, собственно, являются единственно пострадавшей стороной в 30-е годы и поэтому судить об этом периоде могут объективно только они, а не их нынешние классовые противники.

Возьмём другой вопрос, также являющийся объектом гнуснейшей фальсификации. Вопрос о насаждении «культа личности».

Современных людей всячески стараются убедить, что «культ» насаждал сам Сталин, хота есть десятки его выступлений, и статей, где он ясно и чётко клеймил тех, кто действительно насаждал этот культ.

Но оставим сталинскую эпоху, обратимся ко времени, когда культ был уже 20 лет, как осуждён, Сталин давным-давно сгнил в могиле, и шёл 1978 г., год новой, брежневской Конституции.

И вот, на одном из торжественных заседаний в одной из республик, где принималась новая республиканская Конституция, присутствовал, прибывший на пару дней из Москвы, лично Леонид Ильич Брежнев.

Посидев минут 30 в президиуме, Леонид Ильич как-то незаметно отлучился. Первыми заметили это ораторы, поднимавшиеся на сцену. Они почувствовали себя неуютно из-за того, что будут принуждены говорить заготовленные для генсека комплименты в его отсутствие. Поэтому, в президиуме начался торг, кому выступать; это заметили в зале, и пристально вглядываясь в президиум обнаружили, что там нет Леонида Ильича! В зале

заволновались: в чём причина исчезновения, не случилось ли чего в Москве? Шёпот обсуждения этой темы на время даже заглушил и спутал речи ораторов. Прошло минут 20-25 и так же неожиданно, как он и исчез, в президиуме вновь возник Л.И.Брежнев. Собственными бровями!

Что тут было! Зал, в едином порыве встал и оглушительными, радостными, долго-долго не смолкающими аплодисментами приветствовал возвращение Леонида Ильича из … туалета.

Спрашивается — кто-нибудь приказывал этим людям столь бурно выражать свой восторг? Была ли, наконец, какая-нибудь причина для восторга? Подумал ли хоть один-единственный человек из присутствовавших 3000 душ, не глупо ли так реагировать, так поступать?

И вообще — задумался ли хоть один человек, куда вполне естественно может исчезнуть на несколько минут человек?

В джентльменских, цивилизованных средах, кругах, обществах подобных «исчезновений» не замечают, а у нас в стране, даже среди партийной, избранной публики, а не только среди простого народа — из этого не стыдятся делать событие, это по-дикарски подчёркивают, не сознавая даже, не давая себе времени осознать, всю глупость, пошлость и карикатурность подобного положения.

Почему?

Потому, что восторжествовали плебеи-прохвосты, восторжествовала и выжила дворня, потому, что плодами революции воспользовалась мелкая буржуазия, извратившая социализм при помощи такой же мелкобуржуазной интеллигенции, «разрывающейся» всю жизнь между подхалимством и страхом перед сильной властью и поношением слабой власти.

Кто же в таком случае виноват в «культе» и в других извращениях?

Сталин?

И вам не стыдно, господа!?

Виноваты вы сами, вы и только вы одни, и те, кого вы — по глупости или из страха и подхалимства выдвигаете во власть и поддерживаете во власти.

Вся вина за ход истории в отсутствии Сталина ложится на продажный госаппарат, который забыл о своей стране и позволил временщикам, не годящимся Сталину даже в подмётки, диктовать народу свою злую, недобрую, своекорыстную волю.

Да, народ, к сожалению, безмолвствует в этой ситуации.

Но, сколь долго?

Умирая, в августе 1918 г, Г.В.Плеханов сказал, что русский народ очень даровит, но храбр только из-под палки.

При крепостном строе он может самоотверженно защищать своё отечество и царя, но получив свободу, обнаруживает полное равнодушие к родине и к её общим интересам.

Сталин говорил в 1945 г. о необычайном терпении русского народа, как о его, самой характерной черте, но говорил уважительно, подчёркивая что терпение это связано с ясным умом и стойким характером, и потому проявляется в зависимости от оценки народом исторической ситуации, это значит, что народ не всегда одинаково терпелив.

Сталин признавал, что русский народ является руководящей силой всех народов страны — и на эту роль его объективно поставила и определила как история так и география! Для такого народа, если им правильно руководят настоящие большевики, а он доверяет им, «безвыходных положений не бывает».

Нынешняя власть за какие-нибудь 5-6 лет, ограбив народ, и разграбив страну тем не менее сделала ещё и долги: внутренних долгов более чем на 300 млрд. долл., а внешних долгов почти на 150 млрд. долларов.

Этих долгов народу России не выплатить весь XXI век. Придётся отдать иностранным инвесторам заложенные под эти долги железорудные, угольные, нефтяные, газовые и другие недра страны.

Вот что скрывают нынешние власти и вот чего не знает и не понимает народ.

Выход из этой ситуации лишь один — полный отказ от уплаты иностранных долгов, которые от имени России сделали нынешние правители-временщики. Но отказаться от американских долгов (как в 1917 г. отказались от царских) могут только большевики.

P.S. ***Однако вывод этот чисто теоретический.*** *Чтобы ясно представлять себе ту историческую обстановку, в которой мы очутились. Такой вывод обязан сделать всякий добросовестный и уважающий своих читателей историк, не желающий пичкать их байками с дешёвыми*

утешениями и преподносить им туфту.

Что же касается реальных, практических условий его осуществления, то их нет, и не будет по крайней мере в ближайшие полтора-два десятилетия.

Ибо — отсутствуют как объективно-исторические условия (в силу сложившейся международной обстановки, неравноправного военного и внешнеполитического положения России), так и не существует пока субъективно-исторических факторов, поскольку массы (т.н. «народ», население) абсолютно разобщены, дезорганизованы и пассивны, а политические лидеры крупного исторического масштаба, способные к правильным решениям и действиям, совершенно отсутствуют в стране.

Таким образом, ***вопрос о том, что будет с Россией*** *, как сложится её дальнейший исторический путь, вовсе не решён.* ***Он неясен, запутан и исторически остаётся открытым.***

В. В. П. 9 августа 1996 г.